

Максим Макаров

Наследство бедной Йорденгиз
(научно-фантастический роман)

Максим Макаров

Наследство бедной Йорденгиз

<https://litres.ru/74102698>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга является продолжением моих произведений о Виатерре. События начинаются в цивилизации, которая в историческом, научном и культурном плане связана с Виатеррой, но не любит этого признавать. Как следует из названия книги, источником интриг является та, что была сообщницей альтеранта Тембестора, очень умная, очень хитрая и при этом настроенная мистически. В чем заключалось ее наследство, и существовало ли оно вообще, следует из сюжета книги. Как и в первых двух книгах сюжет содержит большое количество приключений в различных локациях, однако промежутки между ними заметно больше. Это позволяет затронуть широкий спектр тем: социальное неравенство в благоустроенном высокотехнологичном обществе, проблема самореализации молодежи, всемогущие руководящие формализма, проекты и интриги влиятельных лиц, а также то, как в таких условиях работать хорошим гражданам и героям, даже если они обладают сверхъестественными способностями. В оформлении книги использованы мои собственные рисунки.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

4

Конец ознакомительного фрагмента.

227

Максим Макаров

Наследство бедной Йорденгиз

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

За окном все было синее – дома, антенны, энергетические накопители, магистрали для модулей и рабочих роботов. Магистрали тянутся до самых верхних этажей, поднимаются по антеннам и тонким башням в сопровождении индикаторных огней. Индикаторам положено быть белыми; если работа нарушена, они становятся желтыми, но по эту сторону стекла не разберешь. Промежутки между домами очень малы. Рукотворные конструкции занимают практически весь обзор, но и там, где пространство от них свободно, можно видеть только одну цветовую гамму. Синим покрыто все в пределах района, синий цвет торжествует во всем полушарии. Кое-где можно встретить фиолетовые и зеленые оттенки, связанные, главным образом, с энергетикой. Там, где есть производства, повсеместно идет использование горючих газов, источником могут быть самые разные вещества. Горючий газ получается путем реформинга и частичной анниги-

ляции материи; полной аннигиляции нет, поэтому энергетический выход не так велик, как возможно; но тем не менее такой подход позволяет получать огромные массы тепловой энергии, что очень важно в металлургии и химической промышленности. Энергетика считается занятием, вредным для здоровья, поэтому ей позволительно иметь зеленые плиты и окна в зданиях. Простым деловым домам полагаются окна синего или серо-синего оттенка. За ними все пространство кажется синим, даже воздух, что, впрочем, является своеобразным комплиментом. Воздух разрежен и лишен приятного сияния живых планет. Ему не мешают тучи и облака. Его не посещают радуги. Воздух держится большей частью за счет искусственных систем и в светлое время суток небо кажется монотонно-серым, как в пасмурную погоду. Те, кто здесь живет, могут находиться в такой атмосфере постоянно; и все же, многим хотелось бы побывать на живой планете, провести там месяц или даже жить постоянно. В этом нет запрета. Синие дома, массивы и города расположены на спутнике настоящего живого мира. Чтобы жить там постоянно, требуются средства. Необходимо иметь постоянную работу, в противном случае большая часть удобств окажется недоступной. На планете давно уже нет настоящей нищеты и голода, но есть безработица. Многие молодые специалисты перебрались на спутник, поскольку здесь вакансии и не так остра конкуренция. Они родились в разных местах, но так или иначе связаны с планетой. Кто-то родился на кос-

мическом корабле, кто-то – на этом или на соседнем спутнике. Поскольку атмосфера является неполноценной, детям без родителей не позволяют покидать зданий, пока им не исполнится десять. Или четырнадцать. Или... уже забываются многие детали, хотя все это было недавно. Почти недавно. Программа опять неправильно. Рифты она читает как «рафты». Утомилась?

- Какой вздор! – программы имеют способность к самообновлению и саморазвитию. Не являясь искусственным интеллектом в полной мере, они способны накапливать цифровой опыт. Запомнив данные, не просто выводят их при запросе, но одновременно дают предложения и соображения, порой весьма неожиданные. Цифровое вдохновение используют в разных технологических сферах, в рутинной работе. Кажется, до сих пор ни одна программа не придумала ничего гениального, хотя такие ресурсы существуют уже десятки тысяч лет. Искусственный интеллект, подобный разуму, действует лишь на планете, находясь под непрерывным контролем граждан, т.е. живых разумных существ. При любом малейшем инциденте работу искусственного интеллекта прекращают или резко уменьшают мощность, поскольку боятся аварий. Цивилизации известны разные примеры машинного бунта, поэтому самую важную информацию не доверяют машинам. Сокровенная информация хранится в головах и книгах, их читают с благоговением – или просто с большим вниманием. Иногда читают без внимания, пролистыва-

ют, желая найти что-нибудь уклонившееся от глаз, несмотря на давнее знакомство с текстом. Такое бывает: можно по пять, по десять раз смотреть на текст и не заметить одной детали – незначительной, но странной. Сотни раз просматривают текст и не видят; многие поколения не видят мелких особенностей или нарушений в тексте, хотя они есть; они чаще всего не влияют на смысл, и, возможно, поэтому их не замечают. Однако, если смысл имеет форму цифровой программы (а таких книг немало) – всего один символ может изменить многое, особенно если вдруг захочет блуждать по тексту. В напечатанном виде он, конечно, не блуждает, а прикован к бумаге; но программы способны обучаться и тогда... Что опять случилось? Катастрофы, кажется, не случилось, за те многие сотни тысяч лет, что существует цивилизация. Она устойчива. Правда, по слухам, она не столь успешна в дальних космических полетах, не умеет строить грандиозных космических станций; да ей это и не важно, потому что она... какой-то другой принцип. Это подробно не проходили – ни в вузе, ни тем более в школе. Школа вообще здесь похожа на замкнутый интернат. Не заключение, но ограничение во всем. В школе часто было обидно.

Молодой специалист так подумал и опять вернулся к компьютеру. Программа опять выдавала рифмы как рафты, а помимо этого принялась писать советы о том, что ее вовсе не касается. Она утверждает, что нашла неполадки в другой программе. Текст весьма примитивен. Программа повторяет

фразу «станет ухудшаться», «станет ухудшаться опять». Какой чуткий дар предвидения! Половина маркеров показывает, что программа не в себе и ей требуется обновление. Другая половина молчит. Ждать ли, когда они зажгутся. Чего доброго, программа испортит собственную работу – например, сотрет данные, которые же сама рассчитала. Их стоит сохранить.

Он сохранил данные, за исключением одного окна, которое застыло в чуть размытом состоянии. Если бы в программе была внутренняя борьба, она бы просто закрыло окно, или даже уничтожила его материал, сочтя вредным. Этого пока не происходит. Окно не «горит», но и не работает. Подумав немного, он решил просто списать данные с экрана. Затем он запустил перезапуск. Системный блок глубоко вздохнул – у него не было никаких органических структур, но тем не менее он любил издавать почти живые звуки. Иногда он отрывисто ругался. Блок уже имел почтенный возраст, и его не обновляли, не добавляли узлов, просто осуществляли некоторый цифровой ремонт - удаляли одни программы и ставили новые. Это прерогатива особых работников. Молодые сотрудники не должны заниматься настройкой блоков, даже если они имеют квалификацию программистов. Последние ведут работу под надзором опытных лиц. Все остальные сотрудники из числа молодых и самых молодых имеют право только перезагружать компьютеры. Это и было сделано. Компьютер сообщил, что программа вернется

в нативное состояние только через двадцать минут.

- Это долго. – Он решил проанализировать распечатанные данные.

Их в любом случае надо обрабатывать и представлять в отчете.

Как назло пришло заместитель завсектора.

- Отчего сей шум? Вы опять не то нажали?

- Нет, мистер Фейм, я...

- Не опять, а снова. Что тут есть? – он постучал по клавишам. Компьютер добродушно сообщал, что он будет скоро вновь активен; заместитель хмыкнул и стал в телеграфном стиле спрашивать о текущей работе. Был довольно жесткий план. Результаты сегодняшней работы нужно отослать в Экспериментальный Центр, а также в один из научно-исследовательских институтов. Этот заказ выполняются в рамках освоения другой планеты. Тихий стук в щели сменился гудением. Экран засветился и стал выдавать различные данные. Завсектором их листал в быстром темпе.

- Это что, это что? Это совсем не сделали? Это надо – сегодня! Вы понимаете простые слова? Ровно в десять вечера – все должно быть готово – у главных! А им даже не отсылали?

- Мистер Фейм, сделано все, кроме последней части. На ней программа зависла, выдавала нелепые фразы.

- Вы беседовали с ней? Вам же говорили, что программа старая, необходимо это учитывать! А Вы. Впрочем, молодые

специалисты, что тут взять. В общем это надо переделать. Пусть она считает – но вы проверьте. Вы обязаны проверить все. Вы поняли? Нельзя уходить, пока не сделано.

- Я понял. – в комнате тесно и скучно. Старшие специалисты, руководители и их замы подолгу остаются на работе, иногда в течение всей ночи они не покидают рабочих мест, они пишут, считают, размышляют или ждут. Они действительно не уходят. Но вокруг них совсем иное пространство: их кабинеты размером не уступают средней квартире, там есть разделение на сектора, включая рекреацию. Там можно лежать, смотреть телевизор, готовить и даже заниматься спортом. В таких секторах молодые специалисты бывают по стечению обстоятельств, некоторые – посещают их часто, поскольку их приглашают начальники. Кое-кто является талантливым и перспективным; большинство, конечно, имеют расположение благодаря знакомству. В молодежной среде принято презирать подобные связи, однако почти никто не против получить нечто подобное, хотя бы чуть-чуть. Сотрудник, к которому заходил завсектора, никогда не имел таких знакомств. Он закончил вуз три года назад и был распределен на спутник, под покров скучного неба, чтобы заниматься проектированием конструкций в сфере геологоразведки. Он инженер-геолог и геофизик. Он родился на этом спутнике, не занимался спортом и не умел хорошо знакомиться; связей, полезных для быстрой карьеры, ему было неоткуда взять. Он из тех детей, которые получают путем совмеще-

ние анонимного биоэнергетического материала. Эта практика является массовой для данной цивилизации. Хотя встречаются настоящие семьи, есть дети, которые родились у известных родителей, есть династии, включая очень древние, близкие эпохе Эверглейда. Изначально предки этой цивилизации родились на планете Виатерра и были тесно связаны с ней, и со всеми ее пространствами. Переселение в эту часть Вселенной произошло еще до эпохи сверхдалних перелетов, еще до создания трансгалактических кораблей. В те времена путешествие по Вселенной сильно зависело от случая. Но уже тогда жители Виатерры могли находить порталы между разными Мирами, близкими и очень далекими. Переселение на планету произошло очень давно; к настоящему моменту цивилизация считает себя совершенно независимым феноменом и поддерживает с Виатеррой исключительно деловые контакты, безо всякой родственной или культурной близости.

«Может быть, уехать на Виатерру?» – компьютер показывает, что он готов работать, только ему требуются донастройки – они были внесены в программу, которая их благополучно стерла. Мысленно ворча, молодой сотрудник стал все вносить. За окном темнело. Окна ближних зданий становились матовыми, но это не значит, что настал вечер. Состав атмосферы меняется. В ней встречаются химические вещества, не рекомендуемые детям, поэтому всех детей не выпускают из зданий в течение всего года. Для них существуют

залы, имитирующие природу. Там даже есть настоящие заросли в грунте. Но он как-то не любил играть в зарослях. Мысли качаются то в одну сторону, то в другую. Уехать – не уехать – остаться... здесь настоящая геолого-поисковая деятельность невозможна. На спутнике лишь перерабатывают сырье. Через портал на его доставляют на ракетах и космических платформах – довольно медленных, надо сказать. На другом спутнике жизнь аналогична, только дома другого цвета. Третий спутник слишком мал и неудобен, там работают лишь роботы. Уехать можно далеко; он слышал о разных мирах и по крайней мере о двух звездных системах, не считая Виатерры, где можно устроиться. И на Виатерре можно устроиться. Но как собраться и доехать, как получить разрешение? Его дают лишь в особых случаях или за особую плату. Чтобы ее собрать, придется работать лет двадцать – а то и тридцать, если учесть, что цены иногда повышают. Уехать навсегда – или не навсегда ... это вообще сложно представить. Что случится через год, никому не известно. И какой будет вся жизнь, с чем придется сталкиваться, куда ехать – разве это предскажешь. Поэтому даже странно говорить про навсегда. Конечно, хотелось, чтоб было интересней. За три года не было ни одного грандиозного дела. Разумеется, идет повседневная рабочая рутина, порой встречаются задания более значительные, но в целом ничего нового не удастся предложить. Он был уверен, что способен на новое. Осмотревшись, он приоткрыл компьютер там, где

запрещено открывать. Этот фокус известен многим поколениям студентов – стоит кое-что нажать и программа становится быстрее. Долго в таком состоянии ей нельзя находиться, но сейчас этого и не нужно; необходимо просто завершить дневное задание. Он завершил его за пятнадцать минут до конца официального рабочего дня, а затем еще час ожидал комментариев. Бывало так, что начальники внезапно находили недочет, требовали исправить, а молодой сотрудник уже ушел, поскольку рабочий день кончился, и он не получил новых вводных. Его как правило, вызывают; в редких случаях велят завтра все доделать. «Тем, у кого знакомства, спокойно!». Он решил подождать и целый час не знал, что делать. Читать ему не хотелось; любые игры и развлечения в этой комнате запрещены; начальники не любят вообще видеть молодых сотрудников за игрой. Бывает, работа растягивается на огромное время, уйти нельзя, и необходимы перерывы. В таких случаях молодые стараются играть там, где не ходят часто взрослые. Там хуже, и часто неудобно. Молодые не платят почти никаких налогов – но и зарплаты у них гораздо ниже. Молодым полагаются только «жилые капсулы» – пространства площадью менее 10 квадратных метров. Они обильно расположены в секторе общежитий. Изнутри капсулы покрывают интерактивными тканями, которые имитируют трехмерные картины природы, космоса или других локаций. Эти ткани тоже надо покупать. Капсулы выделяются практически бесплатно, чем и пользуются молодые. Арендо-

вать квартиру на спутнике дорого. Еще дороже ее купить, но в этом почти нет смысла, поскольку те, кто действительно имеют средства, предпочитают покупать недвижимость на живой планете, а не на спутниках. Исключение составляют руководители и специалисты из числа виртуозов, которые приобретают большие квартиры. Говорят, так происходит во многих мирах. На Виатерре, кажется, иначе... но он не читал никаких периодических изданий – ни печатных, ни цифровых, поскольку не любил газетно-журнальных текстов. Серый вечер казался хмурым. Спутник лишен естественных водоемов, его не посещают дожди и не пугают грозы. Некоторые очень боятся гроз. Бывает, неполадки в энергетической системе создают гигантские ленты огня на земле и над землей. Аварии, конечно, случаются. Ремонтная работа не считается престижной, к тому же, она грязная. Земля и грунт тоже грязные, но это совсем иное. В них можно отыскать открытия. Да, он очень хотел открытий.

Часы пропели новый час. Можно дойти до общежития через систему зданий, а можно сесть на модуль. Все дома соединяются множеством архитектурных переходов и перемычек, очень часто над землей. В этих случаях смотреть в окна даже интересно – если не ходить слишком часто одним и тем же путем. Не покидая стен, можно пройти десятки и сотни километров. Конечно, это будет долго. Внутри зданий есть выделенные полосы для механического транспорта, подобного велосипедам, с разным количеством колес. У него

нет велосипеда. К тому же, крутить педали совершенно несерьезно. Так он думал.

- Надоедает. Да, надоедает. Что же – уезжать. Куда, зачем? – вот трепещущие вопросы. Боюсь, что здесь еще долго ничего не предложат интересного. А сам я не могу предложить интересное – потому что у меня нет статуса. Просто безобразие! Кто тут виноват? Я один. Нам так часто говорили во время занятий: каждый – сам творец себя, не перекладывать на других, брать ответственность. Но одно дело – выучить учебный материал, пусть даже очень сложный, а другое – строить карьеру, организовать... Кого – самого себя? Смешно! Любое предприятие требует значительного числа лиц, но только начальники могут привлекать... впрочем, я не прочь, чтобы меня привлекли, я ведь сам еще не.... Но не привлекают. Что при этом делать?

Он постучал по цифровым часам.

- Если только появится возможность – надо уезжать! Но только это как-то. Непонятно, с кем окажешься потом. В любом случае с кем-то окажешься. Лучше, если есть знакомые. Я не люблю знакомства. Я не люблю, когда навязываются и не навязываюсь сам... вообще я не люблю общаться. То есть.

Женский голос спросил:

- Вы идете?

Он стоял перед открытым лифтом. Лифт только что распахнул створки. Подумав мгновение, он молча сделал шаг в бок, а затем направился к лестнице. Он чувствовал себя

уставшим, и он действительно утомился; но раз у лифта оказались те, кто сделал ему замечание, не стоит быть рядом с ними. Этот принцип он исповедовал с раннего детства. Этажей было много, а переходов и лестниц – еще больше. Во второй лифт (уже в другом здании) он тоже не пошел. Ему казалось, он обиделся и поэтому не должен быть рядом с кем-либо. Отчего же он обиделся? Заместитель завсектора, конечно, испортил настроение – хотя нельзя сказать, что прежде было настроение. Виноват системный блок, а также те, кто его не настроил должным образом. Блок постоянно выдает ошибки, иногда в критический момент. Говорить о них часто нельзя, поскольку в этом есть намек на чужую некомпетентность. Этому, кстати, тоже учили и в школе, и в вузе. На планете было лучше, несоизмеримо. Там есть леса, поля, настоящая атмосфера. На полях почти не работают, поскольку пищевые товары получают на специальных комбинатах, и ландшафты остаются нетронутыми. Кое-где можно гулять совсем свободно. На спутнике есть огромные территории, не занятые ничем, доступные для любых разрешенных развлечений, включая игру в футбол. Футбол бывает разных типов, с воротами и без ворот. Здесь то же есть футбол. Но бегать в скудной атмосфере приятно не всем. Он не любил подобных развлечений. А что же ему нравится – он часто спрашивал сам себя. Читать, чертить, придумывать – но из того, что он придумал, еще ничего не вошло в практику. Наверное, посмотреть какие-нибудь динамичные карти-

ны в экране, поиграть в нем, тоже будет приятно. В капсулах возможны только маленькие экраны. Что-нибудь покушать?

- Да ну их всех – он разом проглотил содержимое крохотной баночки, не ощутив ни малейшего вкуса, и запил простой водой. В некоторых капсулах есть отведение для мусора. Он всегда убирается сам. Он присел и задумался.

- Уезжать. Но куда. Уезжают просто так. А потом исчезают. Это... страшно. Так не стоит поступать. Но так можно уехать сразу. Если до смерти надоело. А тут. Сколько нужно ждать, чтобы до смерти? Надо заранее что-то найти. Но уехать трудно.

В капсулах играет музыка, горят экраны.

2

Основу цивилизации составляет планета Гардис. Именно к ней галактический портал вывел представителей Виатеры, здесь они основали долгосрочные поселения и стали активно преобразовывать ландшафт. Испытывая страсть к геометрическим формам, жители очень любят мозаики и заметно преуспели в этом жанре. На Гардисе высокохудожественный орнамент украшает не только дома, изгороди и парки, но даже простые технические конструкции, вроде цистерн. Орнамент не лежит везде, но мозаик много. Изобразительное искусство тесно связано с компьютером и пренебрегает карандашами, кистями, красками; картины, написанные целиком вручную, популярны только в узких кругах. Береговой линии и землям вообще стремятся придать правильные

очертания. Если смотреть из космоса, видно, что каждый континент Гардиса сложен из большого числа многоугольников, и естественное движение литосферных плит почти не способно нарушить правильных очертаний. Цивилизация очень следит за сохранением эстетических форм и тратит на это ежегодно большие средства. Получение доступной энергии дешевым способом известно давно; правда, энергетика не столь эффективна, как на Виатерре – в частности, Гардис не производит двигателей для трансгалактических кораблей. Первоначально освоение Гардиса планировали вести одновременно с освоением других миров, в которые вели космические порталы. Каждый раз, попадая в новый мир, получали поиск, борьбу, иногда потери; иногда открытия и прибыль не компенсировали ущерб; но тем не менее отряды продолжали уходить из Гардиса. Уже после первых путешествий стало ясно: порталы не могут существовать всегда, необходимо зафиксировать их конец и начало, закрепить двери тоннеля, который возник благодаря неведомым силам Вселенной. Управлять движением материков тогда не могли даже на Виатерре, поэтому эта технология не могла быть применена. Сам портал связан с космосом, но «двери» – конечные участки портала – часто связано с силами земли, планеты, где он открыт. Их искали и нашли на Гардисе, а также на одной из планет удаленной системы. Те концы удалось закрепить. Другие порталы исчезали, иногда стремительно, иногда – таяли, как снежный домик: его об-

щие очертания видны, они понятны, но играть с ними как прежде уже нельзя. Цивилизация смогла установить портал с одной удаленной планетой и с отдельными планетами в своей звездной системе. Согласно древним источникам, в самом начале из Гардиса можно было пройти по меньшей мере в четыре красивых мира, два из них были вполне живые, другие два – богатые полезными ископаемыми. Но те пути исчезли, растаяли, как весенний снег. Старая весна завершилась, а новая весна была уже иной – в ней уже не было секретов. Так писали романисты и любители художественных оборотов. Из Гардиса ведет портал к неживой планете, где добывают руду. Там же есть космопорт. Мимо той системы ходят стремительные космические корабли, которые можно приобрести, пусть и за очень большую плату. На Гардисе не любят часто покупать чужие корабли, свои собственные заметно уступают им по качеству. Для перемещения внутри звездной системы и к ближайшим звездам они вполне пригодны. Гардис посещают представители других цивилизаций, и Виатерры тоже; благодаря общим культурным истокам жители Гардиса не прочь поехать на Виатерру и в Миры, с ней связанные. Правда, получить разрешение в своей цивилизации очень сложно. В свою очередь, представители Виатерры чаще всего не живут в Гардисе подолгу, поскольку карьерные и творческие перспективы здесь ниже, чем на Виатерре. К тому же, при всем интересе к технологиям, Гардис более заинтересован трудоустраивать своих граждан, а не чужих. Об

этом регулярно говорят в информационных каналах.

Геофизики очень востребованы для коррекции профиля материков, при создании искусственного ландшафта. На Гардисе есть особый научно-исследовательский институт, где изучают физические и химические свойства магмы. К настоящему моменту технологии позволяют достичь верхних слоев магматической части литосферы, проводить замеры и даже ставить настоящие эксперименты. Однако, по словам ученых, это дает лишь некоторое приближение к истине, океан лавы закрыт от прямого наблюдения. Десятки и сотни методик косвенного анализа дают представление о картине, но не саму картину. Об этом говорят сотни и тысячи раз в специализированных вузах, и при этом требуют знания всех подробностей и мелочей, включая устаревшие. Студенты обижаются и спорят – преимущественно друг с другом. На Гардисе разрешены общественные движения, но политических партий нет, как нет и разделения земель на государства. Гардис очень гордится своим политическим единством и при случае ставит это в пример другим цивилизациям, где разделение на страны сохраняется. Понятия «раса», «национальность», «конфессия» отсутствуют в официальном документообороте, эти понятия считаются жутко древними, достойными лишь отсталых народов. Во всех документах указывается профессия, специальность и рабочий стаж. Повышение квалификации увеличивает статус гражданина и позволяет занимать руководящие должности. Не бывает тако-

го, чтобы важную должность занял молоденький и бойкий – эти места для взрослых и опытных, и в этом видят большую справедливость. Тем не менее молодые могут создавать инициативные группы, могут посещать другие миры, предварительно договорившись с командиром космического судна. Для перемещения через портал нужна масса согласований или официальное направление руководства, с которым нужно проходить долгие и часто очень скучные собеседования. Гораздо проще сесть на трансгалактический корабль. Для этого требуются беседы, встречи, знакомства и поиск. Гораздо проще искать сообщца.

За четыре года молодой специалист просмотрел сотни различных источников, где представлены данные о работе в других мирах. Он начал заниматься этим еще на последнем курсе, не исключая вероятности уехать сразу после окончания. Для него это было страшновато, но, с другой стороны, интересно. Начиная с середины учебного срока он был в числе 20 лучших студентов потока, который насчитывал не меньше 300 лиц. Часть направлений были целиком прикладные, другие – научно-фундаментальные, некоторые сочетали разные подходы. Параллельно можно было дисциплины из другого направления, сдавать по ним зачеты, чтобы повысить учебный статус и, соответственно, повысить шанс на выгодное распределение. Он отлично сдал экзамены, но – то ли по причине чрезмерной скромности, то ли из-за внешних и физических данных его не отправили в новый Мир,

которые только начинали осваивать и где было много интересных работ. Его также не распределили и в «старом» Мире, в Гардисе, хотя многие из тех, кто учился гораздо хуже, остались на живой планете. Долгое время он считал, что выделенные им должности и рабочие места оплачиваются хуже, чем у него, и поэтому туда распределили средних студентов. Он не интересовался этим специально. Но однажды, из любопытства, решил просмотреть открытую информацию и был возмущен: должности почти никак не отличались от его собственной, как не отличались и доходы, а картины Гардиса и спутника нельзя даже сравнивать. Спутник даже не имеет нормальной атмосферы. Вероятно, его распредели так, поскольку он сам родился на спутнике – но ведь семьи и родных у него здесь никогда не было, следовательно, не могло быть и воссоединения, о чем так трепетно мечтают сентиментальные лица, особенно девушки. Он обиделся страшно: и прежде он считал распределение несправедливым, неинтересным, формальным, поскольку масса доверенной ему работы носила откровенно рутинный характер. Ее не выполнит не-специалист, но в ней очень мало творчества. Любая инициатива запрещается. Правда, не всегда работа идет внутри – порой его как инженера привлекали к ремонту громоздких машин, которые используют в горном деле и прокладке тоннелей. На спутнике действует огромный ремонтный кластер. Проводить монтаж и демонтаж поручают роботам, способным на стандартные операции. Если есть нечто особен-

ное или сложное, часть операций автомат проводит под ручным управлением специалиста, самостоятельные действия разумные лица проводят в очень редких случаях. Все убеждены: разум на то и дан, чтоб работать головой, а не руками. Сбор плодов считается развлечением. Конечно, многие плоды до сих пор требуется собирать вручную, к таким занятиям привлекают молодежь в свободное от учебы время. Для тех, кто получил специальность, выполнять простые механические операции считается несолидным. Хотя такие рабочие, они появляются вновь и вновь, их число не сокращается. Многие их считают неудачниками. Говорить об этом напрямую считается неприличным, поскольку Гардис очень ценит гражданское единство. Детей с ранних лет учат использовать термины с нейтральной или положительной коннотацией для обозначения любых лиц, включая тех, кто им совсем не нравится. Слово «субъект» считается умеренно-грубым, близко граничащим с пределом нормы; слово «тип» – уже за пределами нормы. Разрешается говорить «недостойный ИВР» вместо «негодяй». Впрочем, в узком кругу общение более свободно. Термин ИВР (Истинный Высокий Разум) пришел с Виатерры. О согражданах представители Гардиса часто говорят: «какой красивый ИВР», или «довольно странный ИВР», или «мне неприятно присутствие этого ИВРа», «ИВР пошел» и т.д. Прилагательные и глаголы всегда носят мужской вид, даже если ИВР бесспорно является девушкой: как и на Виатерре, представители Гардиса имеют разные

морфологические типы, которые различаются по конструкции лица и отдельных фрагментов тела. Не всегда женщины отличимы от юных мужчин, или даже от взрослых мужчин. Термин ИВР считается универсальным для обозначения посторонних и незнакомых лиц. Однако среди личных данных никто не указывает, что он – «ИВР», это и так ясно.

В официальном документообороте действует особый термин, отражающий сложность исполняемых заданий на текущем этапе. Он имеет несколько форм для выражения, включая числовые. В разговорной речи широко распространены понятия «уровень 80», «уровень 95» и «уровень 120»: если уровень не превышает 80 специальных баллов, скорее всего, его обладатель является ребенком или студентом без опыта официальной работы (детей нельзя привлекать на работу более чем на 2 часа в день, чаще 3 раз в неделю, и такая деятельность по закону не считается работой). Студенты старших курсов как правило имеют уровень в районе 90-92; уровень 95 означает молодого выпускника с дипломом, причем не только с высшим, но и среднеспециальным образованием. В связи с этим постоянно идут дебаты: можно ли уравнивать 95 единиц того, кто является талантливым математиком, биологом, инженером и 95 единиц оператора сборочных линий. Никого не хочется обижать, поэтому уровень сохраняется для всех. По мере накопления профессиональной базы (опыта, мастерства, достижений) уровень превышает 100, затем он может превысить 120 и даже 140; выше

140 имеют очень большие специалисты. Но уже уровень 120 говорит о солидности и значении. Повысить уровень допустимо лишь официальным путем, за счет сведений и материалов, представляемых с места работы. Информация идет по нескольким разным каналам и поменять ее, запутать, обмануть невозможно. По негласной табели считается, что нормальный молодой специалист в первые три года достигает 97-98 единиц. Первые баллы обычно идут очень медленно, если только не довелось быть гением или востребованным талантом. Мало кто набирает 100 в первые десять лет работы. Но есть примеры, когда сразу после вуза получали 110, или даже 115 – такие случаи входят в золотой фонд, о них рассказывают поколениям и очень гордятся в вузах. Откровенно говоря, молодежь не любит гениальных сверстников. За много лет развития Гардис выработал способность к повышенной обучаемости граждан, поэтому гениальность выражается главным образом не в скорости обработки данных (компьютеры все равно это делают быстрее), а в умении находить и придумывать. Многие говорят, что гениям жутко везет. Отчего же не везет другим, большинству? Они не гении, потому и не везет. С помощью этой нехитрой рекурсии принято не только поучать младших, но и успокаивать самих себя – да, надо сказать, это требуется часто. Из тех, кто нацелен на карьеру, почти никто не доволен своим уровнем, все хотят его повысить. Впрочем, в других мирах статус «обнуляется» – поскольку там нет системы правил Гардиса, то и

нет нужды ориентироваться на его формальные оценки.

- Но куда стоит поехать? – он подумал и опять посмотрел на искусственные чащи. Внутри жилых громад на спутнике есть площадки, подобные крытым стадионам. В них расположены игровые и рекреационные зоны, можно заниматься спортом, лазать по крутым углам, имитирующим скалы. Инсталляции изображают растительный мир Гардиса, а также других планет, воздух часто наполнен запахами цветущих садов, ароматом полей, пряным привкусом хвои. Все создается искусственно. Некоторые запахи имитируются настолько ловко, что даже знатоки могут спутать их с настоящими. В рекреационных зонах «день» сменяется «вечером» и «ночью» за счет специального освещения. Значительная часть этих пространств доступна без ограничения, там даже не проверяют личность. Есть зоны, где требуется плата – над их созданием работают особые художники, их творения изящны и сложны. Есть также зоны с самыми настоящими растениями. Можно войти в парк или в маленькую рощу. В отличие от простых зон отдыха, которые есть везде, «живые» зоны расположены лишь в определенных местах спутника. Туда пускают детей из детских центров, если они имеют явные достижения. Пытаясь вспомнить, бывал ли он в таком лесу хоть раз, молодой специалист обошел красные горки два раза, потрогал сиреневый куст – там, где это разрешалось – посмотрел вокруг и не увидел знакомых. Он давно уже забыл, как и с кем ему доводилось играть до 10 лет. Он не помнил

ни лиц, ни имен; зато он хорошо знал, куда распределили выпускников с баллами как у него, чуть ниже или чуть выше. Он также нашел информацию о тех, кто учился вместе с ним и считался весьма посредственным студентом. У последних нет откровений, у них совсем обычные должности, а кое-кто даже и без должности. Среди них, кажется, даже есть девицы. Да, есть. Он пожал плечами и пошел назад. В свободное время он привык ходить пешком между корпусами и комплексами, транспортные модули он использовал нечасто. В больших вагонах, аналогичных метро, он ездил только если там было мало народа, потому что избегал толпы. За отдельные модули нужно платить – чаще всего самому, если нет направления с работы. Иногда сотрудники просят оплатить им быстрый транспорт для преодоления десятков и сотен километров. Он не хотел ничего просить. А ему ни разу не предложили. Капсульное общежитие расположено в нескольких километрах от работы, и он всегда передвигается пешком. В последнее время его не оставляет жгучая мысль.

Неужели он неудачник?

- Прошло совсем мало времени. Пусть пройдет пятьдесят лет, и тогда можно будет делать предварительные заключения. Я не спортсмен межзвездного масштаба, чтобы обо мне все говорили, и не автор легкомысленных песен. Даже настоящим авторам часто требуется двести-триста лет для широкого признания – хотя до этого они могут получать приличные средства за труд, безусловно. Слава приходит гораз-

до позже. Нужна ли мне эта слава? Я хотел бы сделать... без влияния начинать свои проекты сложно, нужен опыт и желательно уровень 140. Но ведь многие уже участвуют в большом деле, когда им совсем немного лет. Там нет большой славы (для них), но зато там интересно. Да, так, пожалуй, будет правильной всего работать. Вернее сказать, было бы, поскольку меня не берут. Вместо этого заставляют заниматься механикой! – он презрительно махнул рукой. Механикой называют технологии с большим количеством узлов и малым содержанием микросхем, это механические детали приборов, конструкций, аппаратов. В последнее время его привлекают к ремонту машин, которые связаны со строительством. Втайне он считал это унижением. Машины требуют скучной рутинной работы, основную часть операций исполняют роботы, кое-что делают ИВР, и за ними требуется ежесекундно следить. Это не означает, что нужно ежесекундно смотреть во все глаза. Вместе с тем такое дело не является глубоко интеллектуальным, не является престижным, оно обычно достается тем, кто учился посредственно. Он никому не предъявлял претензий. Он не улыбался, хотя, говорят, это полезно для карьеры. К чему улыбаться роботам и тем, кого совсем не знаешь? – так он думал и был подчеркнуто серьезен и не мог понять, почему руководство не оценивает его деловую серьезность. Он что-то слышал о том, что сотрудники одних и тех же предприятий, включая вышестоящих лиц, встречаются в неофициальной обстановке, имеют

общие развлечения и даже шутят. Наверное, в этом нет ничего дурного, такое часто показывают в фильмах и художественной литературе. В детстве на него произвела большое впечатление сцена из книги, написанной за пределами Гардиса, но тем не менее очень известной в Гардисе. Там руководитель приглашал сотрудников на веселье, говорил с ними в дружеском тоне, а затем делал гадости тому или другому, если подозревал их в чем-либо или завидовал. Один из персонажей проявляет смекалку и сам разоблачает начальника – в таком же коварном стиле. Дальше следуют противостояния, интриги, сплетни, хитрая игра и битвы без настоящей войны. В книге описана своего рода «интеллектуальная городская война», т.е. без средств уничтожения. Этот городской роман имел несколько частей, все они экранизированы в различных адаптациях. Он сам однажды посмотрел один фрагмент, не вдохновился и уже не смотрел. Но сцена ему запомнилась. Он подозревал некий скрытый подвох во всех неофициальных собраниях и тщательно старался их избегать. Впрочем, его обычно не приглашали. С однокурсниками он переписывался мало. Ему неприятно было осознание того, что его кто-то превзошел – и в карьере, и в настоящем деле. А по-видимому, у кого-то дела идут явно лучше, особенно из тех, кто работает на Гардисе. Кто-то отправился в другие Миры. Тот древний портал позволяет стремительно перемещаться на каменную планету с космопортом, откуда стартуют корабли. Гардис не любит акцентировать свою за-

висимость от других цивилизаций в области космического транспорта. Вместе с тем, насколько можно судить из открытых источников, некоторые фрахты перемещаются по суше, подобно поездам без рельсов. Это означает, существует по меньшей мере еще один портал из того мира в следующий. О нем нигде не говорят. Но если работает лишь наземный транспорт, как иначе он движется между планетами. Порталы могут иметь разную форму. Разумеется, любая информация о портале является строго засекреченной. Молодые путешественники просто пользуются «трубой» между мирами. Бывает, что сразу удается договориться с совершенно незнакомыми лицами и улететь далеко – для работы или в поисках неизведанного. В молодежной среде постоянно говорят о тех, кто вернулся из портала с прибылью. Не все, правда, возвращались – о подобных случаях не хотелось даже думать, хотя изначально ясно, что существует риск неудачи. Мало ли что случится в космосе или в другом мире.

После прекращения жизнедеятельности ИВРы Гардиса переходят в иное состояние – индивидуальность сохраняется в энергетическо-полевой форме, если она была достаточно сильной. В космосе есть локации, где происходит активное движение таких объектов – их называют «вечные пути», их природа неизвестна, но они точно существуют как феномены. Движение энергии ИВР должно иметь конечную точку, поскольку сохранение индивидуальности здесь имеет особый смысл. Так пишут в художественной и философской

литературе. Вероятно, академические анналы имеют некоторую достоверную информацию, но для широкой публики она является тайной.

Если ИВР был слабым, его поля просто исчезает. Тело помещают в особую область, где оно становится простой энергий, подпитывающей материи. В связи с этим учителя советуют детям беречь и развивать свою индивидуальность – не всегда, правда, объясняя, что именно для этого нужно сделать.

3

На другой стороне возводят экспериментальную площадку для изучения новых материалов, а также редких горных пород. Ближайший город расположен в 120 километрах, туда можно добраться на скоростном модуле всего за пять часов, столько же часов потребует обратный путь, при этом не указано, ходит ли постоянный транспорт до самой площадки. Может оказаться, что он берет только уполномоченных лиц. Тогда придется договариваться в частном порядке, это долго и неприятно; к тому же нет гарантии, что геологи уже проводят исследования; вероятно, они лишь готовятся или даже еще не приехали. В рекламе указано, будто бы уже сейчас на площадке собирают предложения с нестандартными идеями. К такой категории легко отнести очень многое. Для чего же тогда это писали? Он просмотрел внимательно сноски: «поиск нового», «талантливая молодежь», «открытия»... пятна нефти? На спутнике никогда не добывали нефть. Ее

привозят? «Пре-об-ра-зуют из сжатых субстанций, найденных в системе...» Это портативные газовые ловушки. Они сжимают газ до состояния льда, до твердого состояния, затем транспортируют и регазифицируют в разных условиях. Или же проводят исследования со сжатым газом. Гардис не любит проводить такие опыты на континентах и в море, даже старые пустыни сейчас стараются рекультивировать, превратить в саванны или даже в леса. Это очень сложное дело. Несмотря на много тысячелетий, управлять движением атмосферы не научились в планетарных масштабах. Несколько больших экспериментов приводили к неожиданным, а чаще – вредным последствиям, поэтому Гардис очень следит за экологической обстановкой. Для работы с токсической материей и средой большого объема разрешено использовать экспериментальные площадки за пределами Гардиса. Среди планет своей звездной системе только Гардис имеет нормальную поверхность, остальные планеты очень малы, расположены близко к светилу или являются газовыми исполинами без настоящей литосферы, или покрыты ядовитым льдом. Население спутника довольно велико - едва ли сюда разрешат везти большие объемы опасных субстанций. Посмотреть на грунт из других планет довольно любопытно. Есть планеты, где земная кора пропитана живой материей на километры вглубь; правда, та материя примитивна и не превышает по сложности грибной мицелий. Из нее можно получать разные фракции, включая аналог бензина. Гарди-

су не нужен бензин для транспортных средств, но фракции естественных углеводородов имеют большую ценность.

«Заставить грунт вырабатывать газ без конца... это не совсем по моей специальности, но близко. Я изучал это раздел самостоятельно, и мне кажется, я бы мог... участвовать хотя бы в эксперименте. Слишком долго ехать. У меня нет свободных двух дней». График работы составлен так, что промежуток между рабочим временем никогда не превышает одних суток. Их продолжительность совпадает с аналогичным периодом на Гардисе. За день можно добраться до той площадке, поговорить, спросить; есть риск, что обратно не успеешь. В учреждениях очень не любят, когда молодежь опаздывает. Это правило действует не везде, но там, где он сейчас – это неизменно так. Он не хотел создавать повод для критики, старался по возможности избегать даже малейших условий для ее возникновения – во всяком случае, там, где все зависит от него. За последние полтора года уровень не менялся, хотя было много работы. Он был огорчен и не знал точной причины. Спросить об этом кого-либо на работе он не хотел, поскольку боялся насмешек – пожалуй, даже сильнее, чем критики. Он не привык жаловаться, и если жаловался, то лишь самому себе. Иногда в свободное время он просто шел вперед под куполами и стенами, и рассуждал не вслух, сотни раз вспоминал моменты, когда его не оценили по достоинству. Он очень любил запоминать такие вещи. Он не понимал, есть ли в этом рациональный смысл – ведь

он запоминал не только факты, но и свои эмоции, а также чужие эмоции, часто их преувеличивал. Он считал это правильным, поскольку другие – не правы, и надо запомнить их неправоту. Для этого надо усилить эффект. Для этого надо помнить, что он сам – обиделся. Это его внутренне изводило и не давало настоящего облегчения. Он твердо решил придумать что-нибудь новое, но таким образом, чтобы не мешать никому и не допускать ошибок в работе.

Своими мыслями он не делился ни с кем и не вел дневников. Ему когда-то хотелось стать писателем, причем не хроникером-документалистом, не автором научно-популярных книг – хотелось придумывать свои собственные истории. В детстве это получалось легко. Тогда он не записывал, лишь запоминал; став постарше, он решил продолжить те истории, уже в письменном виде, но отчего-то не удавалось придумать художественное наполнение текста. Кроме перечня событий должны быть характеры, описания, идеи – то, для чего все это изображено. Это есть во всех мультфильмах. Правда, не все они удачные, но так или иначе, они имеют индивидуальные черты с подробностями, которые раскрываются через визуальный образ, через действие и текст, которые имеют к нему отношение. Диалоги еще удавалось придумать, но промежутки между ними оставались пустыми. Персонаж бежал – как он бежал? Как он дрался, искал, что было вокруг? В детском сознании легко возникал обобщенный образ и ускользал, едва коснувшись бумаги. Не получалось написать

конкретных вещей; верней, он мог писать, и даже длинно, но это все ему не нравилось. Он постоянно сравнивал свои тексты с авторами, очень известными или просто известными, с теми, кого проходят в школе и без принуждения даже не стал бы читать. У них у всех как-то получалось писать. А у него не получалось. Он пробовал несколько раз в старших классах, затем два раза в вузе. Описания природных процессов – буйных или спокойных – он не считал достойными сюжета. В них нет разума, нет настоящей цели, и потому, в сущности ничего не происходит – с точки зрения осознанных событий. После второго курса он забросил книжные упражнения, целиком сосредоточившись на академических дисциплинах. Он умел писать точно и сжато, без лишних фраз и эпитетов. В таком стиле можно написать патент или инструкцию к эксплуатации. Для настоящей книги, даже если она будет узкоспециальной, нужен еще какой-то стиль, язык... пусть не литературный, но как бы литературный, позволяющий с интересом читать написанное. Журнальный стиль тут не годится. Он никогда не читал массовых периодических изданий, считая их примитивными, он лишь просматривал краткие выпуски новостей или обзоры. Среди известных путешественников есть еще совсем молодые (старше его, но не намного, не в 5-10 раз), которым удастся с помощью совсем простых текстов привлекать внимание. Он объяснял это тем, что у них есть удачный материал. Но ведь его тоже нужно изложить. Если материал рассказать скучно или же совсем

бездарно, никто к нему не прикоснется. Между тем, многие читают. Он просматривал бегло эти тексты.

- Я могу ничуть не хуже. У меня нет материала. – Читать долго не хотелось. Несколько недель подряд он регулярно просматривал сведения о тех, кто ведет геолого-исследовательские работы в других мирах. Многие цивилизации еще не достигли такого высокого уровня, чтобы на мировом уровне изменять береговую линию в лучшую сторону, создавать холмы и реки. У многих до сих пор идут ссоры, споры, столкновения или даже войны. Экран снисходительно сочувствует им и повторяет каждый раз: у нас, на Гардисе, войн не было и не будет. Война – привычка отсталых народов. Гардис имеет службы надзора за порядком на земле, воде и в космосе, где основную рутинную работу исполняют роботы – не способные к саморазвитию. Они могут получить новые, расширенные программы, новый интерфейс, но все их действие ограничено строго заданными рамками, которые устанавливают ИВР. ИВР выполняют функции командиров среднего и высшего звена, возглавляют отряды, в определенных случаях руководят боевыми действиями. Это случается редко. Раньше, в первые века освоения, на Гардис пребывали ИВР из разных зон, порой испорченные дурным поведением. Они создавали опасность. Они даже убивали. Для наказания таких была разработана операция длительной инактивации, т.е. подавления любой умственной или физической активности. Для этого использовали пространства с

особым полем. Объект был как бы заморожен в парах газа, управляемых полем. Такое воздействие значительно ослабляло разум. После освобождения такие лица, как правило, ничего не помнили, за исключением самых базовых вещей. Долгое время считалось, что это позволяет перевоспитать преступников и хулиганов. Однако многие из тех, кто утратил память, опять начинали занимать безнравственным делом. На Гардисе никогда не любили смертную казнь в любой форме, даже очень опосредованной. Высадить преступника на клочке земли без явных средств к существованию считали недопустимыми – поскольку, с одной стороны, теоретически он может вернуться и отомстить (ведь бывает всякое), а с другой – такая форма есть грубая жестокость, и ее воплощение, ставит порядочных лиц вровень с непорядочными. Так писали во многих трактатах. После долгих дискуссий, преступников решили просто отправлять в другие миры, т.е. попросту выгонять с Гардиса. Это дало относительный эффект. Некоторые действительно захотели мстить. Принципиальное решение вопроса было найдено, когда Цивилизация Виатерры разработала мощную систему Детекторов истины. Он сканирует сознание ИВР и если находит в нем много дурного (больше половины от всего числа исходных позиций), он расщепляет сущность ИВР, сохраняя лишь «эмбриональный» био-энергетический материал, который целиком обезличен. Вместо прежнего дурного ИВР возникает энергия и зародыши новой жизни. Эту технологию Виатерра пе-

редала по соображениям солидарности с родственным народом (хотя Гардис давно считал себя отдельной цивилизацией. На словах он, конечно, благодарил). Тела и мысли преступников расщепляются, им никогда не достичь Постоянных Обитателей, которые есть, которые безусловно есть. Возле Гардиса расположены две... вернее, два портала, которые ведут в такие области, где царит разумная вечность... об этом жутковато говорить, и не только молодежи. Собственно, подробного научного описания тех феноменов нет и быть не может – во всяком случае, пока. Есть неоспоримые эмпирические данные, случаи частного и большого масштаба. Их подробности хранят в большой тайне, чтобы не волновать народ. Иногда кажется, что академическое руководство Гардиса само имеет об этом только апокрифические сведения. Что-то, безусловно, было, что-то видели – как далекую дивную звезду: она возникла однажды, среди множества тысяч лет явилась раз – и опять нужны тысячелетия, чтоб дожидаться ее возвращения. Для Гардиса одна тысяча лет – нет так уж много. Хотя нельзя сказать, что мало. Сырье привозят из других миров, добывают на неживых планетах системы, перерабатывают... опять мысли спутались. Думал ведь о путешествиях. Да, там разные грунты, и следовательно сырье пришлось кстати. Что тогда некстати? Вечность? Она существует независимо от мнения ИВР. Вечность не как бесконечная протяженность событий в пространстве, а как реальная действующая сила, с разумными и персонифицирован-

ными объектами. Знать это вполне достаточно, если говорить о сакральных вещах. Он любил рассуждать подолгу, но отчего-то не мог записать свои развернутые мысли. Как будто между мыслями и руками стоял невидимый страж, и едва хотелось писать длинно, этот страж надевал оковы. Об этом, кстати, написано и в научной, и в художественной литературе.

- Надо посетить конференцию. Не обязательно международную, но и не маленькую, по специальности... может быть, даже в области перспективного научного поиска. Я не занимался этим раньше, у меня прикладная сфера, но есть потенциал. Мне кажется, я бы мог... предоставить или показать проект. Кое-что я знаю и могу. К тому же там, по сведениям, проходят образовательные циклы, часто в удаленно-интерактивной форме, и без режима онлайн. Текущий уровень мне вконец надоел. Курсы повышают уровень? Об этом не пишут. Вероятно, нарочно, чтобы отвадить нестарательных, которые хотят... Так, куда стоит записываться? Или не записываться на курс, но поискать проект для молодых? Пусть даже на удаленной планете. Но чтобы там были востребованы нормальные ИВР. Или улететь на Виатерру? Плохо там болтаться без работы. Хотя там лучше, чем на этом унылом кусочке Гардиса (так он называл спутник). Совершенно неинтересное место с точки зрения... - Он подумал, подумал, и не смог подобрать удачных фраз.

И так понятно, что здесь неинтересно. Надо что-нибудь

подыскать.

Он так и не решил, чего ему больше хочется, и поэтому просматривал все материалы подряд. В глубине души он был уверен, что когда-нибудь его способности обязательно заметят и предложат нечто стоящее – не то, что сразу дает большую прибыль, но где можно профессионально развернуться, самому сделать что-нибудь большое. Он всегда так думал, еще с младших классов школы. Он искал еще три недели, и тут его вдруг вызвал начальник сектора.

- Идите в дирекцию. Там объяснят. – Он предельно лаконичен со всеми. Возможно, тут есть некоторая часть пренебрежения или высокомерия; но с другой стороны, он не говорит напыщенных и длинных фраз как его заместитель. Он всегда подчеркнуто деловой, и это даже хорошо. Дирекция разделяется на производственную, научную и деловую, при этом руководитель одного из главных направлений одновременно является главным директором, другие два – его заместители. Иногда главное управление переходит по кругу от одного к другому в течение многих десятилетий; бывает, весь контроль принадлежит одному лицу по 100-200 лет, а бывает – напротив, вообще нет официально утвержденных директоров, все они имеют статус «исполняющих обязанности». Предприятия имеют широкую свободу в экономической и организационной сфере, однако ключевые кадровые вопросы решает министерство. В свою очередь, министерствами руководит Супремакорд – высший совет Гардиса. Су-

премакорд находится на Гардисе и решает все главные проблемы цивилизации.

- Вам куда? В научный, в деловой?

- Не знаю. Вероятно, в производственный, потому что мой сектор... Да другие задания тоже были... так сказать, рабочего характера. То есть там была физическая работа.

- Вы монтер-монтажник? Руководите этими роботами? Еще рано руководить! – сотрудники дирекции и его отделов порой любят поболтать с молодежью, иногда отпускают колкие остроты. Он не понял, говорят ли с ним всерьез или шутят. Он не стал переспрашивать. На экране должен возникнуть вызов с указанием индивидуальных данных ИВР. Он ждал и поглядывал на искусственные растения. Кругом стояли фикусы изумрудного оттенка с довольно тонким рисунком на листе. Иногда его выводят вручную, по трафарету или придумывают из головы. Такая работа является разновидностью декоративно-прикладного искусства, ее ценят весьма высоко. На листе как будто одинаковый узор. Но вот как будто из тонких линий получаются слова. Он делал вид, что смотрит мимо и попытался прочесть. Получалось то ли «долго», то ли «дума». Мимо проходили сотрудники дирекции и отдельные лица, которые вызвал экран на этажи. Дирекция занимает не один этаж, имея множество коридоров с полупрозрачными стенами, перегородками и ступенями. Только у самих комнат стены становятся непрозрачными. Через полчаса его фамилия возникла. Он пошел в ука-

занный отдел, но поскольку он здесь не был, он два раза прошел мимо. Навигаторы личных цифровых устройств в таких местах не работают. Он решил заранее не думать о причине вызова. Вдруг здесь чистая формальность, и тогда позитивные ожидания разобьются? Впрочем, они разобьются, если будет нечто плохое. Но разве есть повод? Он приложил идентификатор к двери. Она открылась.

Слегка скрипучий голос назвал его фамилию.

- Пришли? Подождите. – перед входом в кабинет царит деловая обстановка. Пространство наполнено углами и геометрически правильными линиями. Вдоль одной стены стоят шкафы с полупрозрачными темными дверцами. Он стеснялся посмотреть, что в шкафах. Похоже там, прямые папки с листами. Стены облицованы геометрическим узором, довольно простым. На сиденьях нет решительно ничего мягкого, столы и стулья предельно простые, все выдержано в одной гамме. Только индикаторы переливаются радугой. В прихожей есть экран и экранчики для проведения интерактивных бесед. Сейчас ничего не горит. Он стоял минут пять. После этого сказали:

- Да, войдите.

Он вошел в кабинет, который после прихожей представлялся целым залом. Из деликатности он смотрел только на руководителя и почти не поворачивал головы, поэтому не смог рассмотреть обстановку. Ему велели сесть – он сел и все время смотрел в одну точку, где-то чуть ниже лица ру-

ководителя. Тот подумал, и назвал его фамилию снова.

- Это Вы? Так. Так, чего тут надо сделать. Это убрать (руководитель смотрел в экран). Это лишнее. А с вами. Вы знаете, зачем вас прислали?

- По распределению после вуза.

- Нет, сейчас.

- Сейчас не знаю. Прошу прощения.

- Вот, уже – «прощение». – директор чуть наклонился к нему, затем вернулся в прежнюю позу. – Что такое. Ну ладно. А Вы... послушаете, Вы... как ваше имя?

- Ориент, мистер...

- Ориент? Да! – он проверил в экране. – Послушайте, Ориент, что такое происходит. Вы ходите всегда какой-то грустный. В чем дело?

Возникла пауза. Ориент был ошеломлен таким вопросом – он к нему совсем не готовился, поскольку даже не думал, что о таком будут спрашивать высшие начальники. Этот начальник возглавляет деловую секцию. Ориенту приходится вести скучные вычисления в производственном, настройка машин тоже идет на базе производственного. Не зная, что сказать, он застыл в одной позе. Директор подумал немного и сказал:

- Вы работаете в другой части. Кто вас набирал? Неважно! Там сейчас заняты. Мы ведем дела молодежи. Без молодежи, как вы знаете, нет будущего. А без будущего нет смысла, поскольку если ничего не сохранится, то... Отчего вы груст-

ный? Никуда не ездите после работы.

- Я хочу на работу каждый день, а перерыв составляет... не удастся уезжать далеко. Я не вижу смысла в этом.

- Не ездите близко, а собрались далеко! Для чего вы просматривает контент с дальних планет. Вы его смотрите уже целый месяц.

«Ого!» – подумал Ориент. Он решил, что молчать подолгу невежливо и стал перечислять ресурсы цифровых источников, которые он видел.

- Ладно, ладно, не листайте. Я говорю о другом. Зачем вам это надо?

- Ведь источники – открытые. Господин директор, я открывал только официальные каналы и... Заходил там, где не просят код.

- Я говорю другое. Что это вам взбрело в голову уезжать далеко? Хотите уезжать? Или не хотите. Или так просто.

- Интересно посмотреть...

- Интересно, да. Но пришел сигнал, что вам и другое интересно. Ладно, идите. Если надо что, вам сообщат.

Ориент с готовностью встал, прошел к двери, но вдруг обернулся.

- Больше ничего не надо делать? Господин директор.

- Я сказал – нет. Просто надо было посмотреть, кто вы такой. Пришел сигнал. Я вижу, ничего страшного. Идите, работайте. Если надо, вам сообщат. Идите, идите.

Он хотел спросить о чем сообщат, но был уже далеко от

двери. Ноги сами вынесли моментально прочь от кабинета и от этажа с кофейными стенами. Соседний сектор имел стены карамельного оттенка. Захотелось чего-то сладенького. Он даже хотел зайти в кафе, но увидел вдали солидных лиц и побежал дальше. В детстве его крайне редко вызывали к директору школы, потому что он никогда не хулиганил. Тем не менее, все привыкли видеть в директоре воплощение несгибаемой жесткой силы, непременно деспотической. Тот директор, кстати, был не слишком чуток. Он был организатор и методист, но, по-видимому, не любил детей, или любил только некоторых из них, время от времени. С ним старались не сталкиваться. Директору хорошо удавались внушения хулиганам – даже после краткой беседы все они находились в явном смятении. Не было случая, чтоб директор не имел эффекта – во всяком случае, Ориент не знал таких событий. Директор не менялся много лет. Он и сейчас работает в том учреждении. Ориент вспомнил его, затем недавний разговор, из которого нельзя толком понять цель вызова. Открытый контент нельзя просматривать? – это поразительно. Для чего же он тогда возникает? Вероятно, есть материал, который не рекомендован к просмотру – на отдельных предприятиях запрещено отвлекаться в рабочее время. Так он ведь смотрел не в рабочее время. Он изучал контент в жилой капсуле и цифровых кафе, где информацию предоставляют свободно. Выходит, это стало всем известно? Какой стыд! Но разве он видел что-то стыдное? Ведь та инфор-

мация для всех.

Он не мог понять причину такого поворота событий. Приняв снотворное, он лег и проснулся лишь, когда загремел будильник.

4

Неопределенность была недолгой: уже следующим утром пришло официальное цифровое письмо от начальника сектора. Ориенту велели в ближайшие часы отправиться в Многофункциональный центр и пройти собеседование на предмет участия в новом деле. Каким будет это дело, где предложат работать и насколько долго, не сообщали; вероятно, сам начальник этого не знал. Ориент счел необходимым сообщить замзаву. Тот в своей обычной манере сновал по этажам, проверял все ли на месте давал указания, затем переходил в другой корпус и там делал то же самое. Его лицо напоминало персонажа из многосерийного детского фильма про супергероев. Среди них есть подчеркнуто положительные, есть хорошие, но с небольшими недостатками, у кого-то недостатков больше. Последние наиболее всего создают комический или даже сатирический эффект – иногда даже сильнее, чем у отрицательных персонажей. Ориент довольно критически оценивал зама и считал его гораздо хуже всех героев, даже комических. Но один из них имеет внешнее сходство с замом. Может быть, художник случайно увидел зама, запомнил его лицо, а потом изобразил. Ориент не слышал, чтобы о зама рассуждали в этой плоскости. Он во-

обще не прислушивался к чужим разговорам. Зам взглянул на него чуть насмешливо и ничего не сказал. Многофункциональный Центр расположен в другом массиве, довольно далеко отсюда: на скоростной монорельсе дорога займет 3 три часа. Ориент думал об этом и о другом, пока монорельс мчался под серым небосводом. Промежутки между городами были довольно скучными, без украшений. Лишь кое-где стояли конструкции, имитирующие растительность. Дорога опоясывает весь материк. При желании можно ездить вокруг экватора непрерывно, пока состав не уведут на профилактику. Ориент решил заранее не предугадывать возможные вопросы и думал о другом. Многофункциональный центр хранит информацию обо всех предприятиях спутника, распределяет вакансии, проводит консультации и набор коллективов для работы в других местах. Теоретически, они могут предложить работу и на самом Гардисе; впрочем, если приглашают из Гардиса, то вызываю сразу в Гардис, а не в местные учреждения. Многофункциональный центр расположен далеко от космодромов, но является важным информационным и деловым узлом. Его постоянно посещают массы народа. Некоторые не имеют прочных целей – вокруг центра постоянно встречаются парни, которые вроде бы хотят трудоустроиться, но что-то им мешает. Кроме того, там ходят ИВР без постоянных занятий. Время от времени они обращаются с мелкими просьбами к более солидным гражданам. Просить деньги открыто почти никто не пробует. Везде ра-

ботають камери спостереження, крім того, платіжні засоби існують тільки в безнадійній формі. Із цифрового гаманця можна переводити засоби через особисті ідентифікатори – портативні цифрові пристрої, карти, брелоки з мікросхемами. Обмін в безнадійній формі між ними відбувається миттєво. Ідентифікатори особистості зобов'язані мати всі, але у безробітних ІВР часто немає цифрового гаманця всередині ідентифікатора. Гаманчик видаляють в якості покарання за проступок. На час його відсутності видають брелок з «безнадійним» гаманцем, який ніяк не пов'язаний з конкретним ІВР. Інформація про засоби в такому брелоку не відображається в особистих кабінетах, і якщо його втрачуть, майже неможливо його знайти. Безнадійний брелок цілком можливо вкрасти – в відміння від цифрових грошей в особистих носіях. Цифрове воровство пересікається суворим чином. Тим не менше, навіть в офіційних джерелах іноді зустрічається інформація про складнощі з використанням цифрових засобів якого-небудь фонду або банку: пишуть про збої систем, про «самоблокування грошей», про порушення графіка перевірки. Частіше всього причини збоїв обумовлені технічними неполадками, оскільки цифрова мережа Гардеса величезна. Знаючі особи говорять, що частину накопичень все ж можна вивести або перевести в обхід деяких діючих правил – не ігноруючи правила взагалі, скоріше, враховуючи нюанси, дозволяючі робити деякі заборони неактуальними. Для цього потрібно глибоко

знать не только цифровую, но в первую очередь общественно-политическую сферу. Молодежь без статуса на это просто неспособна. Они могут отнять безличный брелок или какие-нибудь предметы. Скорей всего они будут установлены, а потом задержаны, даже если успеют сесть на борт космического корабля. Ориент слышал, что лица без занятий выхватывают дешевую еду у девушек или у других ИВР, убегают и едят прямо на ходу – если догонят, уже нечего будет отдавать. Такие случаи бывают, но все они вносятся в личный идентификатор, оттуда их уже не стереть – по крайней мере, в пределах звездной системы Гардиса. Лишь те, кто решил окончательно порвать с Гардисом, не боятся испортить биографию насовсем. Такие тоже встречаются. В обществе периодически бывают различные отрицательные девиации и деликты (так их называют в академических текстах), бывают драки, столкновения, воровство, убийство – но кто скажет, на какой планете этого нет? Дурное следует за разумом везде, и нельзя предугадать, где и когда дурная мысль вонзится в слабый разум. Бывает, что и сильный разум становится генератором дурного, это еще страшней. Предсказать такие случаи порой возможно, но далеко не всегда. Поэтому на Гардисе философски относятся к девиациям и деликтам, тем более что в других мирах и системах этого гораздо больше. Новостные источники с чувством скрытого превосходства говорят о чужих военных конфликтах, о бандитизме в разных мирах, о рукотворных разрушениях, подразуме-

вая, что Гардис от всего этого избавлен. Неисправимые умы в массе были устранены много-много веков назад, еще в раннем этапе освоения Гардиса. Дурные мысли в телах исчезают бесследно благодаря технологиям Виатерры (Гардис всегда говорит, что это его собственные технологии, хотя их модификация вовсе не была принципиальной). Гардис не любит себя сравнивать с Виатеррой и вообще акцентировать историческое единство. Информация об этом не засекречена, ее можно найти в свободном доступе, но большинство ИВР – и молодые, и взрослые – просто не интересуются этим.

Ориент размышлял про себя, вспоминал разные научные факты, а время двигалось на редкость медленно. Он посматривал на часы: монорельс идет без задержек, в нескольких местах делает остановки согласно графику и потери во времени составляют в лучшем случае секунды, которые он наверстывает, когда набирает скорость. Через матовые стекла пейзаж плохо различим: все кажется размыто-темным, как ночью или глубоко под водой. В некоторых вагонах есть интерактивные экраны, где можно выбирать контент. Эти места стоят дороже. В обычных вагонах экраны выключены или настроены на какой-то один канал. Ориент представил, что он летит в космосе. Грандиозность настоящего Космоса, его гигантские расстояния несопоставимы с размером спутника, и полет может продолжаться несколько дней безо всяких внешних картин. Надо заранее готовиться к полетам. Вдруг удастся получить должность... Монорельс уменьшает ско-

рость. Еще не совсем конечная остановка, но уже идет плановая снижение скорости. Хочется уже послушать вопросы. Если там будут задачи из области точных наук, надо решать их быстро, и уметь объяснить без компьютера. Ориент взял с собой различные письменные принадлежности, включая циркуль. Он решил все проверить, приоткрыл рюкзак и стал перебирать предметы на ощупь. Циркуль провалился вниз. Монорельс уже подходил к станции, поэтому Ориент решил проверить потом. Последние пять минут монорельс шел жутко медленно. Это даже стало выводить из себя: наскучило сидеть в одной позе. По вагону можно перемещаться, но молодому человеку не хотелось нарушать общий режим. Вдруг это вызовет нарекания? Сейчас важно не делать глупых ошибок. «Бывают умные ошибки?». Монорельс остановился. Дождавшись, когда вагон почти опустеет, Ориент выскочил и зашагал очень бодро. Рюкзак немного съезжал из-за растянутой лямки. Ориент регулировал ее на ходу. Он решил отправиться в Многофункциональный центр сразу, не проверяя, где есть жилые капсулы. Они встречаются везде. Уже через 500 метров ему стали попадаться парни явно рассеянного вида. Они что-то высматривали среди проходящих и молчали. Чуть погодя появился парень, который держа руку перед собой говорил с кем-то невидимым. Средства связи бывают самых малых размеров, но не похоже, чтоб он общался по связи. Он словно смотрел в пустоту. Под сводами проехал грузовой транспорт с пищевыми полу-

фабрикатами. Кое-где лежат обертки, фантики. Очевидно, сейчас не работает смена автоматов-уборщиц. Они обязаны подбирать мусор в пределах радиуса действия. Видна дорога к общежитиям. Вертикально расположенная плита с сотнями ячеек-сот венчает ее фасад. Со стороны кажется, что в каждой ячейке есть ИВР, и все очень зажаты; в действительности ячейки выполняют исключительно декоративные функции, а настоящие жилые площади с этого ракурса не видны. Там сдают в аренду квартиры, комнаты, студии, отсеки, капсулы. Последние стоят очень дешево. Тем, кто сейчас не имеет средств, капсулы сдают бесплатно, что обязательно фиксируется в личном статусе. Ориент достоверно не знал, влияет ли этот факт на карьеру; наверное, влияет. Он прошел до ближайших корпусов центра, избегая парней без определенных занятий. Если он видел вдали кого-то, кто похож на безработного, он заранее смещался в сторону.

Улицы городов подобны огромным коридорам и порой разделяются на десятки под-улиц. Они идут параллельно, изгибаются, пересекаются другие улицы и очень часто поднимаются по лестницам и по этажам. С непривычки трудно представить, как улица может вдруг уйти вверх перпендикулярно, «пересесть» на лифт и модуль, а затем пройти почти под крышей. Но так здесь везде. Крыши делают из прочных полимеров, которые гораздо легче металла и образуют множество функциональных слоев. Время от времени слои меняют. Таким образом пресекается любая возможность ради-

ации. За камнями из космоса следит астрономическая служба. Ее сотрудники-автоматы получают сигнал и меняют траекторию осколка так, чтобы он упал в пустом месте. Кстати, из астероидов порой добывают очень ценные элементы, поэтому многие оценивают службу по ее экономическому эффекту. Внутри Центра работает система контроля. Ориент прошел без проблем. Он ощутил прилив свежести, которой нет в зоне для безработных с низким уровнем. Парни остались где-то далеко. Ориенту стало приятно.

Зона фойе занимает обширную площадь и поднимается на пять этажей вверх. Повсюду есть столы, столики, мягкая мебель, включая стулья, не привинченные к полу. Это говорит о доверии. Уже при входе вежливый аппарат вручил Ориенту планшет с интерактивным грифелем. На экране появляются вопросы, ответы на них можно писать грифелем в планшете, а можно говорить вслух – на планшете есть специальное устройство для восприятия звуков. Ориент решил писать. Его спросили, готов ли он к вопросам. Ориент написал «Да». Имеет ли он высшее образование? – Ориент написал «Да» и указал краткое название вуза. Боится ли он межзвездных путешествий? «Нет». Бывал ли он в межзвездных путешествиях? «Нет». На экране возникла краткая информация о нем, с указанием дата поступления в вуз и даты окончания, специальность, текущее место работы, уровень в баллах. Все было верно, хотя последние цифры Ориенту были несколько неприятны. Его попросили в одном предложе-

нии изложить интересные ему научно-практические задачи. Ориент подумал немного и написал: «открывать месторождения редких элементов». Экран поблагодарил его и попросил подождать немного.

Через полминуты возникла надпись:

«Ваша кандидатура принята. Просим Вас прибыть завтра в офис №..., для уточнения сферы Вашей будущей деятельности. Всего доброго!»

Экран погас.

- Надо ли еще что-то делать? – спросил Ориент у робота-служащего.

- Нет, благодарю Вас. Если сеанс закончился, уже не надо.

Вы получили сведения?

- Да.

- Действуйте по сведениям.

- Скажите, решения принимают коллеги из числа ИВР?

- Что, простите?

- Кто руководит сектором геологии? – робот начал перечислять имена, но, судя по всему, он решил указать не только главных лиц и их заместителей, но и всех сотрудников из числа ИВР. Никого из них Ориент не знал лично. Более того, он даже не слышал этих фамилий, за исключением одной, очень древней, которая была еще на Виатерре. Ориент до конца прослушал список сотрудников-ИВР и поблагодарил робота.

- Благодарю Вас! – повторил робот. Его программа имела

четкий набор стандартных ответов и не располагала к широкой вариативности цифрового мышления. Такие роботы всегда очень вежливые, но не очень интересные собеседники. Впрочем, на Гардисе и не стремятся создать искусственный интеллект, целиком аналогичный разуму. Ориент сошел вниз по крутой винтовой лестнице, видя под собой пальмы, холмики и клумбы с живыми растениями. Почти все растения – суккуленты, не требующие обильного полива. В помещениях поддерживается стабильный уровень влажности, что позволяет растениям усваивать микроскопические частицы воды. Всюду есть электроаппаратура, поэтому полив ограничен. Ориент вспомнил все, о чем писал планшет. «Кандидатура принята» – эти слова ему наиболее понравились. Он даже хотел попить газированной воды из бокала. Но, поразмыслив, решил просто купить ее в аппарате. Еще рано торжествовать. В сущности, ведь ничего еще не произошло, и не известно, куда направят. Может быть, на соседний спутник, куда привозят руду и грунт с других планет. Методика считается несовременной, однако Гардис предпочитает перерабатывать сырье непосредственно в своей системе. Как раз не понадобится межзвездных путешествий. Тогда выходит, совсем неинтересно? Ориент взял один батончик, но разворачивать не стал. Завтра все будет известно.

- Ведь есть возможность отказаться. Только могут обидеться, сказать... что-нибудь, что повлияет на будущую работу. Говорят, надо уметь правильно отказываться. Какие-то

курсы даже были... все равно не было средств на курсы. Бесплатные семинары в вузах проводили, я помню. Но это были другие вузы, надо было ездить... к тому же, неизвестно, насколько это все полезно. Я, наверное, должен идти, чтоб меня не приняли за этих... праздно болтающихся. Я видел их в секторе для безработных.

Большие сектора фойе соединены друг с другом на высоте четвертого и пятого этажей. Можно проходить на большими пространствами и смотреть, что там делают, кто приходит. Зал для безработных почти пустой. В нем очень много интерактивных стоек и табло. К ним подходят отдельные лица. Другие стоят небольшой толпой, очевидно, разговаривают. Из того сектора нельзя проходить в другие, и это правильно, подумал Ориент. Ненадолго в нем мелькнуло чувство превосходства.

Выйдя из центра, он осмотрелся и пошел искать капсулу для аренды. Дешевле арендовать на определенный срок, а не день. Вряд ли уже завтра придется уезжать. Но, вероятно, все произойдет скоро. Он ходил очень долго и нашел место, когда на часах уже было вечернее время. Ориент тщательно старался избегать всех парней без занятий, как если бы они были заражены опасной инфекцией. Кажется, на обратном пути он не встретил никого подобного, разве что в самом начале, возле Центра стоял один весьма высокий субъект с преобладанием желто-рыжих оттенков. Почему-то Ориент подумал, что его выгнали из сельского хозяйства.

На спутнике есть небольшие фермы с искусственным освещением, там выращивают различные плоды. Товары, аналогичные продуктам животного происхождения, производят исключительно на биотехнологических станциях и заводах, разведения живых объектов нет. На Гардисе вообще считают неэтичным разводить млекопитающих и птиц для алиментарных целей. Исключение составляет охота в походных условиях. Может быть, и будет такая охота. Ориенту захотелось фантазировать. Но он ощущал себя уставшим (он ходил почти весь день) и заснул в тихой капсуле.

5

- Скажите, Вы не специалист по двигателям?

- Нет, я инженер-геофизик. – Ориент сперва ответил, а уже затем посмотрел по сторонам. Он двигался к Многофункциональному центру пешком, в соответствии с цифровой картой. Он специальной вышел заранее и пришел заметно раньше нужного срока. До назначенного срока еще целый час. Он шел и думал лишь о том, о чем хотел – вероятно, поэтому путь оказался незаметен. Вот уже видна площадь и вход. Рядом с ним оказался парень с желто-рыжими тонами. Он словно вырос сбоку. Парень стоял спокойно, и Ориент совершенно не испугался. Он ответил и сразу же подумал, что делать, если будут требовать деньги. Парень спросил, есть ли у него доступ к информационным системам.

- А что?

- Если можно, я хотел у Вас попросить. Посмотреть харак-

теристики двигателя МОД-42, вариация сто сорок. Я забыл, какая там мощность и прочие тонкие характеристики.

- Это катер или...

- Нет, это наземный транспорт.

- А-а... – Ориент стал набирать название, но тут же засомневался. Делая вид, что ищет наилучшие окна, он спросил:

- Вы хотите отремонтировать свой транспорт?

- Своего сейчас нет. Я пришел в Центр на устройство, я инженер по транспорту. Технику управления я знаю, но там всегда просят конкретные характеристики. Считается, это очень важно знать. Выдумали тоже! Но так всегда. Тут ведь нечто вроде экзамена. Вы же тоже сюда?

- Да, меня пригласили. Но я работаю в другой сфере. Вам тут уже приходилось быть?

- Пять раз. Предлагают одно за другим. Я застрял. У меня в личных данных диплом, но нет средств. Я хотел подзаработать – в смысле, поработать. Заниматься примитивным делом не хочется. Не для этого учились. А Вы что заканчивали?

Ориент назвал вуз. Парень кивнул.

- Весьма приличное место. Это университет, там хорошее фундаментальное образование. У меня только прикладное. Я родился на Гардисе. Я работал там – он перечислил населенные пункты, о которых Ориент знал, но никогда не бывал, поскольку они расположены с другой стороны планеты, не там, где его вуз. Парень начинал казаться уже не таким

отталкивающим. Внешне он походил на путешественника, который только что завершил далекий поход: обувь на ногах весьма стоптана, штаны потрепаны местами, при этом они сотканы из совершенно обыкновенной материи. На Гардисе многие ИВР носят специальную одежду-комбинезон, который позволяет двигаться и в нормальной жизни, и в лесу, и воде, и различных агрессивных средах, включая разреженную атмосферу. К такой одежде нередко прибегают женщины, чтобы подчеркнуть красоту своей фигуры, или придать ей большую красоту. Ориент имел полу-технологичные штаны, способные герметично связываться с обувью, но не способные удерживать форму. Они не обладают повышенной защитой, но все же это не простое сукно. Он подумал про тряпки и смутился. Вдали и рядом сновали автоматы-уборщики, автоматы-курьеры с вещами, которые нельзя телепортировать. Двери Центра еще закрыты. Парень в желтом вздохнул с досадой. Он хотел еще о чем-то спросить, но тут из-за угла появился довольно взрослый ИВР с помятым лицом. Он покрутил головой, заметил их двоих и сразу к ним направился.

«Сейчас будет что-то требовать. А что говорить, как его отогнать? Ругаться нельзя...»

Не успел Ориент договорить про себя, как ИВР сказал:

- Парни, хм, где тут есть Ойо-Сток (пищевой продукт в виде пасты, выдается бесплатно)?

- Корпус пять, там отсек стоит! С аппаратами. Прикладываешь свой айденти (идентификатор). Надо, чтоб были ос-

нования! Там же есть вода.

- А лекарства там не дают бесплатно?

- Нет.

- А что так?

- Почему я знаю! – сказал парень и в его голосе прозвучала безусловная твердость. ИВР отошел. Он напоминал рабочих средней квалификации, которые заменяют роботов, но не руководят ими. Он как будто нездоров и настроен попрошайничать. Тем не менее, он сразу ушел прочь. Промчался звук, подобный звону ложечек, когда они в груди. Парень сказал:

- Это женский мотоцикл на воздушной подушке. Некоторые специально украшают его голосами из коробочки, это так, для птичек. Которых здесь нет. Точней, тут есть зоны, но туда вряд ли пустят. Вы были здесь в живых зонах? Я тоже не был. Я застрял на этом... Может быть, нас пустят хоть бы при входе. Надоело уже стоять.

- Там, кажется, строгий график.

- Мы попросим.

Парень уверенно пошел к входу. Возле дверей есть несколько интерактивных табло. Парень начал набирать все службы подряд. Раз за разом отвечала интерактивная система, и тут же отключал запрос. Но вот в одном из окон ответила девушка. Внутри Центра ИВР присутствуют в любое время суток. Он бодро поздоровался с экраном, наклонился и сказал что-то вежливым и доверительным тоном, как если

бы он был с ней знаком. Девушка спросила, сколько их.

- Двое, всего двое. Уезжаем скоро.

- Как Ваша фамилия?

- Да мы же уезжаем скоро! – заявил парень. Ориенту этот ответ не показался убедительным. Однако девушка тут же активировала одну из команд. Стеклопанные двери приоткрылись, а потом опять закрылись, до наступления официального часа. Расположенные дальше двери не откроются точно. Но уже здесь можно сесть на мягкой мебели. Ориент присел. Парень сел и почти развалился, но тут же вскочил и стал осматривать пространство. Нигде нет аппаратов с бесплатной снeдью.

- Сюда нищих не пускают, вот поэтому так. – Он замолчал. Они просидели минут двадцать и видели, как снаружи уже собираются ИВР. Их немного, по внешнему виду они – специалисты, и вынуждены ждать. Ориент подумал, как бы потом чего-нибудь не вышло. Когда время наступило, двери все открылись разом. Все проследовали в огромный зал, откуда приглашали в сектора для личных собеседований. Ориент знал, что подобные процедуры проводят уже не программы, не алгоритмы, а настоящие ИВР, и дают часто задания. Правила хорошего тона рекомендуют все писать на простой бумаге, используя цифровые ресурсы лишь для очень сложных вычислений. В залах есть автоматы по продаже упакованных листочков и канцелярских изделий. У Ориента они есть в рюкзаке, но он решил приобрести еще комплект, что-

бы были совсем новые.

- Покупайте сразу два, или три. Там бывает волокита. Я в пятый раз прихожу – только здесь – и всегда расходуют массу бумаги. Это даже удивительно.

Упаковки оформлены в разных стилях, имеют разное количество листов. Ориент хотел выбрать одну большую упаковку и две шариковые авторучки, но почему-то его палец нажал на логотип маленькой. Аппарат не срабатывал. Ориент нажал несколько раз. Аппарат как будто завис; внезапно раздался шорох и в окно выдачи полетели упаковки, одна за другой, посыпались ручки. Аппарат в результате пробил все, в несколько раз больше чем нужно Ориенту. Упаковки высыпались из рук. Парень помог их поднять, одну упаковку он нес в руке. Кажется, он прихватил и ручку тоже. В огромном зале пришлось ожидать не меньше часа. ИВР сидели и стояли на большом друг от друга расстоянии, и подходили друг к другу только если были знакомыми. К Ориенту и парню никто не подходил. Время от времени система называла фамилии. Парень вдруг сказал:

- Это меня! – подмигнув, он бойко помчался на третий этаж. Ориенту сделалось немного обидно. Он заметил, что парень унес его бумагу и две ручки, но жалел не об этом. Он считал, что он серьезней парня и его должны были вызвать сначала. Он не думал, что у парня есть связи, ведь иначе бы он не пришел сюда так просто. Правда, девушка ему открыла. Вероятно, она его знакомая. Перебирая факты в памя-

ти, он рассматривал фурнитуру. Наконец, вызвали и его. На четвертом этаже его попросили написать краткое резюме о своих научных и практических интересах, описать суть текущей работы, указать область, где он хотел бы проявить себя. Ориент решил не писать о работе на удаленных планетах – как знать, вдруг его сочтут нахалом и пустым прожектором. Для написания текста дается два часа. Ориент очень старался, и если получалось не очень красиво, если было больше трех исправлений на листе, он начинал писать заново. Он уложился в срок, а ненужные черновики аккуратно сложил, чтоб потом бросить в ящик для вторсырья. Его вежливо попросили подождать в небольшой комнате с бесплатной водой. Затем пришел ИВР с узорами на лице и светло-бардовым оттенком кожи (Ориент видел, что это кожа, а не технологичное покрытие и не одежда). Ему задали несколько стандартных вопросов и два совсем нестандартных, один из которых был вообще не связан со специальностью и имел глубоко философский подтекст. Ориент начал рассуждать, но потом спохватился и сформулировал свое мнение тезисно, в нескольких строках. Ему показалось, он говорил не слишком выразительно, хотя и грамматически верно. Сотрудник закивал и сказал, что, по его мнению, мистеру Ориенту (он так и сказал: «Вам, мистер Ориент», т.е. не называл фамилии, что указывает на большее расположение, Ориенту это весьма понравилось) дадут, дадут, дадут. Дадут вакансию, подумал Ориент, уже возвращаясь в большой зал. Там попроси-

ли подождать до принятия решения. Он ходил около часа, нарочно не покидая зал, чтобы вдруг не пропустить сигнал - это было необязательно, поскольку сигнал придет к нему на личный планшет не по скрытой, а по общей связи, которая работает повсеместно. Если бы сигнал пришел по скрытой связи, тогда действительно, его можно получить только в пределах Центра. Но Ориент этого не знал. Сигнал утвердительный. Ориента приглашают завтра в начале второй половины дня прийти в корпус по соседству. Ориент был доволен. Ему стало даже жалко парня в желтом с растрепанными штанами. Он, при всей явной опытности, не производил впечатление собранного лица. Ориент решил купить себе что-нибудь приятное, но уже когда все будет точно известно, когда будет понятно место будущей работы.

В назначенный час он направился к новому корпусу. Каково же было его изумление, когда он увидел парня с желтыми оттенками, шагающего с картонным пакетом в сторону той же зоны. Парень смотрел бодро на другие предметы. Но потом он закивал и направился к Ориенту. Ориент подумал и тоже к нему пошел.

- Привет! Вас тоже сюда? Вас берут на двигатели? Ах нет, ведь Вы же геолог. Тут, наверное, что-то общее. Что – не знаю. Вчера два часа пришлось рисовать схемы всякого старья, доказывая, что я знаю историю техники. Просто вздор какой-то.

- У Вас были листочки?

- Да, я взял, спасибо. Ничего, начертил. О числах говорили немного... хотя тоже был один подвох, не хуже, чем на экзамене. Цифру я назвал правильно. Там спросили: а если другая цифра? То есть число. Это ведь влияет и на управление, и на всю конструкцию. Я начал рассуждать, говорил, говорил – не записывал, не рисовал; раз слушают – пускай! Вроде бы доказал, что я нормальный специалист. Они вертели на экране мой диплом. Твой не вертели? Там же можно посмотреть оценки по всем предметам. У меня плохие по химии и еще по кое-чему. Стали привязываться. Я говорю: я не спец по материалам, я занимаюсь эксплуатацией. Их как будто не удовлетворил такой ответ, я видел по лицам. Но это лишь мелочь, это действительно не основа специальности. Здесь я думаю, опять будут разговоры.

Парень ошибся: в этом корпусе оценивали физическую подготовку кандидатов к будущей работе. Процедура отчасти напоминала медицинский осмотр, но было очень много физкультуры. Ориента заставили прыгать, бегать, залезать по различным поверхностям, выдерживать нагрузки на тренажерах, имитирующих различные среды. По-настоящему агрессивных сред не было, однако Ориент очень утомился. Он ожидал испытания на производственном тренажере – аналоге станка, любого рабочего механизма или управляющей панели, которые используются в реальном деле. Сектор оценил его физическую форму без тестирования профессиональных навыков. Ориенту пришлось направление: явиться

на космодром для отправки на работу по специальности (она включает и прикладную геологию, и инженерную геофизику). Конкретное место работы не указано, но из общих данных следует, что оно находится в пределах звездной системы Гардиса. Пожалуй, это неплохо, подумал Ориент, ведь я не хотел уезжать очень далеко. С ходу он не сумел представить, куда его направят. В сообщении указан только срок – два года, это совсем немного для ИВР. Но такое распределение достоверно повышает статус. Ориент проверил свой уровень – баллы все те же. Без сомнений, нужно поработать и проявить себя.

6

Парня с желто-рыжими оттенками зовут Кэнон Лидиграсс. Ему знакомы берега тропических широт Гардиса, где можно заниматься парусным спортом и сёрфингом. Он очень удивился, узнав, что Ориент никогда не ходил под парусом, и сразу же начал давать дельные советы: как лучше стоять в первый раз, какое место выбрать, у кого арендовать борт и так далее. Кэнону удавалось легко разговаривать с совершенно незнакомыми лицами: он только в первый день изнурял себя однообразными тренировками, а потом он уже играл в мини-футбол и баскетбол – разумеется, после двух часовой тренировки, но все равно это было интереснее. Ориент занимался в других залах. С Кэноном он виделся в начале тренировочного дня и в конце. У Кэнона было очень мало своих средств на цифровом счету, но он не унывал.

Каждый день он доставал пакеты с бесплатной едой, которая по его словам совершенно не просрочена. Он угощал тех, кто занимался рядом, предлагал Ориенту тоже. Из соображений вежливости и предосторожности Ориент всегда отказывался. Ему было интересно, не случится ли из этого какой-нибудь истории. Ничего не произошло. По всей видимости, Кэнон получал те бесплатные пакеты совершенно законным способом, в противном случае он бы просто не дошел до Центра. Содержимое пакетов представляет собой наборы готовых блюд в герметичной упаковке: наборы овощей, сэндвичи, постные кексы. Мясных ингредиентов немного. Тем не менее эти блюда не идут ни в какое сравнение с питательной массой, которую выдают безработным. Масса, или паста, помещена в бесцветный тюбик, на вкус она тоже бесцветна. Тюбик и не обязан быть вкусным. Он лишь содержит определенное число калорий, некоторые витамины и микроэлементы (но далеко не все из числа необходимым). Тюбиком можно тактически утолять голод, но питаться так все время совсем не интересно. Расчет делается на то, чтоб стимулировать безработных к поиску занятий, где платят. Однако парни и даже взрослые с невзрачным видом есть и на спутниках, и на Гардисе. Иногда они даже сбиваются в толпы. Для преступления это отягчающее обстоятельство. По словам Кэнона, драться с ними легко, поскольку они все трусы. Он не уточнил, дрался ли он сам, но приводил различные примеры из жизни. Особенно он любил рассказывать о том,

как дерутся сильные девушки. Ориенту он это рассказывал не менее двух часов, пока они шли в другой конец города, с большими престижными квартирами. Там они расстались, а Ориенту пришлось еще три часа идти к своей капсуле. Не похоже, чтобы Кэнон арендовал настоящую квартиру, да еще и в таком районе. Вероятно, у него есть знакомые. Они могли помочь и трудоустроиться, и организовать другие вещи. Да, скорей всего, сказал Ориент, и тут же добавил: но почему они не помогли раньше? Мистер Лидиграсс скорее похож на нуждающегося, нежели на уверенного в себе, хоть он и говорит уверенным тоном. Усталость была велика, поэтому Ориент не стал об этом размышлять. Тренировки шли каждый день в течение недели. Затем ему, Кэнону и другим парням выдали направления к работе. Направления вручали индивидуально. В тот день Ориент совсем не видел Кэнона. Они встретились уже на подходах к космопорту.

- Привет, Вы тоже на Р-8? Этот спутник имеет приятную силу тяжести, но планета над ним тяжелая. Нет, в самом деле?

Р-8 – один из десяти спутников огромной планеты, которая не имеет литосферы и представляет огромный газовый гигант. В его атмосфере есть стабильные сгустки, подобные островам. Нижние слои атмосферы очень густы и ядовиты. Они выталкивают плотные облака, превращают их в сухой лед, который растворяется в ближнем космосе. Искусственные аппараты могут пребывать в верхних слоях до-

вольно долго. Саму планету никак не используют в экономических целях; считается, она важна тем, что уравнивает всю звездную систему. Р-8 похож на спутники Гардиса по своим линейным размерам. Дышать там сложно; впрочем, опытные ИВР привыкают к подобной среде. По территории космопорта перемещаются модули, небольшие корабли, а также наземные аппараты, в случае необходимости ИВР идут пешком. При регистрации всем новичкам выдают стандартный шлем, облегающий голову. Все остальное не закрыто. У бывалых ИВР считается щегольством ходить среди разреженной атмосферы в обычной одежде – без технологических устройств, без скафандра. Ориенту дали направление на тот же корабль, что и Кэнону. Тот стоял с непокрытой головой и слегка подкидывал шлем в руках. Его рыжеватые волосы выстроились в одну сторону под крутым углом. Наверное, он их чем-то обработал. Ориенту было непривычно в шлеме. Он решил не снимать, пока не сядет в корабль. У него был с собой рюкзак. У Кэнона, кажется, не было ничего вообще, даже портативной сумки, которая крепится к поясу. Они постояли немного, затем пошли. Ориент смотрел с любопытством. Очертания кораблей напоминали ему грандиозные фрагменты скал, древние образования. Однако внутри оказалось тесно. Они быстро нашли корабль, который, как оказалось, не предназначен для сверхдальних перелетов больших команд. Он возил аппаратуру в пределах звездной системы Гардиса, а также к соседним системам. Почти все

пространство занято горнодобывающими машинами. Кэнон очень удивился и спросил об их скорости. Автоматическая система ответила и добавила, что скорость стандартная. Помимо машин для изъятия сырья, есть также грузовой транспорт и погрузчики. Ни одного внедорожника на колесах.

- Там небось не до колес. Но гравитационной тяги тоже нет. Она нужна, чтобы не касаться дурного грунта. Послушайте, Вы, система... кто составил перечень? Тут нет ошибок?

- Состав согласно утвержденному! – сказал робот. Корабль ожидал пилотов и техников. Вскоре прибыл один пилот, посмотрел документы и предложил располагаться сбоку от бокового отсека, рядом с выходом. Там очень узкое пространство с лавочками.

- А нормально сесть нельзя? Неужели нельзя нормально. Это что, сырье возить? Мы же не сырье.

- Хотите, договоритесь с капитаном. – пилот набрал номер. Кэнон, кашляя, достал довольно старую пластинку, потыкал в нее и установил режим работы. Высветилась местная связь. Прикрыв лицо рукой, Кэнон принялся шептать. Неизвестно, что он говорил, но в результате капитан разрешил пересесть в зону, расположенную вблизи спасательного челнока. Такие аппараты есть на каждом корабле. Они невелики, а в данном случае – совершенно малы. Но перед ними есть настоящие летные кресла. Стола не полагается. Чтобы попасть в биотуалет, надо пройти к кабине пилотов. Впро-

чем, полет до Р-8 совсем недолгий.

- Ну хоть нормально сядем. Не-ет, так плохо. – Кэнон надел шлем. – Как тут регулировать? Тут задохнешься. Зажало! Вентиляции еще нет. Слушай, приятель, нажми там.

Ориент стал регулировать настройки шлема вытянутыми руками. Кэнон стоял чуть согнувшись. Он очень высокий, и Ориенту было неудобно. Ориент все же сумел быстро выбрать нужный режим. Кэнон задышал, потом предложил пройти по космодрому. До вылета оставалось не меньше 5 часов. Если учесть, что после посадки бывает длительный режим ожидания, вылет может состояться часов через семь. До этого долго сидеть неинтересно. Ориент согласился пройти. Ему и самому хотелось посмотреть на корабли снова.

Кэнон охотно говорил о многом, легко менял темы и почти не возвращался к тому, что он уже говорил. Возвращаясь после тренировки, он поведал несколько историй с массой драматических подробностей. Ориент любил запоминать, однако уже на следующее утро он почти не помнил ничего из того, что рассказывал Кэнон. Ориент связывал это с долгими физическими нагрузками, которые приходилось испытывать в Центре. Он не привык к таким нагрузкам. Ему случалось ремонтировать большие механизмы и держать тяжелые детали на весу. Но там все же основную часть времени занимал другой труд, держать детали приходилось минуту или две, самое долгое – пять, а здесь пришлось в течение нескольких часов двигаться практически непрерывно, лишь

заменяя одни нагрузки другими. Теперь они просто шагают в шлемах. Уже через час Ориент плохо помнил подробности того, о чем рассказывал Ориент, только общую тему. Он наблюдал за кораблями, за подвижной техникой и ИВР, фотографировал понемногу там, где это разрешено.

Внезапно Кэнона осенила мысль. Он сказал, здесь могут быть его старые знакомые, где конкретно – он не мог сказать, но очень хотел кого-то встретить. В течение трех часов они бегали по космодрому, искали знакомых Кэнона и никого не нашли. Неподалеку шла девушка в красивом облегающем скафандре. Она пилот или исследователь далеких земель. Или все вместе. Кэнон увязался было за ней, начал говорить, однако девушка никак не отзывалась. Постояв немного, Кэнон повернул назад.

- Ладно. Все равно я с ней не знаком. Если бы был, то, вероятно... прикид похож. Я могу перепутать. Всех не запомнишь. Такой прикид – то есть наряд – дорого стоит. Его так просто не дают. Это не чтобы просто. Слушай, дру, а что там на Р-8 такое, что столько техники везут в одной тачке?

- Ну как же, на Р-8 добывают редкоземельные металлы, особенно – лантаноиды из числа тяжелых. Там идут геологические процессы.

- Планета живая, что ли?

- В геологическом смысле, да. Я не знаю, есть ли там кремниевая фауна. В старых книгах писали, что была, потом она исчезла, потом – нет, не самозародилась, но появилась снова.

Вероятно, там есть среда, где постоянно существует жидкий кремний. Там же есть циркулирующие пласты.

- Я не слышал.

- Это проходят в школе, еще в восьмом классе.

- Сколько времени прошло! – Кэнон хотел потерять щеку, но потер шлем. – Там хотят проверять моторы, якобы экспериментальные, для наземного и слабogrавитационного транспорта. Того, что не летит долго.

- Все логично, на Р-8 нормальная сила тяжести. – Ориент посмотрел на часы. – Вы знаете, нам стоит идти к борту. Сбор начнется через полтора часа.

- Так это полтора часа. А мы уже рядом. Лучше еще протиснуться.

- Нет, лучше подождать на месте, чем опоздать и... Вдруг там еще что-то надо будет делать. Я предлагаю вернуться.

- Ладно. – Кэнон пошел вслед за Ориентом. Они добрались до корабля, пролезли в тесный отсек, через который открывался путь к спасательной капсуле. Сбоку есть комнатка. От нее ведет крайне узкий коридор. Кэнон мог там двигаться лишь в пол-оборота, хотя он совсем не толстый. Ориенту тоже показалось неудобно. Наверное, это необходимое условие за то, что так быстро предложили вакансию.

Возник крохотный экранчик. Пилот сказал: все на месте? Идем. Корабль тут же стал подниматься вверх, а через две минуты он был уже за орбитой спутника.

Кэнон стал массировать шею.

- Фу, жарница. На Р-8 нет нормальной атмосферы, там должно быть прохладно. Там довольно далеко от солнца. Девушки – летают! Я связался тут с одной. Она не пилот, но тоже... вполне. Побегали, покатались по планетам, в результате я истратился весь. Она обещала здесь помочь, на этом спутнике, а сама – исчезла! Нет, не умерла, просто уехала. Как говорится, по делам. Я остался без средств. Конечно, глупо столько тратить с девицами. Я думал, выйдет иначе.

- А Вы где раньше работали?

- Давай уже на ты.

- Хорошо. У вас инженерная специальность?

- Не только, я испытатель. Наземных машин. Ты был на планете «...»?

- Нет. Это очень серьезный мир. Ты там работал?

- Да, чуть-чуть. Я думал, выйдет несколько иначе.... должно было выйти лучше. Сейчас фирма «...» проверяет внедорожники на колесной и летучей тяге. На планете «...» – гораздо интересней. К сожалению, не вышло. С девицей тоже не вышло. Главное, она обещала! Все они обещают, глупо верить просто так, надо с доказательствами. Я не влюбился, нет! Что я, дурачок прелестный? Влюбляться вредно. Я так просто. Я умею нормально общаться. Но не всегда... Теперь вот застрял, и должен лететь туда, где добывают гадость! Как ты назвал элемент?

- Гадолиний.

- Он, кажется, радиоактивный? Вот я и говорю. Удоволь-

ствие заключается только в том, что это недалеко от дома. По крайней мере, легко вернуться.

- В контракте сказано...

- Ты читал контракт? Я – никогда не читаю. Они все одинаковые.

Ориент очень удивился. Кэнон подмигнул:

- Там все пишут по шаблону, и надо учитывать другое, мелкие детали, а также то, что помимо контракта происходит. Отношения очень важны. Но не всегда выходит. Слушай! А ведь на Р-8 – женщин, наверное, мало! Раз там этот гадолиний и прочее все?

- Я не знаю. Вероятно...

- Вот влезли. Летим. Ладно, ладно, перестроим. Перекантуетесь, я хочу сказать.

Кэнон часто использовал слова и выражения, которых означали совсем не то, что о них указано в толковом словаре или в другом академическом издании. Отчасти это был профессиональный сленг, сравнительно новый, отчасти придуманные им самим обороты. Ориент не все понимал из того, что говорит его спутник. Внутренняя обшивка корабля слегка вибрирует. «Мы не развалимся? Я никогда еще не летал на такие расстояния».

7

Посадка на Р-8 прошла благополучно. Пока происходила выгрузка механизмов, Кэнон выяснял, где расположен стадион, есть ли поблизости трассы для наземных гоночных ап-

паратов. Вокруг были почти исключительно роботы, но он и с ними умудрялся поговорить. Роботы отвечали неизменно вежливым тоном. «Обо всем знает Система и руководители-ИВР». Под системой работы подразумевали центральные пункты управления, оснащенные мощными компьютерами. Однако при всей своей вычислительной скорости компьютеры лишены способности рассуждать, строго действуют в пределах установленных настроек и неизменно подчиняются ИВР. Отсутствие настоящей атмосферы ощущалось. Из-за удаленности от солнца дневные часы были неярким, даже тусклыми; ночь, напротив, никогда не создавала беспроекторного мрака, всегда царил полумрак. Огромная планета плохо отражала свет днем, зато ночью становились ощутимы ее излучения в ближнем видимом диапазоне. Атмосфера планеты была естественным генератором флуоресценции, которая хорошо различима на спутниках в ночное время. Помимо свечения основной планеты, извне из далеких и близких пространств приходил звездный ветер – поток частиц и полей с высокой частотой. Они бывают очень вредными. Система постоянно следит за их уровнем и немедленно сообщает о приближении волнового фронта. В эти часы ИВРам рекомендуют не выходить на открытые пространства, оставаться внутри зданий или аппаратов с защитным слоем. От жестокого потока можно спрятаться в пещерах – на Р-8 существует очень сложная система естественных полостей, разломов, каверн. Некоторые из них имеют до того

причудливую форму, что возникает мысль о рукотворном воздействии. Следы посещения спутника другими цивилизациями скупы и малоинформативны. До прихода Гардиса здесь могли проводить добычу ценных ископаемых и занести сюда живые объекты на основе полимеров кремния. Бактериальные формы имеют очень низкую активность на поверхности Гардиса. В литосфере постоянно идет циркуляция больших масс, повсеместно создавая угрозу землетрясений. При этом извержения происходят довольно редко – установлено, что под наружным слоем литосферы идут огромные концентрические потоки горячих фракций, аналогичных лаве. Они отделяются от магматического слоя и идут вдоль поверхности на глубине 20-30 километров, после чего опять уходят в магму. Между ними и основным магматическим слоем лежат нерастворенные слои. Таким образом, внутри литосферы Р-8 имеет почти двойной слой магмы, что довольно удивительно для планет. Движение магмы вызывает внутренний нагрев и частичное расплавление пород, что, по всей видимости, используется кремниевыми формами жизни. Они не имеют четкой формы. Они текут и ползут, подобно амебам, их легко различить невооруженным глазом – они похожи на листья и кляксы размером в половину ладони. Есть сведения, что в определенных случаях эти формы вырастают до размеров автобуса, но тогда они очень пассивны и не способны к перемещению. От них отрываются кусочки живой кремниевой массы, которая устроена гораз-

до проще, чем любой одноклеточный объект на основе полимеров углерода. Тем не менее, кремниевая жизнь имеет внутреннюю структуру и размножается вблизи мощных тепловых потоков. На поверхности кремниевые объекты легко гибнут от жестоких лучей, от разных форм механического воздействия. Ориент слышал о том, что на большой глубине кремниевая масса может быть опасной. Ему поручили следить за сохранностью прибывших машин, поэтому он был поглощен этим. Тем временем Кэнон ходил и расспрашивал о трассах. Все, кто мог иметь эмоции, удивлялись: на Р-8 нет городов в полном смысле этого слова, нет постоянного населения, а климат очень неудобный. Для чего здесь устраивать гонки? Кэнон утверждал, что это возможно. Он не звонил представителям фирмы, которая заключила с ним договор. Из-за близости огромной планеты связь работала небыстро. Ему самому прислали сообщение. Он попросил подождать и ответить снова. Почему-то он вообразил, что здесь можно найти настоящих гонщиков и благодаря им «загнуть траекторию лично». Сейчас не он, а ему «загибают траекторию», хотят, чтобы он выполнял чужие предписания. Кэнону позвонили еще раз. Он пропыхтел что-то через шлем, посмотрел на все насмешливым взором (через матовый шлем это не заметно). Аудиосвязь в шлемах работает хорошо, и он пыхтел нарочно – не хотел, чтобы слышали его огорченные слова. У него не было с собой никакого багажа. Поэтому он легко пошел за пределы космопорта. Ориенту он даже ничего

не стал писать.

Ориент не огорчился. Он тщательно следил за состоянием добывающих машин, смотрел, как выгружают механические части, и время от времени делал замечания роботам. Они действовали без сбоев, но Ориенту очень хотелось тоже поучаствовать в процессе и, более того, ощутить себя руководителем. Ему нравилось, когда роботы спрашивали, хорошо ли проведена операция. Да, нормально, отвечал Ориент и советовал им обратить внимание на то или другое; роботы действуют строго по программе, резкие отклонения для них невозможны. Тем не менее они всегда соглашались. На спутнике есть производства по переработки сырья и выделению отдельных элементов. Бруски с холодным металлическим блеском, бруски матового цвета, брикеты с пестрым или даже неприятным оттенком грузят на корабли. Высоких переделов на спутнике нет, есть только станции, где ремонтируют, а чаще просто заменяют поврежденные детали. Срок работы механизмов на открытом грунте не превышает нескольких лет. Гардис полагает, гораздо проще регулярно менять парк машин, чем стараться сделать их долговечными в такой среде. При попадании на металлический корпус кремниевая масса быстро окисляется, превращая закаленный металл в непрочный и ржавый. При этом сами организмы часто не разрушаются. Если их разрубить на сто частей, почти все части будут расти и размножаться. Их легко засыпать или раздавить, легко разрушить огнем, на по-

верхности они быстро твердеют. Затвердев, масса необратимо гибнет. Тем не менее, она существует в глубоких полостях коры исторически долгое время. Иногда на глубине 2-3 километров робот-проходчик обнаруживает большие полости, в одних местах порода изъедена, в других – отшлифована. Кремниевые объекты содержат очень малое количество воды, но этого достаточно для проведения активных химических реакций. Под поверхностью спутника нет настоящих грунтовых вод. Вода как фракция выделяется в процессе перемещения магматических потоков и их взаимодействия с породами. Сотрудники-ИВР очень редко спускаются в шахты и руководят аппаратами дистанционно. В разных частях спутника действуют малые геолого-разведывательные партии. Основная часть аппаратов сосредоточена в зонах выработки, где идет добыча сырья.

Ориента назначали на должность инспектора геологической группы номер А-130. Число таких групп составляет несколько десятков, но стоит учитывать, что каждая имеет всего одного инспектора, т.е. это довольно значимая должность. Инспектор следит за геологоразведкой в данной области, за работой аппаратов, также он оценивает общее состояние литосферы в зоне действия комплекса. Работа имеет элемент науки, хотя в основном она сугубо практическая. Прежний инспектор проработал здесь уже больше пяти лет. У него был бессрочный контракт с правом выхода из дела в любое удобное время. Это весьма удобная форма контрак-

та: за месяц до предполагаемого увольнения нужно подать заявку, чтобы заранее начали подыскивать кадры. Если замена не будет найдена, по истечении месяца все равно можно уезжать. Прежний инспектор был старше Ориента раза в четыре. Он предоставил всю цифровую документацию и планы, дал краткие вводные относительно здешних правил и особенностей. Ориент нарочно решил ни о чем не спрашивать, желая разобраться во всем самостоятельно. «Здесь бывают звездные дожди, имейте в виду. Местами грунт проседает. Полости глубиной до километра. Хорошо, что мало воды. Наблюдайте за кремниевой массой. Иногда она появляется внезапно и мешает работе. Иногда она опасна. Избегайте погружаться глубоко. В целом, успеха вам!»

Так сказал прежний инспектор. Рьяно принявшись за дело, Ориент решил не только держать свой комплекс в изумительном порядке, но и открывать новые месторождения. Р-8 имел стратегические запасы гадолиния, но все легкодоступные зоны истощились тысячи лет назад. Добыча проникает на глубину до 5 километров, создавая огромные искусственные массивы. Они рушатся от землетрясений, погребая под собой целые автоматические партии. Иногда бывают случаи с гибелью ИВР. Гадолиний содержится в грунте повсеместно, но его концентрация на поверхности слишком мала, чтобы проводить выработку открытым способом. Есть гипотеза, что наружный слой магмы выносит гадолиний ближе к поверхности, заталкивает внутрь пород и часто просто замуро-

вывает. Гадолиний очень важен для энергетической сферы. Его и другие редкоземельные элементы используют в двигателях, электростанциях, при производстве различных товаров широкого пользования. Сочетание редких элементов обеспечивает работу порталов, позволяющих мгновенно пересекать пространство. В звездной системе Гардиса постоянно работают два или три таких портала. Ориент ими не пользовался, поскольку они все имеют стратегическое значение и представляют, как говорят во многих народах, государственную тайну. За много тысячелетий поверхность спутника подверглась значительной обработке, и тем не менее в ней остается масса неизученных зон. Учеными показано, что Р-8 постоянно меняет конфигурацию литосферы, в результате большие земли проседают, раскалываются, заливаются лавой и очень быстро, по геологическим меркам, меняются. Такую динамику отчасти связывают с влиянием соседней огромной планеты, однако тонкие механизмы процесса по большей части не ясны. На спутнике можно проводить очень интересные исследования.

Ориент решил сперва сосредоточиться на практической сфере. Ему выдали несколько скафандров для работы в разных зонах – просто на поверхности, вблизи зоны выработки, внутри скального грунта вблизи поверхности, внутри скального грунта далеко от поверхности. Скафандры довольно пластичные и мягкие на ощупь. К ним герметически подходят шлемы стандартной формы. Если голова ИВР имеет

особенности, например, специальные образования или выросты, можно заказать индивидуальный шлем, за него, как правило, надо платить. Обычный шлем сидел на голове Ориента удобно, позволяя проецировать перед собой цифровой текст, различимый только носителю шлема.

В тексте повторяются команды для роботов и аппаратов. По регламенту инспектор должен не реже 2 раз в неделю оценивать работу комплекса. Аппараты имеют контакт друг с другом и с главным компьютером комплекса, который работает непрерывно. Компьютер обязан ежечасно передавать отчеты в центры, где работают ИВР, компьютер очень старается, но он сам не способен глубоко анализировать информацию. В свою очередь аппараты не всегда адекватно оценивают степень своих повреждений. Отчасти это связано с износом или неверными настройками. Прежний инспектор предупредил, что часть аппаратуры не всегда распознает команду Л-6. С чем это связано, неясно; он не программист и не кибернетик, и никогда не исправлял тонких программных настроек. Он посоветовал Ориенту тоже ничего не исправлять, и только лишь сообщать. Команда Л-6 входит в перечень базовых программ, которые можно просто включать или выключать, не меняя их цифровые коды. В первый день Ориент лишь следил за работой, на второй он для проверки стал давать самые простые указания: двигаться чуть быстрее или чуть медленнее, уменьшить число оборотов и т.д. Для этого нужны самые простые команды. Он дал коман-

ду Л-4, затем Л-7. Один из аппаратов стал выполнять Л-6, хотя его не просили. Ориент остановил его и велел выполнить Л-6. В ответ аппарат начал стучать – перестраивался, выдвигал и убирал манипуляторы, сдвигал свои наружные щитки. Он замер, а потом вдруг стал работать по команде Л-8. Ориент велел стоять (Л-8 здесь совсем не нужна). Он велел очистить память текущих команд и повторил запрос на Л-6. Он так проделывал несколько раз и все время аппарат выполнял Л-6 вместо Л-8. Внутри него замурованы блоки. Доступ к ним имеют на ремонтной базе другие, более сложные аппараты. Ориент решил не давать той машине ни Л-6, ни Л-8, но она сама иногда, в рамках доступного ей выбора, вдруг начинала исполнять Л-6. Его нельзя заблокировать в простом эксплуатационном режиме, поскольку это базовый набор программ, они «вживлены» в железные мозги. Собственно, Л-8 тоже нельзя заблокировать, она тоже базовая. Аппарат сам иногда хочет работать по Л-8 – выбрасывает из себя огромные зубцы, необходимые для разбора грунты, сверла, молотки на манипуляторах. Он хочет работать как шахте, хотя вокруг совсем иной ландшафт. Сырье добывают открытым способом. В дневнике инспектора указаны неполадки машин за последние полгода. О той, которая путает Л-6 и Л-8, ничего не говорится. Вероятно, сбой произошел прямо перед прибытием Ориента. Так бывает, что работа начинается с досадных необязательных трудностей. Ориент очень рассердился – заблокировал тот аппарат совсем,

запретил ему двигаться. Но тот дает сигналы. Ориент уехал в Центр для проживания сотрудников-ИВР, вскоре вернулся и вновь запретил. Сигналы все же поступают. Ориент вспомнил, что у многих машин цифровой блок можно отключить только с помощью особых программ и систем, которые есть у специалистов. Ему не хотелось вызывать кого-то из центра (не хотелось показывать, что проблемы возникли сразу). Он отправил тот аппарат на «кольцевую» траекторию - аппарат должен был двигаться, пока у него не закончится заряд, проводя при этом скрининг поверхности. Такая функция в нем была; правда, она слаба, для скрининга существуют более специальные системы, но Ориент нарочно его направил, чтобы в журнал наблюдений четко отмечалось: аппарат без конца проводил скрининг. Если он сломается, то в процессе активной работы. Аппарат двигался неспешно – Ориент специально выбрал медлительный режим, чтобы не задеть кого-нибудь случайно. Аппарат исчез из виду. Ему приказали двигаться по замкнутому контуру, чей диаметр насчитывает сотни километров. Если он во что-то врежется, необходимо будет сообщить. Перезарядка систем проходит каждую неделю, если они работают активно. Спустя неделю Ориент проверил, куда ушел аппарат – тот обнаружил кусок скальной породы и, судя по рисунку гусениц, пытался проехать через него, словно хотел раздавить. Аппарат выбрал невозможную тактику: порода здесь очень тверда и устоит перед таким воздействием. Аппарат несколько раз менял углы подъема, по-

том застыл и практически целиком отключился. В нем горят только некоторые индикаторы. Никакого запроса не выключение не было.

Ориент решил спросить, что делать. В Центре над ним стали подшучивать, затем предложили выслать транспортный борт, спросив заодно, кто будет его оплачивать. Ведь борт идет не ради серьезной цели. Запроса на смену аппаратуры не было. Для этого нужно дать обоснование, но более всего, надо иметь свидетельства в цифровых дневниках. Ориент вообще не записывал приказы тому строптивому аппарату. Он нахмурился и сказал «спасибо». Подумав, он добавил, что этот сбой не влияет в целом на работу комплекса, и он сам все исправит. Он так сказал для солидности — на самом деле, он не умел перепрограммировать такие аппараты в условиях жестокой среды. Он это делал только в рамках учебы или адекватном ангаре с адекватной защитой. Аппарат застрял среди скал и мелкого песка, способного вызывать зуд на коже. Ремонт в сильноразрезанной атмосфере или в безатмосферной среде, в космосе, всегда вредит узлам, не только самым уязвимым. От этого могут сгореть элементы памяти, элементы с наноструктурой. Это делают настоящие специалисты или системы под контролем опытных специалистов. Ориент, конечно, считал себя настоящим, но не хотел излишне рисковать. Он решил пока просто не трогать систему. Если оценивать работу комплекса в целом, она идет без видимых сбоев. Ориент следил пристально, чтоб по-

грузка грунта происходила строго в указанных местах, чтобы роботы-грузовики не заезжали в зоны, где есть риск химических реакций. Впрочем, реакции происходят постоянно. Агрессивные лучи обжигают поверхность спутника, скребут, буравят поверхности, оставляя микроскопические трещины на горах, скалах, на любых камнях, на поверхности искусственных систем. Благодаря литосфере происходит обновление поверхности грунта – в течение многих тысяч лет. Механизмы не обновляются никак – их просто заменяют на новые, старые перерабатывают или же бросают. В условиях ежедневной работы на поверхности, мягкий скафандр почти целиком выцветает за 2 года календарных года Гардиса. Скафандры тоже регулярно привозят новые. Ориент пока «новый и яркий», как говорят здешние сотрудники. Они велели не ходить на южный полюс Р-8, поскольку там в прошлом веке была перестрелка. Одни инопланетные бандиты атаковали других, кто-то даже был убит. «Юным лучше не рисковать!». А старым, хотел спросить Ориент, но лишь закивал. Получилось так, словно он был в школе. Ориент немного обиделся и решил зря не разговаривать ни с кем. Возле комплекса есть капсулы с хорошей защитой от лучей и ветра. Ориенту дали ключи от всех капсул, и он мог жить в каждой. Капсулы ненамного больше той, в которой он жил, их внутреннее убранство очень скромное. Ориент в этом не видел никакого ущерба. В часы дежурства, когда он не хотел стоять у машин, он находился в капсуле. По инструкции инспектор

должен лично следить за комплексом в течение определенного срока, обычно не превышающего 1 суток Гардиса. Затем он может вернуться в Центр или находиться в других местах, обязательно лишь вовремя прийти на следующее дежурство. Парных смен не полагается, инспектор всегда один следит за комплексом. Ориент никогда прежде не думал, почему нет парных смен. Эта мысль у него мелькнула здесь; он решил, это делается во избежание возможных злоупотреблений, поскольку ИВР могут сговориться и покрывать ошибки друг друга. Он не стал дальше думать, как это получается. Он следил за работкой приборов, наблюдал пейзаж и делал короткие записи на бумаге. Он даже попробовал что-то нарисовать, но вскоре решил, что удобнее просто фотографировать.

8

Добыча руды идет в размеренном режиме. Неторопливо и неспешно аппараты переворачивают грунт, наполняют грузовики, которые могут двигаться быстро, но только если получают приказ. В обычное время робот-грузовик и автопилотируемый транспортный аппарат имеют стандартную скорость. Если на большой скорости грузовик потеряет контакт с другими и с центром связи, он скорее всего опрокинется или врежется во что-то. Поэтому в аппаратах по умолчанию действует режим ограничения суеты. Только личный приказ ИВР позволяет аппаратам ускориться, при этом нужно следить, чтобы аппараты ничего не путали. Ориент уже убе-

дился, что даже незначительный рост интенсивности мешает аппаратам думать в их ограниченных цифровых сферах. Изначально им приказано не спешить. Такой режим казался вначале жутко медленным. Вскоре Ориент узнал, что работу часто прерывают из-за неблагоприятного космического фона. Любой солнечный шторм или поток излучений, рожденных ближними звездами, довольно жестко влияет на системы межаппаратной связи. Аппараты замирают и покорно ожидают конца звездной бури. Излучение невидимым огнем обжигает их металлические и пластиковые бока, забирается под ходовые части. Цивилизация научилась делать материалы, устойчивые к космическим потокам, однако из-за высокой стоимости далеко не все аппараты их имеют. Считается более целесообразным обновлять парк машин, а не делать их долговечным. Сотрудникам-ИВР рекомендуют пережидать волны излучения в специальных укрытиях. Индивидуальные капсулы защищают от радиации средних объемов. Если идет большой поток, следует зайти в дома-бункеры, часто соединенные друг с другом. Самые большие из них похожи на многоэтажные дома, частично погруженные в грунт. Надземные этажи содержат технические отсеки, энергетические установки и склады. Интерактивные покрытия и стены создают эффект живого пространства и совсем нет ощущения, что совсем рядом космос. Существуют три больших комплекса зданий, все они расположены в северном полушарии. Космодром тоже расположен в северном полушарии.

Есть длинная система шахт, которая растянулась на пять тысяч километров до экватора. По ней можно двигаться на малых гравитационных аппаратах почти как в метрополитене. Ориенту советовали этого не делать. Гравитационные мотоциклы сотрудники используют для того, чтоб перемещаться по поверхности спутника. Ориент часто видел такие мотоциклы, но еще не управлял ими. За экватором работают малые поисковые группы. Там гораздо чаще случаются извержения – и зоне стыка литосферных плит, и в области плюмов. Вулканические выбросы очень вредят аппаратам, а поскольку они небыстрые, на юге Р-9 редко ведут открытую добычу, предпочитая шахтный способ. Карта шахт показывает, что там нет «метрополитена», да и вообще сеть гораздо слабее. По косвенным данным, южное полушарие имеет под собой лавовое озеро, или даже океан, отделенный от магматического слоя, именно в него впадают реки магмы, текущие недалеко от литосферной коры. Считается, это уравнивает спутник, но создает большую нестабильность. К самому «озеру» еще ни разу не проникли аппараты, и можно лишь догадываться о его тайнах. В ряде случаев живые кремниевые становятся очень агрессивными на юге. Почему их не уничтожат, никто не мог сказать. Судя по всему, они сначала рождаются в агрессивной среде, затем их выталкивает на поверхность, где они уже ползут, разъедая породу, разрушая аппараты. Эти процессы носят внезапный, стохастический характер, поэтому их трудно изучать. Собственно, никто не

изучает. Исследователей Гардиса больше привлекает жизнь на основе углерода.

Ориент каждый день проверял свой статус в личном цифровом кабинете, смотрел, не прибавили ли ему баллов. Он слышал, что некоторым способным ИВР уже через две недели увеличивали уровень – на 2, 3, а то и на 5 единиц, потому что те ИВР работали в очень ответственной сфере. Путешествие в далекие и опасные места тоже повышают уровень; правда, чтобы удостовериться в этом, надо вернуться на Гардис, поскольку в удалении личные цифровые устройства не имеют данных о росте статуса. Хотя об этом могут прислать информацию иначе. Ориент не видел ничего плохого в здоровых амбициях. Р-8 имеет непрерывный контакт с Гардисом и практически обо всех изменениях личного статуса становится известно в течение 1 часа. Ориент подозревал, что здесь так скоро не получится повысить статус – здесь не чужая планета, не чужая галактика и даже нет боевых действий. Но все равно он просматривал свой профиль, заодно следил, нет ли там каких-нибудь ошибок. На Гардисе бывают цифровые мошенничества. Он работал тщательно. Уровень оставался неизменным и через месяц, и через два. Ориент был лишь слегка разочарован – он настроился на быстрый рост, а получалось иначе, ему предоставляли только рутинную работу. Но и она была интересной, он не занимался ничем таким прежде. Пусть он руководит только неживыми системами – все равно приятно. Через два месяца ландшафт

и его узорчатые тени стали уже совсем привычной картиной, не удивляли, но и не надоедали. Если комплекс переместят в другую зону, будут новые картины – едва ли их вид сильно отличен от того, что здесь. Обширный регион имеет единую геологическую формацию, строение гор, строение пород везде имеет сходный принцип. Гадолиний распределен по всей поверхности коры, но его концентрация очень мала. Спустя месяц работы Ориент обнаружил область локального свечения изотопов – гадолиний словно пробивался из глубины. Ориент живо привлек свою автоматическую разведку, самостоятельно начертил схемы; но вскоре оказалось, что то свечение – своего рода геологическая обманка. Фон, многократно усиленный породой, создает видимость больших залежей и концентраций. В действительности, гадолиния там граммы на тысячи тонн породы. Такова его концентрация в поверхности коры. Действительно значимые залежи располагаются гораздо глубже, а этом секторе они совсем не встречаются. Ориент представил себе геологическую сенсацию – и не сказал никому, решив сперва уточнить. Он мог бы выявить обманку даже с помощью простых аналитических средств, без привлечения роботов. Когда он ее заметил, ему сделалось досадно. С другой стороны, не было повода ругать себя за чрезмерный расход средств – выработку грунта ведь не начинали, и он никому не сказал. Это правило – промолчать до поры до времени – он считал очень полезным в жизни. На цифровой денежный счет средства поступали строго в ука-

занные часы, но на Р-8 эта информация отображалась только через день. Размер оплаты не учитывал вредность, как если бы работа шла на прежнем спутнике, или даже на самом Гардисе. Из открытых источников Ориент достал положения и правила оценки условий труда. По всем критериям выходило, что Р-8 имеет довольно жесткие условия труда и это обязательно должно компенсироваться. Сотрудникам выдают простые тонкие скафандры без брони, при этом разрешается использовать свою экипировку. Скафандр со специальными средствами защита, пригодный для боевых операций в космосе, выдерживающий очень сильные воздействия, стоит дорого, еще дороже обойдется его дизайн с приданием художественных и эстетических форм. Именно такой технологичный и красивый скафандр был на девушке, которая не пожелала общаться с Кэноном. «Кэнон – несерьезный человек!», подумал Ориент и стал прикидывать, мог ли он купить особый скафандр заранее. Столько денег сразу у него никогда не было. Во время работы на первом спутнике он покупал цифровые книги из дальних миров, которые с помощью особого приложения можно делать трехмерными. Они тоже стоят дорого. Еще он приобрел портативный планшет, остальное стоило уже меньше, но в итоге потребовало определенных сумм. Если бы он не покупал совсем ничего, удалось бы накопить на самый простой из дорогих скафандров. Но пришлось бы думать, где его хранить, не держать же его в жилой капсуле. Ориент любил проверять свой цифровой

счет, зная, что средства не появятся там случайно. Вероятно, вредность работы будет учтена позднее. Конечно, учесть ее могли бы уже сейчас, не такие уж там большие выплаты, а вместо этого Ориент получал лишь комментарии от местного руководства. Впрочем, он не обижался и связывал это со своим статусом. Все-таки он еще очень молодой специалист с небольшим уровнем признания. Руководство велит не допускать больших аварий.

Малые недочеты и сбои случаются постоянно, даже с новой аппаратурой. Регулярно случаются провалы и проседания грунта, нарушение коммуникации между аппаратами. Ориент старался немедленно сообщать о них ремонтной службе, где также были одни аппараты и роботы. Их настраивают ИБР в ангарах, а на поверхности роботы действуют самостоятельно. Однажды обвалился кусок скалы – он упал удачно между краном и бульдозерами, раздавив лишь самые простые детали. Однако поднялась пыль, и координация между приборами резко упала. Кран даже пришлось выводить из эксплуатации – его не отправили в ремонт, но перевели в режим очистки: специальные системы двигались по нему, стараясь убрать из тонких узлов микроскопическую пыль и камешки. Ориенту пришло стандартное уведомление о внимательности – одни формальные слова, сгенерированные программой; но в добавление к ним кто-то – очевидно из администрации – написал от себя: «Ваша обязанность как геолога предвидеть, а вы – не предвидели, это не хорошо, ай-

й-й-й». Таков был общий смысл и Ориента это задело. Он увидел, что электронная таблица, куда вносили отчетность по работе, указывали результаты и сбои, сформирована не очень удобно: часть разделов в ней съезжают в бок и неясно, к чему они относятся, не наглядно приводятся данные по верификации. Он решил улучшить таблицу и слегка ее перерисовал, сохраняя общий формат шаблона. Он отправил заполненный материал. Ему тут же пришел ответ: Вы меняете формат, зачем? Есть общепринятый формуляр, его обрабатывает система, другие она обрабатывать не должна, больше просьба обойтись без самоуправства. Для большей наглядности прислали изображение главного руководителя всех служб – немолодого ИВР с очень недовольным лицом. Эта фотография уже известна, ее сделали гораздо раньше, и, скорей всего, начальник не имел такого строго лица, когда подписывал правила, формально нарушенные Ориентом. Ориент написал стандартный ответ: мне все понятно. Внутри себя он очень обиделся, и подумал, что тут не лучше, чем на спутнике. Аппараты ему разом надоели; он забрался в походную капсулу и стал листать в планшете цифровые издания. Внезапно его осенило: проявлять инициативу нужно при наличии прямых установок, т.е. надо дожидаться официальных установок. «Быть инициативным по приказу! Просто смешно. Но в этом есть логика». Он пробежал глазами сведения о здешнем главном руководителе. Даты, регионы; он запоминал главным образом цифры. Фамилия ру-

ководителя Ардьон. Он уже довольно давно занимает пост на Р-8, благодаря чему имеет отпуск три раза в год, каждый длиной не меньше месяца. Ориент вспомнил, что текущий отпуск можно пропустить, а потом сложить со следующим, можно уйти в отпуск на целый год – правда, нужно, чтобы тебя кто-то заменял все это время, пост не может оставаться совсем пустым. Руководителям проще – они могут осуществлять общее руководство дистанционно, или фрагментарно, могут руководить даже из других звездных систем. Ориент не очень представлял, как это получается. Он решил об этом не думать, чтобы не завидовать зря. Говорят, мистер Ардьон находится в главном комплексе Р-8 все время, никогда не выходит за его пределы, к космодрому его везут исключительно на корабле. У него есть заместители, есть начальники секторов – одним словом, организации носит стандартный вид, если не считать того, что на Р-8 нет никаких служб охраны. Всех сотрудников ИВР тщательно проверяют на предмет их устойчивости и неконфликтности. Ориент перед отправкой проходил психологические тесты, которые, надо сказать, имели универсальный вид. По ним не за что не догадаешься, куда тебя отбирают и что хотят проверить. Говорят, что на Гардисе у каждого взрослого ИВР есть свое секретное досье, доступное службам безопасности – разведки и другим структурам. При этом сам ИВР лично его не может посмотреть. Это умно; конечно, очень любопытно узнать, как тебя оценивают. Можно не только делать

выводы, но и повлиять на свою жизнь. Как знать, вдруг в тебе есть черта, которую нужно улучшить или исправить. Заниматься этим нужно самому – Гардис не одобряет никаких форм вмешательства в сознание. Для биоэнергетических существ есть риск заражения особой формой цифровых вирусов, которые гораздо опаснее структур, поражающих компьютеры. На Виатерре умеют устранять ментальные дефекты ИВР без нарушения структуры личности, но Гардис об этом не пишет и не говорит, зато упоминает о сбоях в работе виатеррианских систем искусственного интеллекта. Едва только появляется информация из какого-нибудь сектора, из какой-нибудь планеты, об этом сообщают, стараются разузнать подробности. Гардис не верит в эффективность подлинного ИИ; спустя огромное число веков вычислительные системы Гардиса имеют очень ограниченную автономию. Их интеллект можно сравнить с усовершенствованным мышлением муравьев: проявлять инициативу разрешается лишь в строго установленных пределах, за остальным следует запрет. Это и есть инициатива по приказу. В отношении машин она вполне оправдана.

Под сводами стен и куполов есть зоны отдыха и торговые точки. Товары для широкого потребления стоят заметно дороже, чем на Гардисе. У Ориента и в мыслях не было покупать что-либо развлекательное. Предметы домашнего интерьера, портативные компьютеры, игровые системы пользуются довольно большим спросом у сотрудников. Среди них

нет женщин, однако многие знают толк в моде и свободно рассуждают о преимуществах тех или иных дизайнерских решений, форм, красок, сочетаний. В пищевых отделах все прикладывают свои индивидуальные карты к валидаторам. Только так можно получить любое блюдо. Перед самым отлетом Кэнон довольно критически говорил о тотальном контроле, который противоречит официальным законам. Там написано: право на конфиденциальность. Это означает, что никто не обязан отчитываться до конца, на что он тратит средства. Кэнону явно по душе «безличные» брелки с цифровым счетом, но в присутствии Ориента он их ни разу не доставал, возможно, их у него и не было. Кэнон должен был тестировать наземные аппараты повышенной проходимости в другом полушарии Р-8, в каньонах, расположенных вблизи экватора. В отличие от геологодобычи испытанием руководит частная фирма, ее представители живут в другом комплексе, там, куда ездит Ориент, их почти не встречают. На территории комплекса Ориенту выделили обширную комнату, почти квартиру, облицованную стандартными полимерными плитами. Поверх облицовки можно вешать и приклеивать все, что разрешено, и такие товары пользуются спросом. Ориент ничего не покупал. Из-за большого дефицита воды здесь (кстати, как и на прежнем спутнике) нельзя принимать индивидуальные ванны с водой. Вместо этого полагается гигиеническая обработка полем, т.е. невидимой средой. На прежнем спутнике были бассейны и сады с водой, разу-

меется, они стоят дорого, а также там были фермы, где вода циркулировала в закрытой среде (испарялась от растений и земли, затем конденсировалась). Здесь ничего такого нет. Сотрудники часто сами делают имитации растений, мастерят различные фигуры для квартир. Живые растения встречаются только в отдельных зонах комплекса, это исключительно суккулентные формы. Внутри помещений и залов наблюдается строгий контроль за влагой, воздух неохотно отдает капельки воды кактусам и похожим на них. Ориенту пока не скучно смотреть на камни, к тому же последнее время на поверхности литосферы появляются неожиданные сюрпризы в виде инерционных камней. Эти минералы в течение многих веков формируются в толще коры, а затем выталкиваются под действием стохастических процессов. В ряде зон Р-8 в определенные периоды фиксируют ритмичные колебания верхних слоев, что связывают отчасти с движением магмы. Благодаря активности литосферы движение может быть перекрыто или рассечено на отдельные «ручьи», которые продолжают двигаться в земной коре и проникают внутрь глубоких полостей. На глубине 2-3 километров можно видеть застывшие магматические озера. Проход к таким зонам обычно не превышает нескольких десятков сантиметров. Внутри больших старых шахт магма встречается редко. Постоянное движение подземных слоев выталкивает минералы возрастом миллионы и миллиарды лет, которые имеют научную ценность. Некоторые из таких минералов имеют внутри себя

большой магнитный момент и способны двигаться сами собой на заряженной поверхности. Некоторые породы под воздействием солнечных лучей формируют слабый статический заряд. Отдельные минералы движутся в нем.

Ориенту показалось, камень шевельнулся. Он стал искать лопату или другой подобный предмет. Камень сдвинулся значительно. Ориент схватил плотный полимерный лист, подбежал к объекту и захватил его вместе с сухим грунтом. Камень продолжил двигаться дальше. У него оказались конечности – крохотные выросты по бокам. Внезапно они удлинились. Ориент бросил лист и отскочил. Камень пополз дальше, но наткнулся на твердый уступ. Он стал обходить его как жук – не как робот. Части тела были неразличимы. Камень стал быстро куда-то закапываться. Ориент срочно вызвал мини-экскаватор и велел ему ковшом захватить весь тот участок земли. Грунт посыпался в специальный сетчатый короб, предназначенный для просеивания. Постепенно весь песок высыпался, но камня не оказалось на дне. Не успев испытать досаду, Ориент увидел похожий камень сбоку – как и первый он имел уплощенную форму, передняя часть слегка сужалась, задняя была более округлой. Камень весь покрыт грунтом и тоже хочет пропасть. Ориент схватил его перчаткой и бросил прямо о панель большого аппарата. Камень вдруг зашевелился как совсем живой. В нем не видно конечностей (возможно, они прижаты или спрятаны). Ориент опять схватил камень и бросил его уже внутрь высокого

кузова. В разреженной атмосфере нельзя было понять, движется ли предмет. Ориент побежал к одной из капсулам.

- Так, чем трогать, чем. Я не ... специалист по формам жизни, которые...

Неожиданно он взял большой молоток. По приказу кузов резко опрокинулся. Камень выпал и стал ползти подобно червю – он не втягивался и не сжимался, но тем не менее был похож на короткого шершавого червя. Ориент стукнул его не очень сильно. Предмет застыл. Ориент, еще не зная зачем, ударил его с размаху. Часть предмета отвалилась, изнутри потекла масса.

- Местная биота! Фу, какая гадость. Внутри кремний явно смешан с токсичным... Да, да, это кремниевый.

Камень больше не двигался. Ориент хотел велеть аппаратов убрать его куда-нибудь подальше, но затем решил, что они не справятся. Морщась, он поддел камень на лопату, донес до ближайшей ненужной ямы и бросил предмет туда. На лопате остались явные среды кремниевой жизни. Ориент поставил ее под жестокое ультрафиолетовое излучение, чтобы ничего больше не выросло. Ему было жаль, что это не древний минерал. Но эта вещь не похожа и на описанные кремниевые формы.

Ориент никому не рассказывал о странном объекте. Время от времени они встречаются на Р-8. Но в последнее время они стали более активными. Вернувшись в комплекс, Ориент услышал разговор: на западе роботам удалось откопать

сразу дюжину таких камней, они быстро разбежались, в них стреляли из бластеров и разбили почти все. «А у меня нет бластера! Попросить? Вот еще! Но с бластером лучше». При этом сотрудники отмечают динамизм этих форм. Они как будто хотели удрать сами. В том же районе наблюдали червеобразные формы. Они двигались как змеи по поверхности в течение 5-10 секунд, затем пропали. Отдельные формы проникли в стыки подвижных элементов, где были раздавлены. Внутренняя среда у них химически довольно агрессивная. Один – не то червь, не то клоп – пытался заползти в навигационную систему микростанции, которая обычно висит над землей. Станция – это маленький робот, способный летать, насыщенная микросхемами. Клоп стал грызть именно там, где микросхемы, а не просто подвижные элементы. Неужели он почувствовал химический состав? Вероятно, стоило его поймать. Но его бросили под гусеницы трактора. Роботам все равно, даже если их разрушают. Системам запрещены страдания, им не дано стать настоящими ИИ, поскольку это – слишком много... Ориент уже проследовал дальше и не слышал конца фразы. Не вызывает сомнений, что кремниевая биота усложнилась. Интересно, в этом есть предмет научных исследований? Все работники настроены подчеркнуто прагматично, и к тому же, среди них нет биологов. Эти «камни» лучше не трогать руками, можно получить ожог – даже через скафандр.

Надвигается «звездный дождь». Его источник — плач и капризы близко расположенных звезд, его капли — волны с ультрачастыми колебаниями. Космические суда на большой скорости рассекают эти потоки и никто внутри не успевает их заметить. Живые планеты защищает атмосфера. Бурлящий и дерзкий мир, во всех смыслах полный едкой кислоты, тоже создает вокруг себя плотную среду. Ультрачастые колебания частично задерживаются тонким скафандром, частично ослабляются. Скафандр-комбинезон не создает полной уверенности. В связи с этим постоянно ведется мониторинг космического фона. Излучение идет от разных источников, в том числе от ближайшей огромной планеты и от Гардиса; опасный уровень излучения невозможно предугадать заранее. Потоки звездной радиации могут ослабеть или рассеяться, или напротив, аккумулироваться вместе, в процессе невидимых столкновений. Секреты пространства неисчерпаемы. Гардис настоятельно рекомендует прекращать работу в слабой атмосфере, если надвигается жесткий поток. На время его действия ИВР собираются в помещениях с надежной защитой от космических лучей. Все большие комплексы Р-8 имеют такую защиту. От радиации можно укрыться в скальном грунте, в шахтах, но к этому прибегают лишь в крайних случаях.

По оценкам «звездный дождь» начнется через 20 часов. Но уже сейчас всем сотрудникам предписано срочно вернуться на базу. Работы останавливаются. Ориент прошел

несколько километров до зоны, где его должен был взять бортовой корабль – аналог вертолета. Горная гряда уходила на юго-восток. Запад был закрыт изгородью мелких скальных формирований, за которыми земля резко уходила вниз, образуя каньоны и амфитеатры. Слабый местный ветер не мог вырезать в них сидения или узоры, но они формировались как-то сами по себе. Ориент шагал в сторону равнины со сравнительно небольшим перепадом высот. Вскоре он увидел горизонт. Вплотную к земле лежала желтая полоса – атмосфера, полная кремния; чуть повыше тянулась узкая светлая полоска – на этой широте она кажется белой, ближе к полюсу становится серебристой. Две ленты сливались вместе, затем расходились снова. Полоса настоящей атмосферы была очень небольшой. Девяносто пять процентов пространства занимала черная космическая масса. Ориент подумал, что для такой среды это еще очень сильная атмосфера – ведь здесь нет ни растений, ни океана, ни других газовых источников. Корабль его подобрал. На борту Ориент молчал и старался придумать что-нибудь, способное стать одновременно инновацией и технической разработкой, оставаясь в пределах начальственных предписаний. Руководитель Ардьон довольно сдержан в командах – лично от него не приходит почти никаких текстов. Основной объем приказов раздают руководители отраслевых секторов, а также менеджеры, если вопросы исполнения конкретных коммерческих заказов. На Р-8 работают всего 30 менеджеров, из них две трети отно-

сются к частным фирмам – в частности, они дают указания по испытанию внедорожников, где занят Кэнон. Геологоразведка целиком находится под управлением государства. По мнению опытных ИВР, это обеспечивает надежность доходов, но с другой стороны, очень много заработать нельзя – не удастся, в частности, рассчитывать на внезапные дополнительные работы и связанные с ними премии. В прочем, везде важен фактор удачи. К концу полета Ориент стал испытывать тягостное чувство в голове. Он молча сдал цифровой отчет и отправился отдыхать. С каждой минутой голова болела все сильнее. Действительно, буря влияет, подумал он. Но звездный дождь еще не пришел, здесь были только его далеки отголоски, слабая часть его авангарда. Связь объявила, что работы не будет, по меньшей мере, три дня.

- Очень хорошо. – Ориент лег в своей комнате и решил долго спать. Он ворочался, изгибал спину, но никак не мог заснуть. Он съел дозу обезболивающих средств. В голове пошумело, пошатало – а затем принялось колотить снова. Он махнул рукой и съел еще две дозы. Он знал, что избыток лекарств вредит, но его хотелось поскорей добиться эффекта. Полистав цифровые книги, он лег спать снова.

Когда Ориент проснулся, в комплексе было уже очень много народа. Буквально день назад часть жилых построек, расположенных в западном полушарии Р-8, законсервировали из-за проседаний грунта по периметру и возросшей тектонической активности. Сотрудникам предложили пере-

браться в другое полушарие или даже оставить Р-8, если у них заканчивался срок работы. Ориент прошел пять секций, спустился на первый этаж. Недалеко от входа стояла большая группа с рюкзаками. Информационные экраны наперебой сообщали о буре и о землетрясениях. Не исключено, что смещение больших пластов земли связано с активной выработкой грунта и формированием многоэтажных шахт. Ориент вернулся в свою комнату и провел там еще часов шесть, ничего особенно не делая. Когда он снова вышел, народа было по-прежнему много. «Да, наверное, все сюда приехали».

Ему не хотелось быть там, где собираются толпы. Больших спортивных залов было всего два, поэтому прибывшие сотрудники занимались спортом везде, где были большие открытые площадки, а также в других местах, включая коридоры. Ориент постоянно кого-то видел; он шел в другие корпуса, поднимался по этажам. Он дошел почти до самого края корпуса – дальше были технические зоны. На первом этаже стоят внедорожники с огромными колесами. Ориент немного посмотрел на них сверху, затем подумал – и спустился ближе. Бок о бок с автомобилями стояли большие гравитационные мотоциклы. В другой стороне зала стоят настоящие туристические палатки – маленькие полусферы, пирамиды и конусы. Фирма-испытатель автомобилей как-то странно согласовала вопрос о перемещении своих работников: на время звездной бури всех пустили в комплекс, но никаких жилых пространств не предоставили. В каждом комплексе есть

нормы по распределению ИВР, которые включают любые аспекты: индивидуальная жилая площадь, общая техническая площадь, потребность в базовых ресурсах и т.д. Испытатели отдыхали в палатках. Ориенту показалось, они хотят приготовить что-то съедобное, прямо в зале. Он решил уйти. Но тут его позвали.

Ориент повернул голову – он не видел ни экранов, ни знакомых лиц. Он решил подождать немного. Из-под технологической материи вылез парень с желто-рыжей головой. Материя мешала ему. Он сказал что-то назад, потом опять крикнул. Это был Кэнон. Ориент обрадовался, увидев его – он так и не завел на Р-8 никаких знакомств. Кэнон был в мятой куртке, все остальное у него было того же цвета, как и на космодроме. Он замахал рукой, как бы подзывая; из палаток донеслись солидные голоса. Кэнон сделал шаг вбок и быстро вытянул из-под материи свой нехитрый багаж. Уходя, он бросил что-то палаткам.

- Пускай они сами. Раз такие опытные. Привет. Нас тут не хотят поселить нормально, говорят, коммерческая фирма не дала информации. Кто больной, кто вредный. Кошмар. Тут же эти службы? Ну, которые проверяют мед и меды? Здесь не лечат?

Кэнон имел в виду медицинскую службу, которая также осуществляет санитарно-гигиенический надзор. Он стал говорить быстро и сразу рассказал, что на южном полюсе есть космическая площадка, но она сейчас не работает, и поэтому

никто там не работает, там иногда сильно трясет – но трясет и на экваторе, колеса проваливаются, перспективы неясны, платят мало. Он спросил, сколько платят геологам. Ориент сказал, что зарплата здесь средняя: больше, чем бывает, но меньше, чем хотелось бы. Кэнон не уловил иронии и стал сравнивать доходы в разных местах.

- Всюду можно и без связей. Здесь ужасно душно, трудно жить. У тебя тоже душно? Уже, признаться, надоело. Сколько продлится твоя возня?

Ориент не понял слова.

- Сколько тебе здесь еще находиться?

- В контракте указано два года. Только я не уточнял, те два года включают непрерывное пребывание или можно уезжать. А куда, собственно, уезжать? На Гардис. Но если нет средств...

- Два года! Плоски-моски, старые куски. Это очень долго. Это что, стандартный срок? А у меня... кажется, у меня меньше, я не смотрю эти дурацкие бюрократические тексты. Но тоже... Я думал, можно уезжать, если будет что-то не так. Оказывается, землетрясения их устраивают. А здесь боятся землетрясений.

- Напротив, есть мнение, что это откроет тайны местной земли. В смысле, литосферы!

- Геологи! – сказал Кэнон и в его голосе прозвучала насмешка. – У вас там есть рекреация с диваном? Лучше там спать, чем просить комнаты. У вас какие комнаты, как у этих

– или как у бюрократов? Да нет, молодым хорошим ИВР как у бюрократов не дадут.

Кэнон говорил совершенно свободно. Временами казалось, что ему не нужен собеседник, нужно только чье-то присутствие, на которое направлена речь. Ориент очень многое не знал о комплексе; там, где он знал, он кратко рассказывал. Кэнон смотрел и обо всем делал едкие комментарии. В секторе жилых квартир ему не понравилось. По его словам, там слишком душно. Но в квартире Ориента ему показалось еще хуже. Он сказал, что будет спать на удаленных диванах. Существует норматив, по которому на общественных диванах можно отдыхать лежа (спать) в течение 2 часов. Кэнон утверждал, что этот срок можно растянуть до пяти-шести, или даже больше, а потом перейти на другой диван – куда-нибудь подальше. По оценкам системы звездный поток будет опасным в течение нескольких дней по времени Гардиса. Этот срок Кэнон хотел провести подальше от любых обязанностей. Однако в тот же день информационные экраны засветились извещениями:

«В связи с космическими условиями – в рамках культурной работой – состоится общественная лекция. Взрослым рекомендовано прослушивать онлайн. Молодым ИВР (указан возраст) рекомендовано присутствовать лично, зал номер (указан сектор и зал). Просьба прибывать заранее. Интерактивная беседа (это означает, лектора не будет в зале, но он будет видеть зал и отвечать на все вопросы).

- Можно не ходить? – спросил Кэнон.

- Я думаю, не стоит. Не стоит не ходить, поскольку такого рода мероприятия заносят в отчетность и в личные документы тоже. Расценят как нарушение дисциплины. Потом могут быть неприятности.

- Что, посадят в фиксирующее поле? Это вообще должно быть добровольно! Я же знаю, на Гардисе, во всех местах такое добровольно. Почти во всех. Только там, где особый режим, там надо... а здесь, что особый режим? Можно подумать, здесь спецслужбы. Да я бы никогда не стал с ними связываться!

Кэнон приводил разные доводы, но Ориент решил пойти. Он нисколько не хотел нарушать дисциплину, тем более, что лекцию проводит один из заместителей мистера Ардьона. Пренебрегать указаниями руководства странно. Кэнон еще поговорил, как будто свернул в сторону, но очень скоро опять пошел за Ориентом. Зал, выделенный для лекции, довольно мал. Его сидения узки и не имеют между собой просветов. Они как будто слиты вместе в каждом ряду. Молодые ИВР стали приходить в большом количестве. Все рассаживались, стараясь не толкаться, но то и дело кого-то задевали. Парни с очень широкими плечами садились в пол-оборота, сгибали ноги, и так было неудобно. Садиться стоило через одного, однако система всех призывала занимать все стулья. Нескольким парням места не хватило, им пришлось стоять в течение всей лекции. Как оказалось им повезло – стоя от-

дельно, они легко могли менять позы. На экране появился заместитель Ардьона.

- Сели! Так давайте начинать! Здравствуйте! Я надеюсь, никто не боится лекции? Вы уже испытали многое, коллеги! Взрослые коллеги, я прошу простить, если будут изменения в громкости сигнала. Регулируйте на своих девайсах. Молодых коллег прошу быть внимательными. Кто был в системе Нейот-Эставли (очень далекая система)

Никто в зале не ответил.

- Зачем там быть? Там надо работать. Просто быть неинтересна. Такова диалектика жизнь. После-жизнь мы не рассматриваем, это очень спорная среда. Не материя, а материал! Вы поняли? Там все увидите сами. Умереть легко. В рамках нашей цивилизации мы достигли такой формы взаимодействия со средой – с материей – и с бесконечностью – что нормальным ИВР стыдно говорить о смерти. ИВР не умирает, он преображается. Непонятный термин? Преображаться означает преобразить свою суть, изменить в соответствии с новым состоянием без потери индивидуальности. Без полной потери, я хочу сказать. Термин неудачный! На Виатерре любят это слово, это их дело. К нам оно пришло и удержалось. В научной сфере есть эквиваленты, но они не релевантны для широкой аудитории. Маловыразительны, неточны. Я сегодня сделаю вводную лекцию об общих диалектических вопросах. Завтра будет уже нормальная лекция на час. У всех должен быть академический опыт. Так что это не

страшно. Кто знает строение ядра планеты Юомден (сравнительно близкая планета)?

Ориент хотел поднять руку, но постеснялся. К тому же экран сказал, что знать это не обязательно, поскольку это – формальные данные, и все меняется. Ориент не понял, для чего тогда лектор спрашивал. На экране рядом с лицом возникли сложные узоры из множества слов и стрелочек. Это были не математические или физические слова, не химические формулы. Все написано на обычном языке и отражает философскую концепцию. Ориент начал вчитываться. Все быстро исчезло. Лектор пояснил:

- Видите? Эти смыслы легко убрать! Вообще легко! Все надо понимать диалектически. –

«Я уже начал путаться» – подумал Ориент, – «а ведь только самое начало!». Он решил смотреть только на экран, чтобы не подумали, будто он не слушает. По всей видимости, остальные думали также и никто даже не кашлял.

Лектор говорил веселым тоном. Прежде Ориент о нем лишь немного слышал, хотя он является одним из самых важных деятелей Р-8. Его имя и фамилия – Гис Чизльвитнар. Взрослые сотрудники между собой никогда не называют его полным именем, вместо этого они говорят «мистер Ги» и «наш веселый администратор». Чизльвитнар получил смешанное гуманитарное и экономическое образование, побывал на разных планетах и как официальный представитель Гардиса, и как частное лицо. В его обязанности вхо-

дит координация культурно-общественной работы и еще какие-то важные операции; в его ведении находится организация общественного пространства и демонстрация обучающих фильмов. На первой лекции он перечислил ряд философских концепций, основанных на диалектике. В последующие дни он говорил уже более детально, приводя много своих рассуждений, как лично он понимает то или другое положение. Стиль его беседы довольно странный – он словно подшучивает над тем, что говорит, подвергает все сомнению, но вместе с тем подчеркивает свою обстоятельность. Ориент видел подобных лекторов в вузе – некоторые из них давно имели репутацию чудаков, поэтому их почти и не слушали. В данном случае лицо на экране обладает административным ресурсом. В каждой лекции мистер Ги неизменно затрагивал тему смерти.

- Убьют? Конечно, есть разница, когда убьют хорошего или плохого. Все куда-то попадут – или в Обитель, или в дыры, в бесконечную пустоту, в ничто. Ой. С точки зрения конца все равно – в математическом смысле конец всегда конец. И с точки зрения *конца* все равны пред ним, все равно. Но если все равно. Высокая обитель и ноль? Бесконечность равна нулю?! Ха-ха-ха! Это потрясающе, это не так, я знаю, но все же есть какой-то смысл! Все равно и не равно!

Все слушали, удивлялись, или тут же забывали, что он говорил. Мистер Ги имел склонность к афористическим высказываниям, которые в его исполнении имели парадоксаль-

ный смысл.

- Свобода – лучшая из несвобод! Потому что все ограничено – законами, возможностями, физическим пределом. И чистая свобода, даже если бы она была во всем, столкнется с ограничением. Значит это несвобода. Любое действие на свете является несвободой.

Демагогия подумал Ориент. Это псих, подумал Кэнон; после лекции полагалось 10-20 минут дискуссии. Несмотря на склонность к разговорам, первые две лекции Кэнон сидел тихо. После третьей мистер Ги сообщил:

- Малое не может быть малым у большого. Любой атом великолепного ИВР несоизмеримо выше и сильнее тупого пика!

- А если острый пик? – спросил Кэнон. Он хотел дать разъяснение, но неожиданно растерял слова.– Острая... гора! Он острый! Как тогда?

- Тем более. Любой тупой – тупой, даже если он острый! Неужели не понятно? Даже если не дружите с философией, и не надо, но стоит мыслить развернуто.

- Это явно ненормальный! – шептал потом Кэнон, предусмотрительно оглядываясь. – Говорю тебе прямо. Наверняка попал под поле. Под жесткое поле, когда тускнеет цифровая сущность мозгов. Я таких уже видел, честное слово.

Ориент считал лекции очень странными, однако заметил, что действительно ненормального ИВР не допустили бы к работе, тем более – на таком посту. Кэнон тихо свистнул и

сообщил, что по знакомству делается все, или почти все; он стал говорить о своих знакомых, у которых был аналогичный случай с руководством. Это произошло десять лет назад, говорил Кэнон и добавлял, что он не имеет к этому никакого отношения и это очень хорошо, поскольку для знакомых это вышло боком. К счастью, те, от кого он это слышал, не были связаны с тем лицом. Но как же они об этом узнали? Об этом вообще все знают, заявил Кэнон. Похоже, он сам запутался в словах. Когда в залах по расписанию наступала «ночь», гасли лампы, освещение становилось гораздо слабее, Кэнон шел к дальним диванам и лежал там, закинув ноги на подлокотник. Если рядом не было роботов, он засыпал. Камеры наблюдения есть везде, но реакция на происходящее не всегда стремительная. Кэнон умел проснуться до того, как к нему подъедет хозяйственный робот и вежливым тоном попросит уйти. От робота идет потом отчет системе, она все записывает и может передать это начальникам. Если же ИВР ушел сам, передавать формально не о чем. Кэнон не хотел арендовать комнаты и не хотел жить рядом с кем-либо. Он полагала, через два-три месяца удастся уехать с Р-8, если работа не понравится. Текущие занятия он считал очень скучными. С другой стороны, он не накопил нужного количества средств, да и уехать, как оказалось, гораздо сложнее. Кэнон ожидал больших землетрясений. Если фирма не сможет работать нормально, она выведет всех сотрудников с Р-8, но по действующим правилам обязана будет держать их в шта-

те еще некоторое время. Дальше должно стать легче, думал Кэнон.

Ориент с нетерпением ожидал дня, когда уровень его индивидуального мастерства возрастет – когда в официальных документах его уровень составит хотя бы ста двух. Он уже вполне освоил тонкое управление добывающими системами, научился побеждать их строптивость, обусловленную мелкими противоречиями в программах. Теперь он мог свободно командовать всеми добывающими системами. Пока это не отражается в статусе. Нужно ли что-то предпринять, что-нибудь открыть? Кэнон предложил одну идею, но она явно авантюрная, в ней даже может быть скрыта провокация. Ориент решил пока об этом не думать.

10

Звездный дождь завершился. В южном полушарии на значительных площадях фиксируют землетрясения небольшой амплитуды. Из просевшего грунта наблюдается движение живых кремниевых форм. Они быстро распадаются. Системы замечают внутри них неоднородность, структуры, похожие на то, что видел Ориент – мелкие подвижные «камешки», «каменные клопы». Они прогрызают массу и уползают под грунт, иногда они движутся в сторону аппаратуры. Рекомендуется избегать таких объектов. Их природа непонятна.

Ориента не сразу отправили на смену. Кэнон исчез, а он ожидал еще около сорока часов. По местной связи сообщали о землетрясениях на юге и советовали следить за кремние-

вой биотой. Через два дня после возобновления смены Ориент решил обследовать прилегающие к сектору участки. Там было много канав и вытянутых полостей с U-образным профилем. Эти углубления в значительной степени осыпались, но кое-где можно было видеть почти целые участки. Ориент прежде видел такие образования на фото, сделанных в различных планетах. Считается, что их происхождение имеет либо гидрологическую, либо рукотворную основу. На поверхности Р-8 нет водоемов; вероятно, они были в далеком прошлом, затем вода ушла глубоко под грунт и аккумулировалась скалами, достигла магмы, испарилась; однако те формирования совсем не старые по геологическим меркам. Это видно даже безо всякой аппаратуры. Вряд ли кто-то запускал здесь ручей – да, это невозможно, это просто глупо. И кто бы допустил такие занятия? Ведь Гардис совсем рядом. Вместе с тем, рукотворную версию тоже сложно объяснить. Никакие аппараты не формируют таких глубоких борозд. Ориент при помощи специальной длинной палочки постукивал по краям русло, протыкал дно. Здесь кругом обычная среда. Он поворошил насыпь на дне. Конец палки уперся во что-то. Стержень состоит из соединенных сегментов, которые отбрасывают при нажатии клавиши. Это очень удобно для исследователей. Ориент потянул – на конце повис объект: покрытый пылью и песком, вытянутый, как червь, но с расширением спереди. Он как будто стал грызть палку. Ориент отцепил ее нижний сегмент. Объект упал в песок и секунды две-три

Ориент видел его движения. Червь очень бойко ушел из поля зрения. Вероятно, стоило его поймать: это могла быть неизвестная форма. Ориент решил не трогать, тем более его не уполномочили собирать такой материал, и он не биолог. Он быстро пошел назад, потому что модуля или мотоцикла ему не дали. В двух местах он заметил слабые колебания, подобные тем, что проделал червь, но самих объектов не видно.

В дневные часы жарко. Повышенной радиации нет. Пришло сообщение о ловушке, очевидно, оставленной бандитами: из карьеров, где добывают редкий сорт песка, вылезают объекты, по форме напоминающие хвощ. Длинный стержень сегментирован, на стыках каждого сегмента расположены кольца шипов. В задней части кольца шире и шипы длинней, чем спереди. На конце расположено нечто вроде механических челюстей. Они хватают мелких роботов у поверхности земли. Объекты довольно устойчивы к ударам: простая лопата или лом их почти не повреждают. На скальном грунте их легко раздавить. Однако объекты быстро движутся как змеи. Их заметили на трех приисках, в стороне от Ориента. Советуют быть внимательными.

«О бандитах ничего не говорили. Даже странно, что здесь могут быть бандиты. Я слышал, на периметре нашей звездной системы постоянно дежурят. Там летят платформы с кибер-бойцами, установки. На самом деле, все это засекречено, об этом доступна самая общая информация»

Следующий день. Зафиксированы новые виды объектов

– «черви» с расширением на конце в виде тюльпана. Головной сегмент раскрывается как челюсти и хватает кремниевую массу, хватает грунт. К роботам эти образования инертны. Вокруг них наблюдается слабый фон, не содержащий прямых сигналов. Головной сегмент непрочно связан с телом. Его можно отсечь клинком или кинжалом. «К сожалению, у меня нет лезвий. Это область, из которой сообщают – она уже ближе, чем те. Эти формы движутся. Никаких конкретных рекомендаций».

На следующий день автоматический ковш вытащил кучу клопов. Они разом побежали, когда грунт высыпался. Аппараты их не видели или не придали внимания. Тот, который не разбирал 6 и 8 – который «почти сошел с ума», дал сигнал, но с таким бессмысленным текстом, что Ориент не среагировал. Он находился в другой части сектора. Он возвращался и ногой едва не наступил на клопа. Ориента обожгло – он отскочил, присел и стал разглядывать все вокруг. Клопы-камни иногда плохо различимы при свете. На полусогнутых ногах Ориент пошел к капсуле. Тут он увидел, как на ходовую часть грузовика залезают червеобразные формы. Цепляясь тюльпановидными челюстями, они держались крепко, подтягивались и лезли куда-то под шасси. Одна форма упала, грузовик по ней проехал, но она уползла. Черви пытались пробраться под обшивку, где есть провода и микросхемы. Надо было что-то делать. Ориент велел грузовику встать, затем срочно ехать туда, где много песка и ковшей. Он ре-

шил засыпать эти объекты песком. На грузовик высыпалось несколько тонн, он мигал, сообщая о неполадках. Формы вроде бы отвалились. Ориент опять увидел клопа. Он с размаху ударил его подвернувшимся камнем. Клоп треснул – и к нему тотчас побежали другие. Один из аппаратов имел на себе огнемёт для тепловой обработки грунта (иногда это требуется). Ориент никогда сам не держал в руках огнемёта, он только видел, как стреляют огнемётные пушки в документальных фильмах и боевиках. Он стал объяснять аппарату, как нужно целиться. Аппарат соглашался, но он плохо различал мелкие формы, которые стреляли с грунтом. Ориент велел ему стрелять, когда он сам, лично, даст приказ – или когда возникнут действительно крупные, опасные объекты. Он удивился этой мысли. До темноты он ходил и высматривал подвижные камни. Спать не хотелось совсем. Ориент ожидал новых сведений от коллег, из центра, но было тихо. Ориент перевел все аппараты в режим повышенной внимательности. Закрывшись в капсуле, он лег и ждал чего-то.

Наверное, он все-таки заснул. Когда он вскочил, на часах было уже другое время. Аппараты молчали. Ориент вышел в темноту и направился в сторону широкой равнины. Между скал желтели четыре больших звезды, окруженные белой россыпью. На западе неподвижно висело темно-малиновое облако – большая туманность, до которой лететь несколько суток. Виатеррианские корабли движутся гораздо быстрее. Гардис покупает трансгалактические корабли у цивилизации

с простой биологической основой, т.е. ее представители не способны генерировать индивидуальные цифровые поля. В ночные часы равнина разделена на две почти равные части – синюю и лилово-серую. Последняя содержит чуть больше гадолиния. Концентрация слишком мала для промышленной добычи, но в ней... как будто есть цифровой фон. Планшет и передатчик работают с маленькими помехами. Сообщений нет, но отдельные индикаторы дрожат, как будто что-то принимают. Ориенту показалось, по лилово-серой поверхности ползут тени. Он направил на них окно встроенной камеры. На экране – совсем ничего; однако он сам видел эти тени. Они продвинулись куда-то на восток и там исчезли. Ориент решил возвращаться. Незаметно для самого себя он прошел больше двадцати километров. Он даже удивился: он шел и смотрел по сторонам, и пространство все время казалось небольшим. Но те скалы, за которым стоит его бригада, уже довольно далеко. Ориент пошел размеренным шагом и время от времени оборачивался. Тени его не преследовали. Отчего же внутри такое чувство, будто сейчас начнется... Переутомление? Работали не так долго. Ему хотелось торопиться.

На ковшах как будто трещины. Их оставили каменные «черви»? Но ведь они напали только на грузовик. Аппарат-экскаватор вытащил другие формы, те не были агрессивными. Композитный материал выдерживает большие физические нагрузки, он не подвержен ржавчине. Вероятно, «черви» выпустили кислоту или что-нибудь с высокой реак-

тивностью. Стоит разобраться при нормальном освещении.

Когда начало рассветать, экран показал стандартные сообщения о важности сохранять бдительность. Ориенту даже захотелось ответить в ироничном стиле. Внезапно аппараты разом сообщили о попытке «внедриться». Этот сигнал означает, что пытаются вскрыть их управляющие панели, пытаются их расчлениить, когда они в рабочем состоянии. В первые мгновения Ориент не поверил. Его охватило раздражение. «Все работает с помехами, не могут даже простую связь наладить!» – он замер, а потом решил посмотреть лично. То, что он увидел, его поразило: со всех стороны на аппараты, большие и малые, ползли каменные клопы. Они висели на бортах, на механических руках и антеннах. Они пытались залезть под облицовку. Ориент дал команду двигаться побыстрее. Аппараты начали сбиваться в кучу. Клопам это лишь помогало. Один уже проник между ходовой частью и обшивкой к проводам. Аппарат стал нервно двигаться. Он врезался в башню высокой машины. Надо было что-то делать. Жечь клопов нельзя, испортится аппаратура. Где машина с огнеметом? Ориент побежал к капсуле, схватил длинную лопату и принялся что есть мочи бить там, где сидели клопы. Он попадал в панели, в гусеницы, в броню, в более тонкие и дорогие элементы машин. Иногда он попадал в клопов. Те двигались довольно медленно. Тем не менее попасть в них было сложно – подобно хамелеонам, клопы сливались с цветом поверхности, на которой сидели. Только сейчас Ориент

увидел, что клопы в сущности бесцветные. Он подумал, лопата недостаточно тяжелая. Он ее бросил и взял геологический молоток с длинной рукоятью. Он бил молотком там, где едва замечал шевеление. Клопов удалось стряхнуть. Некоторые сами отвалились, рухнули на землю, сливаясь с ней. Ориент бил и по земле. Всюду, где он попадал, оставались темные пятна. Одно из пятен обожгло провода машины. Аппарат об этом скучно сообщил. Подождете, сказал Ориент, сперва поймем, что это такое. Вероятно, стоит перемещаться. Он велел малым роботам убрать грунт с остатками клопов в какое-нибудь безопасное место. Он ощутил большую усталость. Он присел у скал, но сразу же вскочил – ему почудилось, со скал что-то движется, течет. Роботы сообщали о мелких неполадках. Ориент велел местной системе архивировать сообщения, не упуская малейших подробностей. Пожалуй, стоило сфотографировать пятна. Клопы в кадре не выявляются. Но пятна хорошо видны. Он также взял пробу для химического анализа. Он плотно запечатал капсулу с пробой и отправился к капсуле. Не успел он дойти – как аппараты издалека сообщили: земля дрожит. Еще через пять секунд они сообщили: атака! Ориент велел им оставаться на месте.

- Эти дальше всего. Если агрессивная биота хочет нападать... не пускать ее сюда. Это надо... как-то сделать.

Ориент никогда не изучал военное дело. Он представлял, как устроены форты, бастионы, как строят динамичную обо-

рону с использованием невидимых полей. Но как это организовать здесь? – он просил прислать изображения от удаленной группы, но получал лишь помехи. Он послал туда маленького летающего наблюдателя. Робот поднялся ввысь – и увидел, что на дальнюю команду напали не то змеи, не то ящерицы. Их движения не похожи на механические, однако очертания как у роботов. Никаких чужих сигналов не прослеживается. Впрочем, робот имел ограничения в оценке сигналов. Ориент велел ему возвращаться. Тем аппаратам он приказал двигаться. Может быть, при движении они раздавят врагов? Откуда те взялись? Прилетело сообщение:

«Внимание! На западных приисках идут атаки. Возможно действие преступных сил. Сохраняйте спокойствие»

- Кажется, вас уже опередили. Тут совсем не западный сектор. Тут... неизвестно что! Я не знаю, что тут стоит... предпринять? Эвакуироваться без приказа нельзя. Борт должен быть послезавтра... ах, как неудобно получилось. Выпала долгая смена – еще из-за того, что пережидали бурю? А если они съедят капсулы. Святая обитель!

Ориент велел основным группам собраться вместе и построить нечто вроде периметра обороны. Стрелять было практически нечем. Единственная машина с огнеметом имела определенный угол атаки. Ориент велел ей стрелять по чужим объектам, если они нападут на группу. А как машина поймет. Кого-то надо отправить... верней, пожертвовать чем-то. Ту машину, что путала шесть и восемь, и один ста-

рый ковш Ориент отправил вперед – в пространство, которое хорошо просматривалось их лагеря. Огнемет смотрел туда. Связь с дальней группой прервалась. Ориент опять послал туда летающий модуль. Тот увидел, что машины стоят как будто целые, даже пластик не обгорел. Нет, все же видны разрывы трещины. Машины не отвечают. Они не сгорели. Ориент сделал фотографии и тут же сохранил на планшете. В тот день существа больше не атаковали.

«Ушли?»

Нет.

Они дожидались ночи.

По невидимому приказу змеи, покрытые шипами, поползли в сторону основной группы. Они появлялись на мониторах и тут же исчезали, словно растворялись. Цифровая аппаратура не могла наблюдать их визуально. Ящер где-то мелькнул, а потом полез на гребень. Всю атаку проводили «змеи». Они атаковали основную группу совсем не там, где двигался сумасшедший аппарат. Он бодро накручивал круги, дрожал боками и сталкивался иногда с ковшом, со старым роботом-копателям. Змеи ползли, сгибались и прыгали. Внутри них были какие-то пружины. Огнемет стрелял вслепую. Змеи повисали на бортах, дотягивались до электроаппаратуры и портили ее. Появилась сороконожка – тот объект имел парные шипы, которые гнулись и создавали ощущения множества ног. Ориент принял ее за главную особь. До этого он смотрел на расстоянии, пытался что-то разобрать

в экранах. Антенна бесстрастно сияла над всем действием, к ней змеи не подбирались. Зато они хотели испортить аппараты. Сороконожка выросла как столб и замерла. Ориент подскочил и стукнул ее геологическим молотком, той стороной, где была острая насадка. Сороконожка стала кидаться на него. Нижняя часть ее совсем не двигалась. Сороконожка как будто приросла к земле. Однако ее верхняя часть была опасной. Несколько раз на скафандр попали брызги кислоты. Скафандр их выдерживал. Шипы оцарапали на скафандре левую руку. Ориент бил ее – сороконожка не уходила. Он решил ее раздавить большим роботом. Гусеницы не слушались. Ориент выбрал другие гусеницы. Сороконожку разорвало. Но тут появилась змея – длиной метров пять. Она явно хотела схватить Ориента. Ориент велел всем двигаться на нее – а сам бросился к капсуле. Он успел наглухо закрыть дверь и отключил внутренний свет. В капсуле есть полупрозрачные окна. Змея перескочила через аппараты и стала бить по капсуле. Ее шипы оставляли настоящие трещины. Иногда змея попадала прямо в стыки между пластинами, а также в край шлюза. Она отползла. Ориент стал писать сообщение. Змея вернулась.

- Святая обитель... – он подумал, что когда капсула треснет, ему уже ничего не удастся сделать. Что происходило в основной группе, он не видел. Связь пропала. В течение минуты змея злобно атаковала капсулу, затем отползала. От аппаратов приходили сообщения – и змея тут же возвращалась.

Она делала это синхронно с активацией связи. Когда так случилось в пятый раз, Ориент велел аппаратам молчать.

«Эту ночь я запомню на всю жизнь! Если она продолжится». Ориенту хотелось пожалеть себя, но он не мог даже мысленно произнести ни одной длинной фразы. Он просто надеялся, что капсула выдержит. В какой-то миг змея уползла. Роботы молчали. По дальней связи сообщили нечто экстренное, но Ориент не просматривал те сообщения до утра.

Из-под внешней обшивки капсулы доносится слабый треск и скрежет. Капсула явно получила повреждения, но ее внутренние системы целиком в рабочем состоянии; вероятно, повреждена внешняя обшивка. А если на ней сидят кремниевые формы, и грызут... они как будто пробираются только там, где есть стыки и пластиковые материалы, они ни разу не перегрызли металл – но местами повреждали, эти мелкие опасные формы. У Ориента не было мыслей о том, кто управляет формами и зачем это все понадобилось. Долгое время он сидел и практически не думал. Такое состояние для него совсем непривычно; впоследствии он будет очень удивляться, как ему удалось не думать столь длительное время. Обычно мысли постоянно следовали друг за другом, а теперь не было ничего, только узкое пространство капсулы, молчание и – пассивное осознание реальности. Система, скрытая глубоко в корпусе машин, обычным тоном подавала сигналы. В них нет явного текста. Сигналы означают, что цифровая система уцелела, по крайней мере, частично. Ходить

и рассматривать последствия битвы с фонарем Ориенту совсем не хотелось.

Надо было подать отчет в главный комплекс. Ориент довольно долго пытался подобрать нужные слова для описания того, что случилось: нападение, агрессивная биота... или все-таки провокация? Подлость спрятанных врагов? Нападения бандитов на представителей Гардиса действительно бывают, эти случаи позволяют оправдать даже очень большие материальные потери. А какие здесь потери? Ориент медленно вышел из капсулы. Раннее местное утро показалось ему сумерками. Он оперся на выступающие части капсулы, чтобы забраться наверх. Он сразу ощутил трещины и прогибы, которых раньше не было. Крыша была почти целой; основные удары змея направила на боковые части рядом с окном. Примечательно, что она не попыталась разбить окно – это говорит о ее бессознательности или об очень слабой программе. Впрочем, кое-где наружная обшивка пробита насквозь, кое-где даже разорвана. Шипы змеи имели крохотные крючья и оставили массу точек на боках аппаратов. Наружный слой держится, и не оторван; однако глубокие извилистые шрамы достигают герметичного слоя. Герметичный слой уцелел. Он имеет критическую важность – в случае его повреждения невозможно будет регулировать внутреннюю среду капсулы, она не будет формировать нормальную атмосферу. Только в капсуле Ориент мог снять шлем и дышать нормально. Он слышал о сильных ИВР, способных

даже в безвоздушной среде обходится без шлема – и без скафандра? – но никогда не видел их на Р-8. Если герметичный слой получит хотя бы одну серьезную пробоину, вся капсула превратится просто в ящик. В ней даже невозможно будет нормально пользоваться компьютером. Она выдержит, вероятно, еще две подобные атаки. Или только одну? Или уже сейчас капсула теряет настройки? Ориент получил сигнал из главного центра управления.

Рекомендуют подготовить технику к эвакуации. Работы с непрерывным циклом рекомендуют остановить или предельно снизить нагрузку. Эвакуировать стоит наиболее ценные и целые структуры.

- Эвакуировать? У всех очень много техники. Понадобятся большие корабли... – Ориент рассеяно проверял состояние аппаратов, давал им короткие сигналы и почти не запоминал ответов. Он ничего не записывал в планшете. Спустя час ночное оцепенение стало отступать. Ориент начал прикидывать, что можно эвакуировать, но тут пришло второе сообщение. Центр сообщал: ввиду особого положения ограничена работа летающего транспорта. Насколько ограничена? – Ориент послал запрос, но ответа не последовало. Он послал запрос повторно и вдруг заметил, что отсутствует значок отправленного письма, блок архивации не содержит данных о письме. Выходит, связь не работает? Но ведь он получил сообщение. Его не могли прислать бандиты: связь действует совершенно в особом режиме, который создает-

ся цифровыми системами комплексов. Если попытаться ее взломать, система тут же заблокируется, закроет связь, удалит часть программ, а другие программы спрячет. Это неоднократно проходили в вузе, об этом писали, это было. Сегодня, согласно графику, уже наступил день возвращения в комплекс. А как возвращаться? Может быть, пришлют внедорожники? На Р-8 никогда не было рельсового сообщения. Считалось, что пыль нарушает тонкую работу гравитационных путей – хотя гравитационные мотоциклы бегают. Им не нужна трасса в рабочем состоянии. Но они малоподъемные.

- Скверно. Мне придется ожидать внешней воли. А что же еще делать. Едва ли я пойду вереницей с такой армадой. У меня, в принципе, есть карта, с указанием всех ландшафтных особенностей. Но они меняются. И куда идти. На север?

На севере лежала равнина. В его лилово-серой части возникло мелкое, едва различимое копошение. Камера не могла ничего распознать, она показывала статичную картину, в то время как глазами Ориент явно наблюдал смещение точек. Он достал из капсулы оптический бинокль и вернулся на прежнее место. Подвижные пятна состояли из нескольких точек, иногда сливались, иногда рассыпались. Пятна – очевидно кремниевая биота – периодически повторяли одни и те же действия. Внезапно возникла тень длиной двадцать-тридцать метров. Постепенно стали видны очертания ее источника. Он имеет змеевидную форму и контактирует с пятнами. Прежняя змея была около пяти метров – и с ней

уже было трудно справиться. Сороконожка была еще короче. Ориент сумел ей отсечь какие-то выросты, но проб не взял. Пятна движутся на северо-запад, в том самом направлении, куда теоретически нужно уходить. Ориент никак не мог поверить, что это произойдет. Казалось невероятным и странным бежать от каких-то живых «камней» – от змей, пусть и длинных, но явно беспомощных перед воздушной атакой. Их совсем не видно у поверхности земли, а с большой высоты их явно не разглядеть. Но ведь можно ориентироваться по другим сигналам. Ориент читал об этом в научно-популярных книгах. Он не владел военным делом и не знал, каковы размеры служб специального назначения, которые есть у Гардиса, как быстро они начинают работать и как это все осуществляется. Он слышал, что в первых рядах всегда идут роботы, роботизированные системы, а уж за ними действуют ИВР.

- Очень странно жалеть их, а не живых. Почти говорю стихами. Тут умрешь... Если они нападут тучей, толпой или... как это называется... роем, надо бить по площадям. А чем, позвольте расспросить вас?

Вопрос был риторический. Огнеметная система все-таки смогла сжечь сколько-то тварей с большого расстояния. Они не атаковали аппарат с огнеметом, поэтому он и не стрелял часто. Клопы, клещи, пауки обошли с фланга и напали на большую технику. Они активно лезли под гусеницы. Часть из них раздавили, другие сами как будто умерли или онемели.

По косвенным данным Ориент определил, что агрессивная биота имеет комплексное происхождение – в основе ее лежат полимерные структуры кремния, однако она явно получала управляющие сигналы. Планшет сохранил огромное количество ритмических помех, многие из которых находились в резонансе с крайне слабым излучением гадолиния. Это значит, что сигнал для клопов с пауками распространяется по земле и обходит возможные простые блоки. Как управляется змея, непонятно. Казалось, она была во главе атаки, но скрылась, а пауки продолжали хаотичные действия. Из неглубоко залегающих блоков выдраны микросхемы. Едва ли биота питается микросхемами, скорее всего, ей нужны элементы в ее составе. Как она смогла почуять мельчайшие объекты на таком расстоянии? Слово «чуять» не подходит, оно не академическое. Ориент перестал записывать и стал искать подходящее слово.

В это время сигнал повторил: рекомендуется эвакуация. Рекомендуется по земле. Ориенту захотелось ругаться. Он попробовал сказать резкую фразу и подавился. Он избегал ругаться прежде, он всегда сдерживал себя в любой обстановке, даже если был совсем один. Он считал неприличным и некрасивым говорить такие слова, поэтому у него не получилось сбросить напряжение резким оборотом речи. Он ощутил большой приступ тревоги. Нужно было что-то делать, причем немедленно и скоро. Он прошел до капсулы и стал механически наполнять свой рюкзак. Он взял таблетку

со спрессованной водой, какие предназначены для длительных путешествий в опасной местности. На открытом пространстве можно некоторое время находиться без шлема, но потом самочувствие резко ухудшиться. Он откинул забрало, бросил таблетку в рот и тут же закрыл шлем. Самочувствие несколько не нарушилось – это значит, подобными действиями можно глотать пищу и вне капсулы. Таблетка, правда, не проглотилась, а упала возле шеи. Она вообще не попала в рот. Мысленно ворча, Ориент снова открыл шлем и в течение трех секунд пытался подцепить таблетку. Это ему не удалось. Он закрыл шлем, затем открыл и взял другую таблетку. Он поднес ладонь почти к лицу. Таблетка проглотилась.

На перчатках была пыль с примесью ненужных элементов. В таких условиях это мелочи. Внутри вода вышла из ампул и стало гораздо лучше. Чувство жажды прошло. У Ориента был целый набор из двенадцати таких ампул и еще полнабора. Этого должно хватить на неделю, если двигаться умеренно. Ориент проверил ходовые части машин – тех, которые изначально могли быстро двигаться. Он ожидал новых сигналов, но они сообщали лишь то же самое: эвакуироваться своими силами. С другими геологическими группами он обычно не вел связи, поскольку не было необходимости. Сейчас вся связь ограничена (очевидно, пришел приказ выключить антенны и цифровые маяки). Непосредственно внутри рабочей станции связь средние и малые передатчики

объединяли аппараты в единую команду, их можно было выстроить в походный порядок. Скорость аппаратов различалась. Стоит ли оставить здесь неподвижные и медлительные аппараты? Не дождавшись уточнений, Ориент решил действовать самостоятельно. Он выбрал грузовик с кабиной – изнутри через планшет можно подавать команды группе, в кабине также можно запереться и спать (стекло как будто крепкое). Ориент немножко умел управлять подобными грузовиками. В этом не было необходимости: встроенный автопилот послушно движется к указанной на планшете цели, по приказу моментально останавливается. Хитрые траектории, пожалуй, ему исполнить не под силу, здесь потребуется ручное управление. Ориент надеялся, до сложного маневрирования не дойдет. Правда, он еще не представлял всего пути. Неужели придется пройти на севере несколько тысяч километров. Сколько же это дней? У аппаратов скорей всего не хватит зарядного ресурса – да, разумеется, не хватит, даже половина пути кажется сомнительной, даже если не придется резко маневрировать. Ориент выстраивал походный порядок, раздавал команды о погрузке ценного оборудования. Все равно многое остается. Он не терял времени, но и не спешил, поскольку желал дождаться оповещения. Время шло, а никаких новых указаний не было. Аппараты двигались. Система обычно сообщает, когда все будут готовы к походу. Осталось два часа, один час; сигналы не поступали. Ориент начал сильно беспокоиться. Он даже решил отменить поход,

но тут же подумал, как это нелепо выйдет. За 36 минут до окончания внутреннего отсчета возник сигнал – не из центра управления главного комплекса, вовсе не из комплекса. Сигнал прислал один из главных инженеров, которые работали в этой части планеты.

Там указаны только координаты.

11

Криптография довольно часто находит отражение в приключенческой литературе, хотя, конечно, никто не станет раскрывать подлинных приемов. Ориент принялся вспоминать, читал ли он шпионские истории в последние лет пять; как будто не читал – и сейчас, и прежде его привлекала совсем другая литература. Дошел обрывок сообщения: два слова «общ» и «лагерь» были окружены произвольными знаками. Главный инженер хотел сообщить, что создается общий лагерь для того, чтобы переждать трудности. Ориент догадался и сразу же велел грузовику идти на малой скорости. Аппараты покатались вслед за ним. Ориент то и дело открывал кабину, проверяя, движется ли колонна, нет ли нападения, также он оценивал ландшафт. Среди машин были широкие, узкие, с большими башенными надстройками и рабочими частями. Большие аппараты постоянно закрывали собой маленькие. Все участники группы регулярно давали крохотные, нитевидные сигналы, частично похожие на внешний шум. Ориент нарочно настроил связь так, чтобы она была трудноразличима для внешних наблюдателей.

Он не знал, какова чувствительность кремниевой биоты, может ли она вообще воспринимать сигналы в таком диапазоне, но на всякий случай велел машинам ослабить интенсивность сигналов. Иногда ему казалось, связь исчезла, и, держась одной рукой за джойстик-штурвал, он высовывался наружу и считал. Его шлем постоянно стучал о дверной проем. На равнине не было больших провалов или резких перепадов высот. Геологическая карта указывает места с проседающим грунтом, где очень много мелкого песка с примесями. Тяжелые аппараты там могут забуксовать. Ориент пристально следил за ландшафтом, за картой, за любыми сигналами. Спустя четыре часа это стало его утомлять, затем он привык и только глотал ампулы с водой. Ему даже не хотелось спать. Большой участок равнины занимает низменность с повышенным содержанием известняка. Вероятно, в незапамятные времена здесь было огромное озеро или иной водоем. Ориент хорошо знал геологическую историю Гардиса и его спутников; палеогеологию изучали довольно долго, в течение четырех семестров – и все это время изучали, кажется, только Гардис. Или же что-то было об Р-8? Ориент решил не вспоминать, чтобы не отвлекаться зря. Самые громоздкие аппараты порой буксовали на зыбком грунте, грузовик тоже не везде мог пройти и маневрировал – иногда сам, иногда Ориент двигал джойстиком. Получалось приемлемо. Грузовик нигде ни разу не застрял всерьез. Другие машины застревали – и тогда автоматические манипуляторы броса-

ли синтетические тросы, фиксировали их на борту или даже подвижных частях. Это было ошибкой с их стороны. Одной машине резко повредили направляющую ось. В результате она утратила способность к тонким маневрам и могла идти только как прицеп. Тем не менее, все аппараты преодолели зыбкое пространство. Ориент не знал, что произошло с машиной, перепутавшей шесть и восемь. Ее процессор и связь не были отключены, она тоже получила сигнал о походе. Ориент отказался брать ее в поход, однако благодаря процессору машина двинулась сама. Вначале она держалась за колонной, затем стала отставать. Ориент выглянул: на границе света и тени машина вновь писала круги. «Идиотка» прошептал Ориент. Когда он выглянул в следующий раз, той машины уже не было видно. Дважды он уже сообщал о ее сбое – и в геологическом центре комплекса, и посылал электронное письмо администрации. Никаких указаний относительно нее не давали, поэтому она оставалась в ведении его рабочей группы. Колонна на марше преодолела 1250 километров, безо всяких перерывов – если не считать эпизоды, когда вытягивали застрявшие машины. Но и тогда многие аппараты двигались. За все время похода Ориент не спал и практически не съел ничего твердого. В какой-то миг ему даже противно было думать о пище. Сочтя это состояние удобным, Ориент следил за индикаторами панели, смотрел в два экрана. У него однажды мелькнула мысль: если будут крупные поломки, если будут аварии – всех, кто им подвер-

жен, придется оставить. Заниматься ремонтом в таких условиях глупо. Не так давно он участвовал в ремонте машин на первом спутнике, в условиях полуоткрытого ангара, где атмосфера тоже была слаба. Но там все-таки иное, подумал Ориента, иная ситуация; по регламенту ИВР-начальник добывающей группы в чрезвычайных условиях не несет ответственности за потерянную аппаратуру, даже самую дорогую. «Доказать бы еще, что здесь чрезвычайные условия – но ведь было же сообщение? – сообщение об ограничении полетов, об атаках с бандитами... кажется ничего. Но это может быть. Если этого не было – тогда может получиться скверно. Скажут, что я не оказал достаточного рвения, проявил равнодушие. Вот бы кто проявил многодушие. Или – как это говорится? Великодушие. При таком походе глупеешь. Надо думать. Вероятно, даже изобретать».

Ориент старался, но творческие мысли пока не шли ему в голову. Спустя 1250 километров он стал получать огромное число сигналов-ссылок на работающую связь. Где-то рядом был мощный передатчик. После равнины ландшафт сделался неоднородным. Лагерь организовали на маленьком плато с отвесными краями. Всего один широкий путь вел на вершину. Очевидно, место выбрали из соображений безопасности. Ориент устно ответил на сообщения, затем что-то написал. Пальцы отказывались печатать скоро. Он увидел машины и комбинезоны знакомой расцветки. Ориент вышел и, словно пересиливая себя, велел грузовику идти рядом с ним.

Колонна двигалась совсем медленно. Ориент уже не оборачивался, его охватила апатия, которую, впрочем, можно принять за сдержанность бывалого мужчины. В шлеме замелькали голоса. Ориент неспешно ответил, сообщил коротко о том, что было и как прошел поход. Ему вдруг ужасно захотелось спать. Ориент кивал, здоровался со всеми, не узнавая никого. Уже не он, а старшие коллеги подняли колонну на плато. В конце подъема из крупных машин устроено нечто вроде бастиона. Отстреливаться всерьез было нечем. Только ведущие начальники имел при себе ручной бластер с ограниченным количеством зарядов. Огнемётные системы созданы для работы с породой, а не для войны. Смогут ли они задержать тысячи единиц противника? Ориент услышал такой оборот, затем услышал «да», но не запомнил продолжение. На плато собран комплекс из жилых контейнеров и капсул, что позволяет поддерживать среду сразу во всех помещениях. Ориент отказался от пищи, от воды, от медицинской помощи. Ему казалось, у него болит голова. Он не спал давно, поэтому ему хотелось только спать. В то же время, ему хотелось показать, что он на посту. Ориент опять забрался в кабину робота-грузовика, долго пытался принять позу, в которой спать относительно удобно, и чтобы это имело приличный вид со стороны. Он заснул незаметно и проспал не меньше 12 часов по счету Гардиса.

На плато собрались все геологические и геолого-разведывательные партии сектора, за исключением той, что работа-

ла западнее остальных и была атакована ящерами. По крайней мере, в короткой сводке было сообщено, что агрессивная биота имеет форму ящеров. Все сотрудники ИВР были эвакуированы на летательных кораблях, однако в полете на борту были обнаружены кремниевые клопы. Аппараты сделали экстренную посадку вблизи горной пустыни, на расстоянии приблизительно 300-400 километров от ближайшего комплекса. Сотрудники были вынуждены добираться до него пешком. Пилоты пересели на один борт, а к кораблям послали автоматические службы гигиены – шустрых роботов-чистильщиков, с целью удалить споры / яйца / семена / зародыши, которые могла нести биота. Мистер Ардьон распорядился удалить любые живые формы. Главный инженер той партии имел краткий контакт с коллегами Ориента. Вскоре связь оборвалась. В той партии почти все сотрудники имели большой опыт работы, они умели долго двигаться на планетах с агрессивной средой. Главный инженер постоянно посылал запросы о них, неизменно получая стандартный ответ: запрос получен, ожидайте. Это его не могло удовлетворить; он продолжал писать и вдруг получил шифр-сигнал от самого мистера Ги, заместителя Ардьона. Мистер Ги настойчиво просил не загружать систему запросами, в конце он добавил фразу: «В целом – все не распадается». Инженеры, геологи, мастера спорили о том, что могло случиться возле комплекса. Едва ли началась война; скорее всего, введены ограничения, или даже запрет на посещение Р-8. Это

значит, космодром не принимает и не отправляет кораблей. Большие комплексы имеют большой запас для автономной жизни, он рассчитан по меньшей мере на год или два, считая по времени Гардиса. «Конечно, им можно не волноваться. Ввели карантин. Сам Ардьон решил? Или дали команду из Гардиса?» - «Гардис, скорей всего, даже не имеет информации. Кто отправлял изображения тварей? Никто, их нормально фиксирует лишь простая аналоговая камера. У кого она была?». Геологи спорили о происходящем. Они провели подробный учет всех ресурсов: жилые модули и капсулы имеют запас энергии на 3 месяца, запас съедобных товаров – приблизительно на два. Если не двигаться активно, есть совсем не хочется. Конечно, возможны, потери. Ориент был единственный ИВР в своей группе, поэтому его запасы были очень маленькие. Он проснулся и решил ничего не просить у коллег, пока у него остается что-то свое. Ночь была тусклой. На юге и юго-западе даже днем стояла медно-рыжая пелена, наполненная пылью с равнин. Несмотря на очень слабый ветер, пыль поднималась над землей на высоту нескольких километров. В ее составе было множество наночастиц, способных удерживать электростатический заряд. Благодаря этому пелена висела днями. На севере дневной небосклон имел бледно-желтые или бледно-серые оттенки в нижних слоях, затем становился мутно-черным, а еще выше – просто черным. Среди машин было несколько походных лабораторий с различными приборами для естествен-

но-научных исследований. Свободного пространства в них было даже меньше, чем в капсулах, поскольку там не полагалось лежать. Одна лаборатория имела большой овальный стол с множеством экранов и экранчиков. Вокруг стола могли разместиться до двадцати нетолстых ИВР. Сотрудники в шутку называли это место «салон» и «кают-компанией». Ориент сообщил, что ему нужно подробно записать произошедшие события, поскольку в его секторе никто, кроме него самого, не видел совместной атаки мелкой и крупной биоты. Все видели или огромные агрессивные стержни с шипами, или существ размером с ладонь, которые почти не атаковали. Ориента пригласили в «салон», но он сказал, что запишет все у себя, т.е. в кабине грузовика. Без шлема там трудно дышать, ресурс шлема тоже ограничен, поэтому Ориент сначала перезарядил свой шлем, а затем уже стал записывать. На панели очень мало свободных гладких мест. Ориент стал писать от руки в блокноте, затем переписывал, стоя практически на корточках. Планшет и блокнот он мог положить только на сиденье. Он писал, время от времени меняя позу.

Собравшись в «кают-компанию», геологи обсуждали причины столь внезапных и неординарных событий. Активную роль бандитов почти все ставили под сомнение: никакого влияния извне на Р-8 не ощущается, спутниковые системы не зафиксировали ни одного корабля или малого летательного объекта. Но даже робот, сумеет ли он приземлиться и остаться незамеченным, едва ли смог бы управлять большими мас-

сами биоты. Ему нужен источник энергии и связи, материально-техническая база. О вторжении аппаратов есть сведения с чужих далеких планет. Как правило, вторжение происходит среди отсталых цивилизаций, незнакомых с полетами в космос. Благодаря этому автоматические отряды свободно садятся на планету и начинают определенные действия, если они агрессивны, они могут атаковать биоту и разумных существ. Последнее может считаться вторжением, что осуждается законодательством во всех прогрессивных мирах. Зашел спор, какие миры действительно стоит считать прогрессивными, а какие – только хотят достичь этого высокого статуса. Геологи слегка отвлеклись, затем опять заговорили о бандитах. Многие из них вовсе не ИВР – они просто живые особи с дурным характером, неспособны к управлению собственным телом, их энергия имеет примитивно-физическую форму. Тем не менее, они бывают очень сильными, часто используют импланты. Иногда они пользуются услугами гениальных и очень талантливых лиц, а сами они – не гении, потому что злой гений есть изобретение развлекательных жанров культуры. Трафаретный образец злодея, окруженного мощной техникой, способного колдовать (если это сказочный жанр), способного создать угрозу для целой вселенной – все это имеет более дидактическую, воспитательную, а не фактологическую основу. Обладание мощной техникой – совсем не признак гениальности: она может быть результатом долгого труда большого числа лиц, звеном це-

пи бесконечных изобретений, которые никто – никогда – не мог сделать в одиночку. Кроме того, во всех произведениях злые гении терпят крах – или в результате противостояния с героями, или в исторической перспективе, когда их победы и торжество оборачиваются поражением для них самих. Злой гений может торжествовать, но не оставляет надежного наследства. Это принципиально важно. Живые миры существуют миллиарды лет, их жизнь и цивилизации наполняют новые миры, это создает бесконечное движение, сохраняющее основу. Но царство злого гения рано или поздно рушится. Если все пропало, если он не смог этого предвидеть – какой же он гений. А если целью его «гениальности» было только разрушение в больших масштабах, такого деятеля можно вполне считать идиотом. Злые гении возможны – как результат испорченного большого ума, однако их деятельность является как бы отрицанием гениальности. В этом есть интересное философское противоречие – и одновременно нет противоречия. Похоже, опять отвлеклись.

Один опытный инженер сказал, что вступать в активное противостояние с бандитами, даже если они есть, не стоит, поскольку это лежит за пределами профессиональных компетенций. Все согласились: вне всякого сомнения, нужно уметь воевать и проводить боевые операции, дилетантизм крайне вреден в этой сфере – как, впрочем, и во многих других. Кремниевая биота активно мимикрирует под поверхность планеты, обманывая очень чуткие цифровые системы.

Такие формы встречаются в космосе, но на Р-8, кажется, еще не было.

- Нет, такое было, лет 60 или 70 назад, когда на большой глубине автоматические проходчики стали отключаться один за одним, а затем они активировались и стали буквально сходить с ума. В их процессорах были найдены следы биоты, которой нравятся редкие элементы. Непонятно, биота пыталась вырвать те элементы и съесть, или же она хотела управлять роботами. Я слышал от знакомого ИВР. Там очень ограниченные сведения. Когда такое случается, у всех ИВР берут подписку о неразглашении. Собственно, там мало что видели глазами, а вся информация засекречена.

- Присылали боевые части? Боевых автоматов?

- Я так полагаю, присылали. Ведь тех существ как-то надо было уничтожить. Наши ИВР в этом не участвовали. Вероятно, действовала разведка и наши специальные службы. Но все это засекречено.

- Странно, неужели не осталось никаких аналоговых фото. Я имею в виду не разведку – там, понятно, запрещено – но фото тех существ. Так, случайно будто сняли, а потом – не стерли. Могло ведь быть такое.

- Мало смысла. Если материал засекречен, те фото никому нельзя показывать. Если информация распространится, сразу установят и применят санкции. Кому это нужно. А хранить их дома – зачем? Ведь не станешь же украшать ими свой интерьер. Они, я полагаю, некрасивые. Некрасивые су-

щества. И зачем тогда все? Конечно, для информации...

- Пусть ее собирают спецслужбы. Коллеги, мы с таким сталкивались неоднократно – когда фиксируешь запрещенные данные, не имея на то приказа, обязательно что-нибудь выходит. При этом не имеет значения, привело это к последствиям или не привело. Сразу привлекают, а потом доказывая свою непричастность. Я считаю, должны сперва продекларировать режим секретности.

- Ардьон, кажется, сообщил о чрезвычайной ситуации в пределах орбиты.

- Да, но он сообщил ли на Гардис? Бывает так, что не сразу сообщают.

- Ардьон еще не старая развалина. Он еще что-то делает и следит, подобно древнему куратору. Он формалист, безусловно. Отменил все полет в космос согласно инструкции. При этом не сообщил никаких подробностей. Или он хочет, чтоб мы выращивали каменные цветы?

- Из поломанных тварей!

- Чтоб выращивали и ели их, перерабатывая? Вне всяких сомнений, ему все равно. Он сидит как в хрустальном шаре. Кажется, была такая сказка. Розу, или другой цветок, поместили в хрустальный шар, обладавший огромной магической мощью. И сам цветок был магический. Он мог существовать тысячи и миллионы лет, ему не было конца, и ему было, в сущности, все равно. Его магией хотели овладеть и герои, и злодеи. Злодеи – понятно, зачем. Я не помню, что хотели ге-

рои. Они были из другого мира, что ли. Или там был политический конфликт... Одним словом, кипели большие литературные страсти. А цветок стоял себе целый. В хрустальном шаре.

Хрустальный шар – идиома, широко известная в Гардисе. Так называют равнодушных и весьма богатых лиц. Кто-то слышал, что у Ардьона и его заместителей есть большие активы в Гардисе, а также в других мирах, но об этом не стали говорить. Геологи не любили сплетен. Короткий звездный дождь прошел на востоке. Часть приборов перенастроили, проверили работу энергетических систем, провели кое-какие научные эксперименты, где не требуется вода. Сочинять стихи и прозу, писать научные отчеты не хотелось пока никому, а другой работы и не предвиделось. Главный комплекс и центр давал стандартные указания оставаться на укрепленных местах. Связаться с коллегами из других секторов не удавалось – комплекс намеренно снизил работу связи до предела. Высказывались предположения о том, что комплекс может быть атакован бандитами. Допустим, они телепортировались. Куда, на орбиту? Это бы заметили и сообщили – об этом есть жесткие правила уже в течение многих тысяч лет. Если начальник-руководитель не сообщил сотрудникам о рукотворной опасности – бандитах, опасных аппаратах, вторжениях – ему полагается весьма суровое наказание, несмотря на все регалии. В то, что главный комплекс захвачен, не верил никто – в этом случае тайные сигналы обя-

зательно достигли бы Гардиса. Конечно, всю систему можно обмануть – можно обойти сотни и тысячи настроек, которые известны только компетентным лицам и которые составляют государственную тайну. Но для этого нужно внедриться во все секретные системы и сразу постичь все. Кто это может сделать? Даже демоны ограничены в своих возможностях, вот поэтому они постоянно сеют ложь и вражду – они воруют и хотят украсть, они не могут добиться сами. Никто не верил в работу демонов. Это просто фантасмагория. Скорей всего, есть некая внештатная ситуация, проблема. Не исключено, что кремниевая биота действительно размножается спорами, как мельчайшие грибы и бактерии. Гардис мог дать распоряжение провести очистку от спор всех кораблей, поэтому они не летают. Опытные ИВР говорили: разве в этом есть большой секрет, и для чего это так скрывать? Несмотря на тесноту, лагерь был свободен от конфликтов. Геологи проявляли большое внимание друг к другу, особенно к молодым сотрудникам.

12

Главный комплекс находился на осадном положении – все первые и подземные этажи были заблокированы изнутри, снаружи стояли грузовики и другие тяжелые машины с боевыми аппаратами. Войти и выйти в огромное здание можно было только через площадку для летательного транспорта, расположенную на высоте 48 метров. Комплекс имел несколько таких площадок, но работала только одна. После

того, как на корабле заметили чужеродную биоту, Ардьон велел резко ограничить сообщение. Комплекс мог существовать в автономном режиме не меньше года, его пищевые запасы были велики, но поделиться ими не могли. Заместитель Ардьона, который управлял медицинской службой, в прямом эфире устроил скандал – внезапно он стал кричать о конце, о провале и требовал некой расплаты. Вскоре вышло официальное разъяснение: заместитель переутомился на почве чрезвычайно напряженной работы. Между собой ИВР тихо говорили, что причина совсем другая. Покидать комплекс было запрещено всем, кто не имел боевого опыта и не получил приказ из администрации Ардьона. Часть геологических партий, которые были ближе к главному комплексу, успели вернуться и сесть на космические корабли до того, как объявили карантин. Остальным пришлось или добираться самостоятельно, или – как коллегам Ориента – организовать временный лагерь. Все комплексы расположены почти на одной широте. Тот, что расположен восточней всех, имеет статус главного, именно там находится администрация Ардьона и там мистер Ги читал свои странно-веселые лекции. Надо сказать, Ориент не видел никакой привилегии в том, чтобы находится именно в этом комплексе. Во время звездной бури все отмечали неживую обстановку комплекса, его холодно-деловой интерьер. Вероятно, в отдельных квартирах и секторах было красивей, но туда простых ИВР не пускают. Кэнон, вздыхая, вынужден был вернуться

к своей партии испытателей. Они гоняли внедорожники с огромными и прочными колесами по другую сторону экватора, где огромную площадь занимали каньоны с большим количеством естественных стен, подъемом и ступеней. Вблизи каньонов был участок с очень древними породами, с трещинами глубиной во много сотен метров. Там были обширные каверны и подземные катакомбы, кое-где соединенные в единую сеть. Колеса туда не пролезали. Местами трещины уходили отвесно вниз, как шахты. Со стороны экватора примыкал участок повышенной геологической активности. Лава, смешанная с парами воды, могла выбрасываться даже на ровных участках земли. Там располагалось пересечение подземных магматических рек. Очень часто они расплавляли породу вокруг себя и выбрасывали ее на поверхность. Не остывая, порода заполняла полости и провалы, все те места, где могла скапливаться жидкая фракция. Литосферная активность формировала пространства с горячим полужидким грунтом, его глубина порой достигала двадцати метров. Провалившийся в него аппарат уже не мог бы выбраться. Зона «расплавленной» земли не была сплошной – она сетью переплеталась с твердой или почти твердой поверхностью, образуя причудливую и опасную мозаику. Наземный транспорт всегда обходил ту зону либо далеко на западе, либо на юге, где совсем не было стационарных построек. Центры связи – автоматические маяки – стояли на расстоянии трех-четырёх тысяч километров друг от друга. При отсутствии внешнего

воздействия их работа была вполне надежной. Сейчас часть маяков отключена. У руководства комплекса нет четких данных об активности биоты на юге; собственно, это и не считают сейчас проблемой, поскольку в тех областях некого спасать. Биота атаковала там, где расположен самый западный комплекс. Судя по изображениям, твари пробили не только сверхпрочные стекла, но и арматуру, и несущие конструкции. Комплекс был немедленно оставлен, ИВР вернулись без потерь. Однако дать отпор атаке не было возможности. Как из ниоткуда, из неведомых щелей, из преисподней появились большие змеевидные аппараты. Их атака была похожа на ту, которую испытал Ориент – змеи атаковали шипами, челюстями, а также били в прыжке своим телом. Было очень много форм размеров до десяти метров. Их частично давили тяжелые машины. Змеи обвивались вокруг них и портили. В какой-то момент небо раздвинулось – огромный стержень разрезал его от земли. Поднялась змея высотой в 50, 70 – а, возможно, и сто метров. Она била по корпусам и стеклам. Ничто не могло устоять; в щели вскоре побежали клопы и прочие мелкие объекты. ИВР смогли заметить, что огромная змея появлялась лишь в определенные моменты. Затем она исчезала. На ней во многих местах играли тени, отблески. Поверхность змеи была неровной. Вероятно, она тоже получала пробойны. Удалось установить, что клопы способны двигаться многие десятки километров под поверхностью земли, однако установить их тонкую динамику не удастся.

Любой скрининг грунта приводит к тому, что клопы останавливаются, замирают, превращаясь в неподвижные камни. Один из геологов сообщил – клопы ехали на змее, которой оторвало хвост. Змея уползала быстро, но ее благодаря игре света, можно было видеть со скалы в бинокль. Змея ползла, оставляя темный след. Внезапно она остановилась и стала грызть клопов. Те были предельно покорны. Змеи идут за клопами. Прежде чем появляются большие объекты, возникают мелкие, их трудно различить – аппаратура их почти не ощущает – после этого они как будто подзывают змей. Дважды видели существ с головой как у змеи, но с довольно выраженными ногами. Ящер не атаковал, лишь наблюдал на расстоянии. Возникло подозрение, что клопы содержат системы связи и управления тварями. Клопов удалось захватить целиком. Внутри них оказалась химически активная, ядовитая среда, некие имитации органов, системы, способные к полимеризации кремния. Клопы, пауки и похожие на них объекты не содержали никаких процессоров или микросхем. Удалось обнаружить лишь структуры, сравнимые с очень простыми транзисторами. Тело мелкой биоты формирует энергетические поля, но они очень слабы. Непонятно, каким образом клопы организовали связь – даже в их больших скоплениях сверхчувствительная аппаратура ощущала только слабые поля, недостаточные для управления аппаратами. Было сделано предположение, что биота как-то использует естественный радиационный фон. Ученые прове-

ли несколько экспериментов и установили, что часть полей попадают в резонанс с изотопами гадолиния, который распространен почти по всей поверхности. Концентрация изотопов очень мала и поля слабы. Однако управляемая биота каким-то образом научилась использовать этот естественный фон. Удалить гадолиний с поверхности не представляется возможным, даже в отдаленной перспективе. Следовательно, нужно истребить агрессивную часть биоты.

После первых нападений Ардьон провел несколько личных встреч, где обозначил неотложные задачи, а также общий план работы. В составе главного комплекса было две роты аппаратов, способных к ведению боевых действий. Каждый аппарат имел стрелковое вооружение, но свободно передвигаться могли лишь некоторые. Половина систем были вмонтированы в корпус других аппаратов, у которых была своя отдельная программа. Такие комплексные системы могли вести скоординированную работу, находясь в автономном режиме или получая команды от управляющих аппаратов: в каждой роте был один «лейтенант» и несколько «сержантов», младших роботов-командиров, чья программа могла быть усовершенствована до лейтенантской. Была возможность управлять боевыми роботами в ручном режиме – с расстояния, из специальных комнат. Последнее всегда напоминало компьютерную игру, которая понравится многим – ведь не сам идешь в атаку, и все с тем воюешь, отдаешь команды; опытные ИВР считали, что в ряде случаев такое интер-

активное управление малоэффективно, поскольку один оператор не способен увидеть видеть десять экранов. Информация идет и от боевых систем, и от роботов-наблюдателей, от других разведчиков, много от чего; в связи с этим многообразие информации не поместится в один экран – если только он не будет огромным. Но таким тоже неудобно пользоваться. Это означает, что для управления с дистанции даже небольшой группой бойцов-аппаратов необходимо иметь собственную группу, или даже штаб, причем лучше будет, чтобы все ИВР в его составе имели навык работы с боевыми аппаратами. Среди геологов и ученых на Р-8 таких специалистов не было. За пределами системы Гардиса им приходилось сталкиваться с опасностями и рукотворной угрозой, однако тогда в отряде были профессионалы боя. Инженеры тоже не имели большой военной подготовки. Некоторые обучались управлению боевыми аппаратами в рамках общевузовской программы. Их немедленно привлекли после первой атаки на западе. Две боевые роты находились в режиме ожидания. Долгие годы они стояли и осуществляли только тестовые марши и стрельбы. Их программа была в исходном состоянии, поэтому Ардьон полагал, роботы-стрелки уничтожат биоту сразу, или почти сразу. Некоторые из них представляют собой скорострельные винтовки на штативе, котором можно закрепить везде – на кузов, на любой каркас, к корпусу летательного корабля. Были также роботы-огнеметы и роботы-гранатометы. Последних довольно мало.

Ардьон распорядился не бить по площадям, а выискивать зоны плотного скопления биоты и атаковать там. Винтовкам надо стрелять по отдельным целям. Корабли с автоматическими стрелками прошли над поверхностью земли и ничего не могли заметить точно. С высоты ста и даже пятидесяти метров они различали только колебания поверхности, но не сами объекты. Гранатометы дали несколько залпов, затем перешли в ручное управление. На экранах перед ИВР висела дрожащая картина, качество изображения было резко снижено, хотя прежде система могла распознать мельчайшие камешки. Этот эффект проявлялся именно в зоне присутствия агрессивной биоты; там, где она отсутствовала, зрение камер было отменным. Специалисты не хотели высаживать роботов на землю. Однако уже поступала информация о разрушенных корпусах на западе. Ардьон не давал конкретных команд, он просил действовать, исходя из обстоятельств. Его заместитель, в ведении которого находились вопросы безопасности, велел посадить взвод на скалу рядом с колебаниями земли и оттуда вести огонь. Роботы высадились и почти сразу стали терять связь с комплексом и со своей локальной системой. Они открыли хаотический огонь, несколько винтовок упали с платформы и исчезли. Роботы стреляли совершенно отдельно от управляющих сигналов, но в соответствии с первоначальной задачей: уничтожить подвижную биоту. Им удалось уничтожить несколько змееподобных существ. Но потом появился ящер, который каким-то образом

сумел схватить винтовку. Он не только держал ее на боку, он также мог стрелять. Огонь не был точным, однако это было поразительно. Ящер довольно быстро передвигался. Той части взвода, которая не утратила связь с комплексом, дали приказ атаковать ящера с большого расстояния – одновременно продолжая атаковать биоту. Появились большие змеи и сломали несколько роботов. Система целилась в них; змей подбили, но, похоже, не убили, они смогли укрыться. Перестрелка с ящером шла до тех пор, пока поглощенная им винтовка не утратила заряды. Взводу дали приказ захватить ящера. Подвижные роботы ринулись вперед и столкнулись с пауками – те сидели в засаде под видом камней. Сила пауков не была велика, но все же они пробивали пластик, портили наружные коммуникации. Пауков нужно было рубить или давить. Система пыталась уничтожить их стрелковым оружием. Индикаторы целостности ползли вниз. Когда уровни достигали определенной величины (еще не критической) роботы получали приказ немедленно возвращаться. Роботы бежали назад и тянули на себе пауков, качались и нередко получали сильные повреждения. Колесным аппаратам удалось пробиться к ящеру – его подбили издали на равнине, но взять не смогли, поскольку ящер сразу начал распадаться на ядовитые фрагменты. Было видно, как меняется цвет грунта и растут ядовитые лужи. При этом сам ящер был почти незаметен в экране; с расстояния его контуры различались гораздо четче, чем теперь. Не взяв никаких образцов, взвод

вернулся. Уже при посадке на корабль его атаковала змея. На ее голове висела винтовка разбитого робота. Змея открыла рот. На мгновение показалось, что из него растет еще одна винтовка. Но это было щупальце – или язык. Постреляв немного, змея удалилась. С помощью гранатометов роботы разбили большое количество мелких форм. Большую часть из тех, кто утратил связь с центром, удалось эвакуировать. Остальные стреляли хаотично до полного исчерпания зарядов. Главный комплекс решил, что их потеря не является значимой. Тем не менее выбранная тактика оказалась малоэффективной. Второй и третий взвод также пытались атаковать змей, находясь на расстоянии, затем приблизились и на них каждый раз наваливалась агрессивная масса: клопы, пауки, другие формы, подобные членистоногим. Роботы отступали, атаковали в другом месте – тогда появлялись большие змеи и ящеры. Однажды сорокаметровый стержень вырос из-под земли и ударил по роботам наотмашь. Он не двигался с места – это значит, что часть его была связана с грунтом или даже находилась внутри грунта. Стержень смог разбить несколько аппаратов. В него тут же выпустили длинные очереди и гранаты. Стержень преломился. Верхняя его часть упала, нижняя не двигалась, но вскоре стала практически не видна. В специальный контейнер удалось затолкать паука. Лаборатория смогла найти в нем лишь те структуры, которые уже видели – густая ядовитая среда, излучающая поле, масса, потенциально способная к росту. Никаких мик-

росхем или аналогов микросхем, даже биологических не нашли, хотя аппарат явно был управляемым. Под действием больших сигналов он сжимался; внезапно он замер, словно окоченел или перешел в состояние анабиоза. Однако тот сигнал не действовал на биоту в открытом пространстве. Вероятно, биоту можно было подавить путем волнового или цифрового воздействия, однако алгоритм не ясен. Столкновения происходили на подступах к западному комплексу. Вскоре оттуда начали ползти объекты длиной до ста метров. Роботы получили приказ отступить в комплекс восточнее и занять оборону. У главного комплекса оставалась одна боевая рота. Это были все, что могло нести оборону.

В самом начале Ардьон объявил: биота – это какая-то ерунда. Здесь даже не океан, не джунгли и поэтому особых проблем быть не должно. Впоследствии он почти не покидал свой этаж и разговаривал с сотрудниками лишь по связи. Заместители поняли это так: руководитель не желает подробно заниматься этой гадостью, считая ее слишком мелкой. В самом деле, что за вздор? Какие-то кремниевые формы смеют вредить великой цивилизации, это же нонсенс. Ардьон не устранился от проблемы полностью, но и не давал четких приказов. Боевую группу необходимо было усилить или даже вызвать новые автоматические подразделения. По секретной связи был сделан запрос в соответствующие службы Гардиса.

Гардис распорядился прислать батальоны из внешнего пе-

риметра, которые постоянно находятся в безвоздушной среде, на специальных дрейфующих платформах. Внешний периметр расположен вокруг орбиты самой дальней из планет звездной системы Гардиса и насчитывает несколько десятков космических платформ с автономным управлением. На платформах есть ангары для техники, есть автоматические ремонтные бригады и системы наблюдения. Там дежурят различные боевые системы – двуногие, колесные, гусеничные. Время от времени проводят замену старых аппаратов на новые идентичные. На платформах действует внутренняя система гравитации. Это требует постоянного расхода энергии, источники которой также регулярно заменяют. Главным повреждающим фактором для платформы является «звездный дождь». В истории Гардиса бывали случаи нападений и попыток захватить оружие на платформах, однако это все происходило очень давно. Конструкция платформ довольно часто используется среди космических цивилизаций, преступные структуры также могут иметь платформы и тщательно скрывают их. В отличие от кораблей платформа не способна к быстрому полету, она способна лишь дрейфовать или незначительно менять орбиту. Гардис распорядился решить проблему радикально. Среди присланных батальонов было несколько систем командования, каждая управляла своими подразделениями и могла передать управление ИВР. Однако никто из заместителей Ардьона не захотел руководить боевым батальонов роботов. Консультаций с другими

сотрудниками также не проводили. Заместители исходили из того, что программа сама должна уметь вести боевые действия. Кроме того, они крайне сомневались в способности биоты менять стратегию и тактику. Она нападает на цифровые системы, игнорируя живых ИВР, однако опосредованно биота очень вредит. Программа получила общие вводные. С помощью кораблей батальон был переброшен на запад – не вплотную к западному комплексу, но туда, где открывался прямой ровный путь на цель. Батальон получил задачу уничтожить биоту вокруг комплекса и совершил марш.

Несмотря на четкий сигнал, колесные машины вырвались вперед. Они замечали некоторое движение грунта, давали запросы, маневрировали. Система решила не атаковать на марше. Когда уже были видны большие корпуса, арьергард столкнулся с атакой ящеров. Система велела организовать позади оборону и одновременно атаковать врага в комплексе. Вокруг зданий не было почти никаких форм. Роботы стреляли в подвижные тени, разбивали вдребезги пауков. Они вошли внутрь, миновали зал – и тут началась схватка. На роботов со всех сторон посыпались гроздья шипов и клиньев. Стреляя во все стороны, роботы не успевали маневрировать. Некоторые решили отступить. Но вход уже обрушился – там возникли змеи и пауки. Атакую с близкого расстояния, они вырывали автоматические винтовки и гранатометы. Часть батальона, оставшаяся снаружи, была атакована сразу с двух флангов. Машины стреляли жестоко, однако яще-

ры наступали. Система велела перегруппироваться (робот с ее главным процессором и мини-планером, способным летать, постоянно находилась в центре, внутри круговой обороны. Но в какой-то миг к ней смогли прорваться. Система на мгновение растерялась. Она вызвала арьергард, который сумел выдержать удар. Роботы прорвались к системе – и тоже попали под удар. Из комплекса смогли вырваться лишь отдельные машины. Система оповестила: коллапс! – в больших машинах, потерявших подвижность, сработал сигнал к самоуничтожению. Стекла, которые еще были на фасаде, рухнули. Машины стали двигаться назад, на ходу пытаясь сбросить биоту. Двухногие роботы били руками, локтями и всеми доступными манипуляторами. Блок с системой уцелел. Она отступила и попросила разрешения двигаться маршем к исходной точке. Безвозвратные потери составили до четверти всех аппаратов и машин, еще четверть была так или иначе повреждена. Цель не была достигнута. Полученные фотографии мало проясняли принципы управления биотой. Хуже всего было то, что активные твари сумели захватить стрелковое оружие, включая гранатометы. Когда рота из другого батальона будет вести дозор, их атакуют издалека аналогичным оружием. Центр велел батальонам срочно оставаться в обороне. Вблизи главного центра агрессивную биоту не видели ни разу, однако ситуация едва ли была оптимистичной. Биота быстро размножается и владеет определенной тактикой. В сущности, она ведет себя как группа организованных

роботов, а вовсе не биологическая стая. Автоматические батальоны должны быть готовы воевать с другими роботами – именно так часто происходит в прогрессивных мирах, где не желают жертв среди разумных и воюют только с помощью машин. Это требует определенных правовых и этических установок с обеих сторон конфликта. Чаще всего воют без правил, всеми доступными средствами.

- Эти выходцы с Виатерры очень любят КОБов. В них органическая часть переплетена с неорганической, она может жить и восстанавливаться. Или ремонтироваться на специальных станциях. Ставят, знаете, заводик – или завод – или даже отсек – формируют линию – и пошло, закружилось. Круглосуточное производство КОБов может идти даже в пределах одной большой лаборатории, это даже не цех. Ну или как цех, но на ограниченной площади. КОБов можно делать различных, весьма опасных!

- Но это же мерзость.

- Как хотите, нужно знать, про разные мерзости – если придется бороться с ними. Здесь не эти гнусные КОБы, здесь иное...

- Послушайте, КОБы – это же виатеррианский жаргон. Дурное слово. И они же сами их так не называют, это слово любят их отщепенцы, так называемые альтеранты. Всякое отребье и ... - заместитель по связи вспомнил названия различных сред и ему вдруг сделалось стыдно. Он покашлял солидным тоном, затем продолжил:

- Мы должны дать ответ руководству. Не здесь, не мистери Ардьону, а – действительно наверх. Супремакорд может вмешаться в любой момент.

- Так пусть он вмешается! Если здесь такие обстоятельства, которые лежат вне рамок наших компетенций... наших профессиональных сфер, я хочу сказать – пусть примут решение. Там же есть военные, не у нас.

- Вмешавшись, Супремакорд потребует отчетность. А вдруг окажется, что что-то было сделано неправильно. Что тогда? Все свалить на мистера Ардьона? – заместители были в особой среде, где Ардьон не мог услышать их разговоров. – Все равно предъявят претензии. Ведь если была проблема, и Ардьон ее не решил – тогда почему мы не сообщили? Проявили равнодушие к делу, непрофессионализм. К тому же, под нашей ответственностью живые. Не только техника.

- К счастью, нет погибших.

- Не хватало еще этого! Если появятся погибшие – это же такой скандал. Одного-двух еще можно списать на несчастный случай или само... Здесь может быть много.

- Коллеги, не волнуйтесь крайне! Всем коллегам мы разослали официальные указания, как себя вести. У всех они есть, кто не смог эвакуироваться, и это важно! – сказал мистер Ги почти веселым тоном. – Если кто отклоняется от указаний, он нарушает внутренний распорядок, установленный чрезвычайно...

- А почему все случилось чрезвычайно? Кто несет ответ-

ственность? Не простые ведь сотрудники, и даже не руководители групп!

- Не нужно всполохов, коллеги! Пусть они горят на полюсе. Или везде. Я о другом. Конечно, высшее руководство имеет ответственность. Но за работу боевых систем ответственности нет! Я это хочу сказать.

- Гис, Вы всегда могли утешить любого. Но что-то нужно делать, определено. Давайте решать что делать, без привлечения Ардьона. Пусть он завизирует разумное решение. Надо найти это решение, без всяких блоков!

Заместитель хотел сказать: без компьютеров и систем. Они решили не покидать тот зал, пока не будет достигнут консенсус относительно действий в ближайшем будущем – такой, что все было предельно разумно. Мистер Чизльвитнар, при всех своих деловых качествах, не имел тесной связи со специальными службами Гардиса, остальные тоже были в стороне от этой сферы, и не имели знакомых в Супремакорде. Один был знаком с одной древней фамилией – из числа тех, которые в классовых обществах зовут аристократическими. На Гардисе нет настоящих социальных классов, всем доступны широкие возможности и права, финансовый капитал целиком принадлежит государству и не имеет никакого политического влияния. Есть большие промышленные дома, есть действительно богатая элита, но в состав элиты входят не по имущественному статусу. Так сложилось давно, еще в первые века основания цивилизации. Гардис очень

гордится своей общественной системой, при которой элиту создают фамилии с наиболее высокими достижениями. Понятие «аристократия» присутствует, но никогда не используется в общественной сфере. Это особая фамилия, семья... никто из заместителей Ардьона не имел близких связей с такими семьями. Поэтому решили дать сугубо официальный запрос-разъяснение с указанием только голых фактов. Автоматическая боевая система не способна эффективно решать задачи в сложившейся обстановке; нужны настоящие специалисты из числа опытных ИВР. Запрос показали Ардьону, он тут же велел отправлять.

Гардис ответил: специалиста пришлют. Только одного? – заместители были в легкой растерянности, однако после краткого совещания решили, что опытный командир боевых систем, безусловно, одолеет неразумную биоту. Допускать присутствие на Р-8 организованных преступников они отказывались; а если нет преступников (с живыми умами), для чего же тогда отправлять ИВР-сотрудников сил специального назначения? Все сочли решение Гардиса весьма оправданным.

Чтобы не терять зря время, геологи решили возобновить научно-разведывательную работу – без глубокого внедрения в грунт, без использования больших машин. Литосфера Р-8 находилась в постоянном движении, регулярно появлялись образования, которых еще не было пятьдесят, сорок или да-

же десять лет назад. С учетом размеров Р-8 и малого числа постоянных исследователей, даже на поверхности можно сделать открытия геолого-географического характера. Грунт поднимается и проседает, под ним формируют мелкие рифты, полости или, напротив, уплотнения. Такие открытия по большей части имеют исключительно академическое значение, тем не менее их поиск как раз составляет основу работы многих ученых. В лагере были мощные грузовики и стационарные аккумуляторы с большим запасом заряда. Однако использовать их для перемещения геологи не хотели. В текущих условиях для исследования поверхности необходима быстроходная техника – гравитационные мотоциклы или колесные внедорожники. По регламенту добывающей службы такая техника отсутствует в штате рабочих геологических групп. Все молодые сотрудники, включая Ориента, никогда не имели колесных машин – как, впрочем, и мотоциклов, которые полагались лишь исследователям с громкими достижениями. На весь лагерь набралось всего два мотоцикла и один полувнедорожник. Их решили беречь и практически не использовали. Планетарная связь не работала в личных планшетах. Собственные антенны обеспечивали связь в радиусе нескольких сотен километров – этот периметр обозначили как критический, за который нельзя выходить до окончания чрезвычайного положения. Строго предписывалось ни в коем случае не покидать лагерь по одному, только в составе группы. Геологи проходили двадцать-тридцать

километров и возвращались; они двигались по черным теньям древних скал, каменных извилин и гряд, вдоль больших каменных обломков. Двигаться по открытому пространству долго они избегали. В качестве вооружения у них были геологические молотки, заостренные на другом конце, а также тяжелые стержни. Их в шутку называли палицами. Мастерить настоящее холодное оружие было негде и не из чего – геологи не хотели портить эвакуированную технику. В лагере действовало предписание предельно беречь материальную часть. У некоторых взрослых ИВР были настоящие бластеры.

С близкого расстояния бластер легко разбивает туловище кремниевого клопа и паука. У змеи и змеевидных существ есть участки со слабой защитой. При этом основную часть туловища покрывает настоящий панцирь. Он не идентичен хитину или роговым чешуям, однако действует сходным образом. Он имеет способность к регенерации, хотя и не быстрой. Часть раненой биоты постоянно отползает и отнюдь не всегда распадается по дороге. Биота поглощает только очень поврежденные формы. Несколько раз такое скопление удавалось сжечь или раздавить до того, как юркие объекты поползут по корпусу. Происхождение биоты не слишком удивляло: встречаются планеты, где весь биоценоз основан на превращении и круговороте кремния, где встречаются и подвижные, и прикрепленные формы, подобные растениям. По оценкам специалистов их строение и метаболизм гораз-

до проще, чем у растений на основе углеродных полимеров. Кремниевая фауна существует довольно далеко от системы Гардиса. Теоретически, биота могла попасть сюда извне, но едва ли она стала такой агрессивной и развитой в результате долгой эволюции. В более ранних, а также древних академических источниках ничего не говорится о змеях, ящерах и пауках Р-8. Это означает, их просто не было тогда, в ту далекую эпоху; их увидели лишь теперь. Вероятно, существует портал; для его обнаружения нужно совершенно особые знания, которыми обладают лишь избранные представители Гардиса, эти знания составляют государственный секрет. Кроме того, для их прямой реализации, т.е. управления порталом, осуществления других сложнейших операций с энергией и материей ИВР должен достичь весьма высокого уровня интеллектуального развития. Таких лиц геологам доводилось встречать и даже иногда работать с ними. Говорили, что рядом с ними любой экран сияет ослепительно – настолько высок их индивидуальный уровень. В последние дни Ориент совсем не думал о профессиональных баллах. Он решил пока не уходить далеко от лагеря и присоединился к группе аналитиков, которые оценивали различные статистические данные. Ориент просматривал таблицы лежа, не покидая своего места в капсуле. В определенный час он неторопливым шагом двигался в сторону ближайшей капсулы, где работал общий компьютер, передавал свои расчеты и делал краткие комментарии. Затем он возвращался и

вновь лежал. Неожиданно он научился переводить свое тело в состояние пониженной метаболической активности – это не апатия или упадок сил, это целиком осознанное действие. В различных условиях требуется долго экономить внутренние силы и заряд, находиться в засаде, пережить буйство стихии. ИВРы Гардиса не обладают такой способностью при рождении и приобретают ее только в процессе индивидуального развития. У Ориента не было мысли о том, что он становится лучше. Все сложилось как-то само собой. Ориент решил экономить силы, поскольку такова было рекомендация самых старших коллег. И ему не было скучно.

К юго-востоку от плато находилась территория с весьма изрезанным ландшафтом. Длинные извилистые углубления, похожие на русло реки, окружали холмы и холмики, чей возраст насчитывал миллионы лет. Когда-то здесь бушевали лавовые поля: горячие потоки текли на много десятков километров от большого мантийного плюма. В составе той лавы было много сверхтекучих газовых соединений. Во многих областях поверхность проседала от лавовых потоков, и образовывались русла. По мере испарения потоки сгущались, их твердая фракция оседала на дне, закрепляя его очертания. Тот плюм давно уже не извергает лаву. Часть лавовых потоков соединились с древней породой, образуя возвышенности, ступени, каменные террасы. Химический состав сверхтекучей лавы известен, однако он неоднороден и в ряде случаев может указывать на любопытные особенно-

сти. Спустя неделю после прибытия Ориента геологи решили исследовать грунт в разных местах той зоны. Их сопровождал небольшой гравитационный модуль, издавлек напминавший дыню – его обшивка была составлена из множества сегментов с выпуклым рельефом. Все вместе сегменты создавали параллельные и переплетенные морщины, совсем как на дынной кожуре. И форма аппарата была очень похожа; на аппарате были лишь небольшие выступы, издавлек они совсем не видны. Аппарат мог передвигаться вдоль поверхности земли на высоте одного-двух метров. При посадке он выпускал коротенькие опоры. Внутри почти все была занято аппаратурой. Часть исследований стоило бы провести в большой лаборатории, но ученым уже теперь хотелось действовать. Ядовитые жидкости плескались при движении в герметичных сосудах, ничего не проливалось. Опыты проводили лишь во время остановки аппарата. На полу можно было расстелиться коврик или бросить одну две подушки. С относительным комфортом там мог лежать только один высокий ИВР. Ученые решили отдыхать по двое для большей надежности. Вдруг с одним что-нибудь случится, а аппарат изнутри заблокируется? Ученые решили спать по 4-6 часов. Все остальное время они работали или прятались в тени. На открытых местах солнце весьма обжигало, это чувствуется даже сквозь скафандр. Ученые заранее утвердили план и договорились, что будут здесь находиться неделю. Они не планировали контактировать с биотой, даже если она появит-

ся. Геологи полагали, что биоту привлекает только крупные скопления техники и аппаратуры (надо сказать, эти данные основывались на единичных собственных наблюдениях, все остальное удалось узнать из обрывочных сообщений извне; вероятно, эти косвенные данные не вполне точные). Геологи так подумали, но затем решили не бояться. Они исследовали две зоны, подняли модуль вверх на каменную террасу. Оттуда открывался неплохой обзор. На востоке стояли рыжие горы с примесью серо-голубого, на юге они казались просто серебристыми. До настоящих гор далеко. Общая связь не работает. Мелькнула точка: сперва она поднялась на террасу, вздрогнула – и оказалась на холме поблизости. Там она задержалась на полминуты и как будто съехала вниз. Затем вернулась. Точка резко взлетела и оказалась уже довольно далеко. Она стала прыгать по террасам, не опускаясь.

Геологи тут же спустили модуль вниз. Посоветовавшись, они решили понаблюдать. Самый смелый на полусогнутых ногах прошел по шершавой тропе до выступа. Модуль с коллегами оставалась внизу, в узком пространстве между холмами. Пожалуй, это не очень удобное место. Но модуль в любом случае не способен быстро маневрировать. Геолог поднялся и сел, и посмотрел осторожно. Точка прыгала как живая, однако в ней явно видно мерцание аппарата. Довольно скоро появились общие очертания. Это гравитационный мотоцикл.

- Тут же рядом – вернее, не здесь рядом, в другом полуша-

рии – фирма «...с» испытывала свои внедорожники. Наверное, это оттуда. Испытатели любят прыгать. Но здесь большие расстояния. Он не сможет перепрыгнуть их все.

Мотоцикл разгонялся и несколько секунд парил в сторону соседней террасы или каменной ступени. Его гравитационная тяга требует твердой поверхности внизу. Над провалом гравитационная тяга двигателя резко падает или исчезает совсем. Оказавшись над провалом мотоцикл, в отличие от корабля, не сможет маневрировать. Но он способен разогнавшись перепрыгнуть провал. Геологи не без интереса следили за скачущим мотоциклом. Его водитель должен иметь значительный опыт, поскольку здесь совсем не учебная трасса. Руслу каменных рек покрыты пылью, которая может быть вредной для тяги. Впрочем, есть места почти без пыли; мотоцикл вполне бы мог двигаться под холмами, но ему хотелось прыгать. Водитель увидел геологов и замахал рукой. Те тоже замахали, но на всякий случай держали наперевес стержни, словно целясь. Мотоцикл съехал со склона, взлетел и преодолел последние руслу. Он остановился у холма, куда спустились ученые. Мотоцикл весьма мощный, рассчитан на двух ездовых, кроме того, к нему сзади можно присоединить гравитационный прицеп. Цифровая связь здесь не работала, однако вмонтированные устройства шлема позволяли общаться на расстоянии двух-трех шагов друг от друга. Водитель остановился и как будто развел руками.

- Вы заблудились? – спросил геолог.

- Нет, я от фирмы «...’с». Инженер-испытатель. Мне велели искать стоянку. Я слышал... вернее, были сведения. Что стоянка... А далеко?

- Всего лишь сорок километров! Как Вы себя ощущаете?

- Приемлемо! – тембр голоса слышен не очень отчетливо, но понятно, что он молодой и слегка возбужденный. – А что тут делают?

- Отбор проб грунта, анализ – геолог стал перечислять работы, и внезапно спросил: - Простите! Как вас зовут?

Водитель мотоцикла сделал гримасу, но ее из-под шлема не видно.

- Я Кэнон Лидиграсс. Если здесь научная партия, то, скорей всего, не знакомы. Я могу переместиться в лагерь.

- Да!

- А надо подавать сигналы?

- Наш модуль имеет несколько аналоговых форм контакта. Сейчас мы сообщим. Как Вы говорите, ваше имя.

- Лидиграсс! Я уже сказал.

- Минуточку. Передали! Там сейчас проверят.

- Скажите, а в вашей стоянке – в вашем лагере – собрались какие специалисты? Геологи одни?

- Не только, но все связаны с геологоразведкой и добычей. Из фирмы «...’с» никого. А Вы...

- Понятно. Я отстал. Я отстал, так получилось. Эвакуация когда намечена?

Об этом никто не мог сказать. Кэнон опять сделал неза-

метную гримасу. Модуль принял ответ: «мы рады принять наших коллег и сограждан...». Остальное Кэнон не стал слушать. Он не ушел и не выключил связь, но нарочно стал что-то напевать себе, и не слышал слов. Геологи объяснили, как добраться до лагеря, это совсем близко. Тем более на таком хорошем средстве! На боках видны царапины, даже трещины и мелкие впадины. Кэнон махнул рукой. Геологи продолжили свои работы.

После прыжков мотоцикл почти совсем разрядился и мог двигаться лишь по ровной поверхности нескоро. Кэнон доехал до подъема на плато, затем слез и отправился пешком. В лагере он сразу стал спрашивать о возможности подзарядки. Ему не отказывали, но перемещать тяжелые блоки было довольно трудно – их закрепили на грунте. Кэнон подумал, подумал и решил толкать мотоцикл вверх на руках. Он выключил двигатель совсем. Осталась только тяга, благодаря которой мотоцикл не касался земли. При этом он был очень тяжелый. Кэнон дотолкал его четверть пути и увидел, что подъем становится круче. Он обернулся и громко сказал небесам:

- Дыня! Сидят там в своем арбузе, ждут, когда их загрызут клопики. Могли бы сразу сказать! Но кого тут просить, если они неподвижно встали. Тьфу, ведь есть же портативные станции, зарядные модули. Надо пойти попросить кого-нибудь. Чтоб он толкал. Не за деньги, а за что-то.

Он вернулся в лагерь, стал ходить везде и вдруг увидел Ориента. Ориент только что относил отчет. Кэнон узнал его

по цветам скафандра. Он подошел, назвал имя и фамилию. Это я, подтвердил Ориент. «А это – я!» сказал Кэнон. Его голос казался Ориенту странным. Они поговорили, и вскоре Ориент убедился: это действительно Кэнон. Кэнон стал говорить о сногшибательных гонках и вездеходах, затем спросил, не мог бы Ориент ему помочь. Ориент согласился. Они спустились и вместе дотолкали мотоцикл до лагеря. Пока они шли, они все время разговаривали.

- Где мы его оставим? Возле твоей капсулы? А, ты же сказал, у тебя нет теперь своей – пришлось оставить, и они пропали. А большая была змея? Нет, я видел гораздо длиннее. Метров сорок или около того. Она провалилась под грунт практически плашмя. Когда она ползла, на ней ехали мелкие твари. Так куда ставить? Ко всем? Понимаешь, я не хочу ставить со всеми, это личный аппарат. То есть он не совсем личный, не частная собственность, но я его взял под свою ответственность и не хочу... Нет, наверное перед фирмой не надо будет отчитываться. Они же сами сдунули и оставили... Не все, конечно, что они дураки? Но осталось много? Кто у вас тут руководитель? У него, конечно, не те полномочия. Но я мог предложить. Есть одна мысль. Только она очень смелая! Я не знаю, кто кроме нас согласится. Здесь все ученые? Геологи! Сидят там в своей дыни. Я как увидел... просто какой-то надувной шарик висит вблизи камешков. А внизу похож на дыню. Ну ладно.

Кэнон ходил, осматривал жилые уголки, и никак не мог

выбрать, где ему остановиться. Ему нигде не нравилось, открыто он об этом не говорил. Обойдя лагерь четыре раза, он решил устроиться в кабине робота-грузовика – того самого, которым командовал Ориент. Ориент нисколько не возражал, он лишь заметил, что в кабине ему было тесновато, а ведь Кэнон выше ростом. Кэнон заверил его, что поместится. Робот полностью отключил все консоли, поэтому задетые кнопки и рычаги ничего не запускали. В итоге Кэнон устроился следующим образом – спиной уперся в одну дверь, а ноги вытянул до другой двери. На сиденье обе они не помещались, поэтому он подставил пластиковый короб. В таком он виде он сумел заснуть. Мотоцикл оставили вблизи больших неподвижных машин. Время от времени мимо пробежали шустрые маленькие роботы, мотоцикл откликался им бледным светом индикаторов, расположенных в нижней части корпуса. Это означало, он не разрядился окончательно. Проспав больше 12 часов, Кэнон вместе с Ориентом потащил мотоцикл на зарядку, после это вновь сел в кабину и ощутил голод. То, что употреблял Ориент, Кэнону не понравилось; но больше ничего другого не было. Зевая, Кэнон что-то проговорил о консервированных плодах и ягодах, которые остались на базе испытателей – внутри кузова машин – которые остались на Р-8 – их не увезли, но можно... Он подвигал плечами и вновь отправился спать на двенадцать часов.

После второго сеанса сна он стал двигаться гораздо резвей. Кэнон вновь спросил Ориента, чем занят лагерь и сде-

лал замечание о мудрых черепахах на скале, которые не спешат и поэтому не падают, а кроме того, постоянно получают что-то свыше. Ориент сказал, что летающий транспорт сейчас не приходит.

- Нас тут бросили. Насколько? Долго ведь с таким оснащением не просидишь. Эти мудрые черепахи... как в сказке. И вообще. Ориент, что тут можно поделаться?

Ориент опять стал рассказывать, Кэнон его прервал:

- Одно и то же. А нельзя узнать, что происходит вдали?

- Центр управления не дает нам точной информации. Только самые общие сведения. На мой взгляд, даже они – почти не...

- Пойдем, посмотрим – может быть, можно узнать побольше.

Кэнон повел Ориента к модулям, где вели совещания главные инженеры. Ориент вдруг опомнился и сказал, что не проверял свою группу – она, как и большинство техники, сейчас неподвижна, но он проверял ее каждый день. Кэнон сказал, что придет туда. Он вошел один в модуль, безо всяких предварительных согласований. Внутри он пробыл недолго, а потом пошел к Ориенту. Кэнона не выгнали, лишь удивились; в своей привычной манере Кэнон начал говорить, бодро и даже слегка развязанно, и с ним тоже заговорили. Однако Кэнону не удалось узнать почти ничего нового. По косвенным данным происходят боестолкновения между биотой и автоматическими силами. Подробности

скрыты. Кэнон сказал:

- Это главное, что могут сообщить. Что нет никаких подробностей. Мы и без них могли догадаться, что идет возня! Ты видел большие формы? Я тоже близко не видел. Я видел издали, но, конечно, не стал подъезжать. Слушай, Ори, я не верю, что здесь одна биота. Подумай сам: столько мусора из-за биоты. Вздор! Никакой улей на это не способен. Я что-то слышал про улей. А ты?

Ориент поразмыслил немного.

- Я не слышал. Я думаю, в основе здесь нечто рукотворное, возможно, неясной – или даже сверхъестественной природы. Но это не настоящие войска. Да что там, при настоящей войне нас бы смели! Мы же не имели ни боевых частей, ни обороны. Значит, здесь слабее. Но что-то непонятное.

- Я тоже думаю, что тут дрянь. Пока она не выросла, нужно – что? – он повернулся и посмотрел. Рядом неподвижные корпуса, и дальше – тоже машины, блоки, выведенные из работы. Сотрудников ИВР не видно. – Здесь явно есть секрет, Ори. Скажу по секрету – когда гоняли в том полушарии – по песку в каньоне – цифровой эфир постоянно фиксировал помехи. Разные такие – ритмичные, простые звездные, дрожательные, дурно-аппаратные, совсем балдеющие. Одним словом, барахло, которое есть при слабой защите. Так всегда бывает на открытом пространстве. Но несколько раз – раза три или четыре точно – система вдруг выдавала: повторите вопрос. Я думал: дура, я ничего тебе не говорил. А она по-

вторяла запрос в разные часы и дни. И у других было тоже, я слышал, я точно могу сказать! Тогда на это не обратили внимания. А сейчас я думаю: это же могли быть чьи-то приказы. Наша тонкая аппаратура смогла перехватить слова, просто система не поняла, к чему они относятся, потому что плохо соображает. Раз аппаратура фиксирует. Где-то явно есть управление. А может быть – нечто мощное. Если это обнаружить, можно... многое понять.

Ориент нахмурился под шлемом.

- Признаться, я не замечал такого, ни разу!

- Конечно! Здесь вам не там! Там другой сектор. Там есть горы с очень длинными ходами. Это сектор – он назвал координаты. – Вспоминай сам! Пещеры!

- Да, я помню, там есть горные лабиринты. Ты думаешь, биота сидит там?

- О, нет! Оттуда ничего не вылезало. Я там не был. Но, наверное, нет. Там должно быть нечто ретранслятора или управляющего блока. Не висит же это в воздухе? Программа должна зацепиться за материальную субстанцию.

- Ты предлагаешь туда поехать?

- Ну. Да.

Ориент ощутил прилив волнения.

- На мой взгляд, это авантюра.

- Авантюра?

- Да. Двигаться туда – как, на чем.

- Очень просто – сели вдвоем и покатили.

- У тебя есть чем отстреливаться?

- Ты что, хочешь близко обниматься с ящерами?

- Это гадость. Я имею в виду... и слова – и мысли. Зачем все это надо?

- Очень просто. У вас еще не сообразили – и не сообразят. У вас не знают. Фирма уже смоталась и вряд ли сообщила... ну да, как она вам сюда сообщит. Один мотоцикл проскочит. Потому что эта дрянь нападает, когда всех много. Когда много техники, много машин. Когда они движутся. Если стоят – вроде бы не нападают. У вас-то все двигалось? Ну вот! А – город? Там, наверное, другая причина, почему они полезли в комплекс. Всюду хитрости. Вдвоем мы могли проскочить, забрать – и отскочить!

- Что забрать?

Кэнон хмыкнул в шлеме.

- Ты совсем боишься!

- Я... почему я должен соглашаться?

- Пожалуйста, не должен! – Кэнон повернулся и куда-то пошел. Больше он не спал в грузовике ни разу. Больше дня Ориент его совсем не видел. Ориенту казалось, Кэнон на него обиделся, хотя и не было никакой реальной причины. В самом деле, для чего придумывать авантюры?

Из-за отсутствия доступных источников воды добычу сырья на Р-8 вели сухим способом, стремясь минимизировать использование сильных кислот, щелочей и других соедине-

ний в промышленных масштабах. Добыча осуществлялась малыми партиями. Растворение грунта велось только на обогатительных комбинатах, расположенных между тридцатым и сороковым градусом восточной широты, там, где была возможность увода ядовитых жидкостей глубоко под грунт. В этой зоне располагались особые геологические пласты с высокой проницаемостью, местами они напрямую соприкасались с верхними магматическими реками. По расчетам специалистов, в процессе диффузии и под действием силы тяжести растворимые фракции постепенно достигают магматических рек и теряют там все свои опасные свойства, поскольку их материал целиком поглощается магмой. Обогатительные комбинаты работали в автоматическом режиме, простой ремонт и наладку осуществляли специальные аппараты. Сотрудники-ИВР управляли комбинатами дистанционно. Время от времени цифровые блоки выходили из строя. Их не ремонтировали и только заменяли новыми. Правила строго запрещают создавать на Р-8 полигоны переработанных отходов. Из испорченной и старой техники вынимали все цифровые элементы, узлы с редкими соединениями и некоторые цветные металлы. Остальное сбрасывали в старые шахты. Прибывший военный командир предположил, что агрессивная биота имеет гнезда вблизи таких зон, поскольку там могут оставаться привлекающие элементы. В тот же день корабли и летающие модули обследовали несколько таких участков. Никакой активной биоты обнаружить там не удалось.

Роботы опускались в шахты, проверяли грунт, тревожно щупая его особыми усиками. Голова роботов-исследователей была похожа на доброго мультипликационного муравья. Туловище было разным. Командир установил на корабли специальные портативные блоки, поэтому связь между кораблями была мгновенной. В главном комплексе говорили, эти блоки стоят на платформах внешнего периметра и работают без специальных усилителей. Командир сам заходил в шахты, держа в одной руке боевой автомат. Он видел пристально и далеко, замечал то, чего не могли разобрать электронные глаза; все же, и он не заметил признаков активности. Он велел переместить ближе к центру, на который велась атака. Корабли шли на предельно малой высоте, роботы шуршали. Створки были открыты. Система постоянно об этом напоминала, но не включала аварийный режим, поскольку командир ей запретил. Внизу возникло шевеление. Командир дал приказ:

«Неподвижно»

Брызги! Сухой фонтан ударил со стороны земли.

Куски грунта прошли мимо бортов, слегка задели внешний корпус. Командир заметил область под песком. Он выпустил гранатометный заряд. Раздался взрыв, густая масса взлетела и тут же стала впитываться в грунт. Командир успел ее заметить. На западе заметались. Из автомата командир застрелил несколько ящеров. Он решил не брать образцы и приказал аппаратам двигаться. Эфир напряженно ло-

вил чужеродные сигналы. Среди внешнего шума могли быть спрятаны указания для ящеров и змей. Командир хотел понять, насколько глубоко змеи могут погружаться под грунт. В определенных местах видны полости-провалы с гладкими или изрезанными очертаниями. Туда неоднократно посылали маленьких роботов – те либо исчезали, либо полностью теряли ориентацию и их самих приходилось вытаскивать (это удавалось лишь в том случае, если к роботу был привязан тросик). Биота оставляет после себя вредный фон, который сбивает настройки. На ИВР этот фон совсем не действует. Командир приземлился юго-западнее комплекса, который был недавно атакован. Внутри комплекса было всего три сотрудника. Ардьон лично уполномочил их оставаться, но не покидать особо укрепленных зон, с плотными стенами и магнитными замками. Командир в полном одиночестве обошел комплекс. С ним не было боевого сопровождения, его голова вращалась совершенно свободно. Он снял шлем и мог ходить так довольно долго.

Он вошел в комплекс и, не обращаясь к местным ИВР, сразу прошел в центр связи. Там он дал запрос на прибытие второго батальона, который стоял в обороне.

Начальники были очень удивлены и попросили кратко объяснить. «Первый потрепан. Третий только прибыл. Надо начинать немедленно», ответил командир.

Начальники – заместители Ардьона быстро посоветовались.

- Ладно, пусть берет. Все равно пока нет атак. А что, если снимет оборону – и атака произойдет? Такое бывает только в сказках. Этих тварей рядом нет. Но почему он не хочет третий?

- По регламенту требуется адаптация. Эти КОБы – простите! – системы, стояли в открытом космосе и сейчас в них идет внутренний осмотр. Сразу бросать в атаку в иной среде нельзя. Таковы правила.

- Надеюсь, нам прислали ремонтные аппараты?

- Да, прислали. Комитет Супремакорда велит заботиться о таких системах ежедневно, ежечасно, ежесекундно. Разумеется, там правы. Я только не понимаю, коллеги, для чего – прислали это лицо? Неужели не было никого... посимпатичнее?

- Воинов выбирают не по лицу. Ведь у нас не просят на него смотреть? До сей поры разговаривали только дистанционно.

- Но он только-только прибыл.

- Я надеюсь, так и дальше будет.

- Коллеги, все предельно ясно и лишено загадок! – сказал мистер Ги. – Это лицо не из нашей звездной системы, не из Гардиса. При этом он знает все культурные и технологические аспекты. Основные, разумеется. Это профессионал, Гардис заинтересован в профессионалах, способных реально воевать и которых никто не будет печалиться. Кто печалится о совсем чужих? Только добренькие глупцы и очень, очень

наивные гении. Последние крайне редко встречаются. Мнение первых неинтересно. Поэтому, коллеги, все понятно.

- Как бы он с таким лицом не устроил нечто бандитское. Среди бандитов ведь – знаете?

- Да, там есть. Но там есть и нормальные, я хочу сказать, не такие дикие, и даже совсем не дикие на вид. Откуда он, посмотрите.

Начальники не сочли необходимым просматривать личное дело воина, который прибыл по их запросу. В свою очередь, воин сразу приступил к работе и сказал лишь несколько стандартных фраз. Судя по всему, он не хотел много разговаривать с руководителями комплекса. К другим ИВР он также пока не обращался. У него, в отличие от жителей Гардиса, было два энергетических ядра – малое и большое, которое выполняло функции сердца. Он умел подолгу находиться без шлема в разреженной атмосфере, и его физиология имела ряд дополнительных способностей. Как и жители Гардиса, он имел антропоморфное строение, однако форма головы была особенной: лицо как у пса породы маламут, во рту видны настоящие клыки, а кожа покрыта чем-то, напоминающим густую шерсть. В довершение ко всему он имел на голове особые слуховые структуры (акустифы), которые стояли торчком. Среди жителей Виатерры с определенным морфотипом акустифы встречаются довольно часто, у тех, кто имеет человеческую структуру головы, акустифы, как правило, отсутствуют. Командир был родом с Виатерры, но уже

довольно давно работал за ее пределами. Сначала он был воином-защитником в одной системе, затем получил приглашение от Гардиса. Начальники Р-8 не могли сказать, сколько ему лет, да и не интересовались этим. Они демонстративно показывали, что не имеют с ним ничего общего. Правда, он этого не видел.

Получив третий батальон, воин сразу начал действовать. С высоты он заметил участки, где биота явно выедала породу, оставаясь незаметной для цифровой техники. Ее движения различимы для глаз ИВР с близкого и среднего расстояния. Воин определил места, где возможно движение. Сидя на гигантских змеях, биота движется довольно медленно. Он велел синтетическим бойцам атаковать те точки, которые он сам укажет. Он оставался на высоте, смотрел в бинокли и просто так, затем быстро набирал команды. Гигантская змея выпрыгнула и разлетелась на куски. Во все стороны с нее посыпались клопы, пауки и многоножки. Аппараты били плотно по указанным зонам. В результате биота утратила координацию. Клопы стали носиться подобно обычным насекомым, падали в расщелины, застревали. Если рядом проезжал гусеничный робот, они уже не пытались на него залезть. Основную боевую опасность составляли ящеры и большие змеи. Батальон уничтожил несколько больших змей и все атаки на комплекс прекратились. Однако заместители Ардьона почти не обсуждали тактику, которая принесла успех; почему-то их очень занимала внешность военного командира. Вновь и

вновь они вспоминали авантюристов с лицами и ушами как у диких зверей. Акустифы командира были невысокие, их нижняя часть целиком окружена волосами, тем не менее они отчетливо видны. Воин имел «дикий вид», т.е. лицо дикого зверя. Кто-то из начальников сказал: хорошо хоть, что не ящер и не со змеиной головой.

- На Виатерре таких типов всегда считают альтерантами. Собственно, все альтеранты и произошли от них. Биоэнергетический субстрат можно менять самым разным образом, даже не используя сложных программ. Это почти рисование на компьютере. В результате хозяин инкубатора делает себе альтерантов самых жутких форм.

- Это довольно глупо – демонстрировать свою сущность открыто. Получается, они раскрывают сами себя раз за разом. Впрочем, их скорей всего используют для низовой работы – бросают вперед, чтобы убить, разрушить или напугать, а сами... Коллеги, с этими альтерантами, действительно, могут быть проблемы.

- По счастью их нет.

- Здесь их нет, а в других местах. Кроме того, разве нет вырожденцев на самой Виатерре? Они по-прежнему воспроизводят дикие лица. Они им нравятся, что ли?

- Очевидно, им нравится разнообразие. На Виатерре часто объединяют разные варианты в ходе биоэнергетического обмена, когда сдают свой материал в репродуктивных целях. Это повышает жизнеспособность будущих ИВР.

- Кажется, у нас делают то же самое. Но у нас нет таких физиономий.

Боевой командир оставался у второго комплекса. Он ожидал атак и одновременно проводил разведку. В двух местах он обнаружил обглоданные остовы наземного транспорта – там отсутствовали все полимерные и цифровые части, каркас целиком был покрыт следами когтей, краска местами сохранилась. Отпечатки на земле были симметричные и неглубокие, они уходили к сыпучим поверхностям и исчезали там. Можно было предположить, что биота ныряет в песок. По наблюдениям широкие стопы имеют только кремниевые ящеры, они способны двигать пальцами и, скорее всего, обладают расширенной программой действий. Однако воин видел, как после сильных повреждений ящеры теряют всякую способность к вариативности, они не стараются спастись или спрятаться. Главный Комплекс спросил, может ли он сейчас начать операцию по освобождению комплексов на западе. Воин подумал и написал: нет, необходимо оценить ситуацию возле добывающих комбинатов. Они законсервированы, написал главный комплекс. «Для врагов это не препятствие», ответил командир.

Ардьон и его заместители дали несколько предписаний воину, однако он, видимо, не намерен им следовать. Из этого мог бы возникнуть скандал, поскольку воин находится на официальной службе Гардиса, а руководители Р-8 как раз и представляют Гардис; заместители уже начали что-то писать,

но Ардьон вдруг сказал: распоряжение комитета изначально имело позицию о полной свободе действий и риска. Это означает, воин должен воевать по своему усмотрению, без консультаций с гражданским руководством Р-8. Заместители слегка возмутились:

- Что же, ему вообще ничего сказать нельзя?

- Он получает общие вводные и должен их выполнять. Детали – уже его личное дело.

- Мистер Ардьон, но разве освобождение Центра – это не важная задача.

Ардьон нахмурился и написал:

«Его дело – уничтожить агрессивную субстанцию там, где у нас не получается. Мы же сами в этом признались. Да – предписание не вмешиваться. Но – можно осуществлять контроль. Это по правилам. Стоит фиксировать его ошибки, чтоб в случае больших провалов прислали нового».

Кто-то произнес громко:

- Неужели будут провалы из-за этой дряни?

Ардьон постучал по клавишам:

«Следите за речью. Ситуация до конца не ясна. А раз так, нельзя оценить глубину проблемы. Многое возможно, поэтому мы должны сохранять здравый смысл и самообладание»

- Выслать следом наблюдателей? – «Да», ответил Ардьон.

Воину сообщили, что для укрепления его батальона главный комплекс отправляет инженеров и кибернетиков, для

возможного ремонта или наладки аппаратов. Те ИВР действительно были инженерами в области роботизированных систем, однако предпочитали работать дистанционно. Они печатали, чертили, рисовали на экране, а непосредственно рабочие операции выполняли роботы. В принципе они могли выполнять эти действия сами, вручную, испытывая при этом брезгливость. Комплекс выбрал шесть инженеров. Их возглавил давний знакомый Ардьона мистер Броуи Массик. Последние два года он работал на Р-8 по личному приглашению и мог уехать в любой момент. Массик был астроном и специалист в области космической связи. Он хорошо знал фундаментальную физику, знал принцип работы боевых лазеров и автоматов, однако сам не любил стрелять. Ардьон секретным предписанием велел ему записывать все необычные и спонтанные действия боевого командира. У него было воинское звание, и именно так к нему обращаясь, предварительно добавляя слово «сэр» (в переводе на разные языки оно имеет именно такой смысл. В старинных книгах так называют благородных рыцарей – а также вообще всех рыцарей). Воину с Виатерры сообщили, что его отряд поддержат высококвалифицированные сотрудники. В тот же день прибыл борт с повышенной прочностью. Массик очень кратко поздоровался и сразу стал говорить о важности военного дела, в котором всегда должно быть место благородству, и тот, кто выбирает этот путь, внутренне тяготеет к высоким целям. Или же он лицемер, карьерист, склонность к наси-

лию часто хотят институционализировать – именно так сказал Массик. Боевой командир лишь пожал слегка плечами. Массик принялся хвалить славных защитников Отечества, без уточнения, о каком отечестве идет речь. Скорей всего, он хотел выразить свои мысли в общем виде. Он говорил, а инженеры стали быстро рассматривать боевые порядки. Воин это заметил и как бы невзначай пошел к одному, и на ходу кивал головой, как бы соглашаясь с Массиком. Как и мистер Ги, Массик любил развернутые разговоры и, предаваясь им, часто не замечал окружающих. Неожиданно он заметил, как рядом с ним выросла боевая рука, держащая автомат. Робот стоял неподвижно. Массик слегка отклонился и продолжил говорить. Он хотел, чтобы воин отвечал ему также длинно, но воин совсем молчал. Вблизи него инженеры переставали фотографировать открыто. Воин их видел, но не присматривался подробно, лишь одному ИВР он посмотрел прямо в лицо, но сразу же отвернулся. Массик уже начал говорить о вечной борьбе добра с пустотой. Он мог прочесть наизусть и современные статьи, и старинные философские трактаты.

- Я надеюсь, у коллег будет занятие по специальности – ровным голосом сказал воин.

- Вы не любите концепцию динамического равновесия? А что тогда вам нравится?

- Я вас слушаю.

- Движение и преобразование без потрясений часто рассматривают как величайшую ценность разумных систем, но

для ряда случаев... Вы с этим не согласны?

- Я сейчас думаю о другом! – сказал воин.

Теоретически его можно было упрекнуть в том, что он не слушает Массика (Массик заметно старше его по возрасту). Массик всегда избегал ссор. Подумав несколько секунд, он спросил:

- Простите, сэр. С этой развязанной не нами борьбой появляется куча мыслей, идей, волнений и трат, а простые вещи ускользают из фокуса нашего внимания. Вы сказали. Верней. Как вас зовут?

- Мое имя Гайзер.

- Ну да, вы сказали только что. Вы не родственник писателя?

- Какого именно?

- Вам лучше знать! Среди тех, кто путешествует и ведет борьбу, порой встречаются писатели, даже – часто. У вас на Виатерре не так?

- Я хотел бы направить фокус вашего внимания на один объект. Он входит в перечень законсервированных предприятий, в нем работа остановлена. Между тем, косвенные – и даже прямые данные указывают на то, что внутри идет работа. Я предлагаю подойти к той зоне вплотную. Поскольку если там находятся враждебные силы, это может иметь большое значение. Я предлагаю идти пешком.

- Как, такое расстояние?

- Эти объекты ловят сигналы кораблей, даже самые сла-

бье. В батальоне есть колесный и гусеничный транспорт.

Массик с инженерами вынуждены были сесть в маленький кузов, откуда со всех сторон смотрели роботы-пулеметы. В кузове можно было держать изрядный боекомплект, который пулеметы получали с помощью автоматизированных систем подачи. Сейчас кузов почти пустой. Его борта снабжены надежной защитой. Батальон прошел сто сорок миль за три часа. Впереди двигалась летающая разведка, похожая на механических шмелей. Им управлял лично Гайзер. Его фамилию Массик не считал нужным запоминать. Завод располагался в большом каньоне. Перед ним была большая взлетная площадка, но Гайзер двигался с другой стороны, по горному серпантину, в результате батальон оказался над заводом и над площадкой. По приказу роботы заняли позиции. Гайзер встал у брони, пощупал себя, а потом махнул рукой. Он словно хотел достать что-то из кармана, но сейчас все под тонким скафандром. Он подошел к бойнице, вынул из нее несколько гранатометных зарядов, опять вернулся к броне и стал разбирать заряды. Он решил смастерить бомбу с дистанционным взрывателем. Тем временем специалист в области дистанционного контроля поймал тонкие, не очень четкие, но вполне ритмические сигналы, исходящие от здания. Это означало, что внутри идет работа – при том, что комбинат законсервирован. Инженер, не говоря ни слова, написал свои соображения на экране и молча показал Массику. Массик рядом приписал: «Он, наверное, знал». Гайзер

решил делать самую простую бомбу, чтобы не тратить время. Здешняя пыль ему мешала. Он собрал два детонатора и привстал, оттолкнув ногой оставшиеся заряды.

- Есть ли на комбинате окна?

- Окна? Те, которые открываются – тех нет. Там есть створки. Завод работает с неживой средой.

- Если там есть щели или пробойны, мы запустим разведческий модуль.

- Он у вас есть?

Гайзер показал на шмелей.

- А какие-то другие? Эти стоят дорого.

Гайзер молча привязал к большому шмелю две бомбы и велел ему двигаться вверх, затем велел сделать над комбинатом различные траектории. Механический шмель-разведчик держал в специальных зажимах бомбы, маневрировал и не падал. Бомбы снижали его скорость, тем не менее, он быстро выполнял все приказы. Шмель пролетел в разные стороны над заводом, устремился на его пыльную крышу. В отдельных местах были трубы для выброса пара и других ненужных газов. Шмель пролетел мимо. Цифровые глаза передавали слегка дрожащую картину. Гайзер чуть нахмурился и стал искать хоть какие-нибудь трещины. Внезапно он увидел разлом на уровне второго этажа. Шмель сел на почти вертикальную поверхность. Внутри было темно. Шмель оттолкнулся и стал медленно двигаться в сторону разлома. Он прошел, не задев ничего. Его анализаторы

работали в нескольких волновых диапазонах, включая инфракрасное излучение. Гайзер исходил из того, что часть работающих источников дает такой спектр. Индикаторы нигде не горели. Закрытых дверей нет (весь комплекс представлял одну огромную комнату, разделенную на сектора прямоугольными арками. Часть рабочих зон находится ниже уровня земли. Камера видит силуэты и застывшую полутьму.

Подвижная линия. Шмель взметнулся. Часть линий работает на предельно малой мощности, аппаратура дрожит, находясь в неоптимальном режиме. Что-то течет. Света нет. Тени! Манипуляторы с механическими резками стали бросаться на шмеля. Но он летел высоко, к тому же манипуляторы не успевали. Гайзер решил, что враг подключился к системному блоку. Но блоки есть везде. По каткам едва ползет порода. Или это змея? Шмеля что-то толкнуло. Он сбросил бомбу без приказа. Но остался цел. Гайзер стиснул зубы. Шмель не самоустранился, он как будто испугался – хотя ему запрещено. Дальше, дальше – мелькают отдельные фигуры, все сидят на земле объекты, никто не может стрелять. Шмель врезался в экран, отскочил, завис. Гайзер велел ему перевернуться в воздухе. У катков ползут, ползут... Не видно, кто хочет атаковать. Шмель еще раз перевернулся и сбросил бомбу. Позади вырос фонтан. Шмеля подбросило и обожгло, однако он уцелел. Гайзер довел его почти до потолка. Там внезапно выросли какие-то петли, коммуникации. Шмель уцепился за них. Его нижние анализаторы пытались

разглядеть происходящее на полу, но картинка очень дрожала. Очевидно, они тоже повредились. Робот-шмель смог выбраться наружу. Он сел на пустом участке, вдали от отряда. Гайзер его выключил совсем. Он хотел подробно рассмотреть записи, но позже. У завода возникло колебание земли. Автоматы, согласно приказу Гайзера, дали несколько залпов. Колебания больше не повторялись. Но вздыбленную землю можно было видеть даже без бинокля.

- На заводе есть враги – промолвил Гайзер.

- Восстание роботов, или что. Вы хотите сказать, тупые твари захватили управление? Это... скандал.

- Я не советую никогда скандалить. Я полагаю, нужно сообщить вашему руководству.

- Сообщите лично?

- Да. Но чуть позже. Аппаратура сообщает о наличии пробоины.

Один из роботов получил повреждение во время подъема над каньоном, и теперь сломанный узел грозит целиком развалиться. Стоит заменить его как можно скорее, лучше всего – немедленно. Отряд имел массу запасных частей, а также различные инструменты, ручные и автоматические. Гайзер сам снял два листа брони, просунул пальцы, подумал, затем взял тонкий лист пластика и просунул его на всю глубину. На листе – ядовитая субстанция. Чинить стоит теперь. Здесь и еще в двух местах внутрь можно просунуть неширокую ладонь. Пробиты трубки для рабочих сред. Их стоит запаять

снаружи. Поврежденный узел можно вытащить по частям. Без него аппарат сможет двигаться, если трубки будут запаяны. Два инженера по очереди приседали у борта, прислонялись к нему и пытались запаять наощупь. Положение трубок совершенно понятно, однако работа вслепую всегда неудобная. Тем временем Гайзер аккуратно разрезал поврежденный блок, откусывал его крошечными щипцами. Часто он мог работать только двумя или тремя пальцами. Одну трубку запаляли, другая сопротивлялась. Гайзер вынул все фрагменты, затем быстро обработал фланцы и крепежи специальным герметиком. Его можно удалить на ремонтной базе. Тем временем значительная часть герметика для трубок протекла, ее пришлось извлекать специальным насосом. Гайзер работал без дополнительных перчаток. Кто-то предложил просто положить клейкую муфту. Она пристала, но вскоре отвалилась. Гайзер отобрал у инженеров клей и приклеил муфту самостоятельно. Через час герметик полимеризовался. Роботы не заметили перемещений на поверхности вблизи завода. Масик стал рассуждать о засадах. Один из больших гусеничных роботов стал двигаться к пологому склону. Его анализаторы не замечали ничего. Тем временем на горизонте возникла точка с хвостом. Хвост повернулся и стал подобен игле. Она выстрелила однократно. Заряд прошел мимо. Пока робот разворачивался, точка исчезла. Очевидно, у биоты еще оставалось украденное оружие.

- Его не должно быть много! – сказал мистер Масик. –

Как бы вы поступили с заводом?

- Уничтожить. Внешним ударом. Если там агрессивная среда, то входить туда не стоит.

- Вы слишком расточительны, сэр Гайзер! Разве это ваш завод? Чужой не жаль, конечно. Это Вы... Что вы намерены делать теперь.

- Машинам требуется профилактический осмотр - сказал Гайзер, не гляди ни на кого.

- Так вы не писатель?

- А вы не родственник художника?

- При чем тут художник?

- Мы зря тратим время. К... коллеги.

Последнее слово далось Гайзеру с трудом. Он велел роботам возвращаться, а Массик, надо сказать, и сам был рад вернуться в комплекс. В лице Гайзера он увидел хищные, типично волчьи черты; он даже решил, что Гайзер где-то прячет хвост. Перед посадкой он спросил Гайзера:

- У вас есть бион? Ваши любят превращаться!

Гайзер не ответил и сразу проследовал в другой отсек корабля, чтобы еще раз проверить состояние стрелкового оружия. Все атакующие системы были неактивны и надежно заблокированы, в том числе, с помощью механических запоров, которые могут ставить только сотрудники ИВР. Гайзер проделал эти операции с каждым боевым аппаратом, нисколько не обращаясь к коллегам Массика. Во время полета Массик еще раз спросил его про бионы и его к ним от-

ношение. Гайзер произнес несколько самых общих слов, а затем стал чертить что-то в планшете. Он не сказал ничего прямо, но по косвенным признакам можно было догадаться, что превращаться в бион он не может, и что ему неприятны любые разговоры – во всяком случае, сейчас.

15

Два дня Кэнон ходил по лагерю и, не имея явных целей, обращался ко всем подряд. Он спрашивал обо всем: об энергии и ее источниках, о радиации, о дефиците воды. Одни с ним довольно охотно общались и давали ему кое-что из своих скромных запасов. Другим он сразу же надоедал. Прогонять его или ругаться с ним геологи не хотели, но пытались как-то уклониться от разговора, старались придумать себе срочное занятие. Так продолжалось, пока Кэнон не столкнулся с вулканологом. Он задал ему несколько вопросов, вулканолог произнес лишь: Да, сейчас. Пройдемте!» и отвел его к модулю, где сейчас находился главный инженер. Вулканолог заглянул внутрь – главный инженер ответил, что выйдет минут через пять и попросил подождать. В течение полчаса Кэнон ожидал и все это время придумывал различные колкие остроты. Он уже решил было уйти. Но инженер появился и принялся сам задавать вопросы. Кэнон разговаривал, но инженер сказал: «Прошу вас, говорите о деле!». Они разговаривали, используя двустороннюю связь между шлемами, и слышать их речь можно было только при наличии аналогичного шлема и расстояния не более трех шагов. Со-

трудники не слышали их разговоров, но совершенно точно, что главный инженер велел Кэнону идти за ним в один из модулей, по дороге задавал вопросы о колесном транспорте, держался с ним строго и даже почти накричал на него однажды. После этого Кэнон ни с кем не разговаривал. Главный инженер попросил Ориента зайти.

- Вы, конечно, знаете геологию южной части Р-8, южного полушария. За десятой параллелью там почти не производят из-за частых извержений и колебаний поверхности. Как вы считаете, отчего это происходит?

- Сэр, я думаю. Магматические озера внутри верхних слоев обладают высокой нестабильностью. Они вызывают постоянные изменения коры, помимо движения плит, а их движение – дополнительно стимулирует другие виды движения литосферы. Положительная, обратная связь.

- Вы правы! Есть миры, где вся поверхность находится в динамическом состоянии, и это не всегда юные планеты. Так. Ориент, я хотел Вам сказать. Для наших целей хорошо иметь внедорожники. Связь наладится – если не сейчас, то спустя месяц точно, корабли должны прийти. Но мы не знаем, сколько это все продлится. Нет сомнений, что внутри кроется нечто серьезное, это не борьба в диких джунглях. Да! Своих внедорожников у нас почти нет. Они остались в секторе «...-...», который, как Вы знаете, расположен недалеко от экватора. Фирма «...’с» проводила там испытания, затем благополучно улетела... Внедорожники остались! Они

связаны внутренней координацией. Из них можно построить цепь машин, или караван. Вы, конечно, читали об этом. Караван, только на суше. Ваш знакомый Кэнон утверждает, что там десятки бортов, а также мотоциклы. Их тоже стоит привезти. С мотоциклами мы могли бы работать активно. Нам почти удалось наладить производство энергии здесь на месте. Без запасных частей очень много не получится – и негде брать запасные части, ведь их не привозят. Ничего вообще не привозят. Нужен резвый наземный транспорт. Ориент, дорогой друг, я хотел Вас попросить. Вы могли бы съездить в тот сектор?

- На чем, сэр? И с кем.

- Сектор известен, но наши отряды не ходили там рядом. Только мистер Лидиграсс отважно преодолел каньоны, ему известны подробности трафика. Съездить с ним, на его мощном аппарате. Вы умеете управлять мотоциклом?

Ориент не умел, но подумал, что в этом нет ничего сложного. Нужно крепко держать за ручки, следить за трассой и не менять резко скорость. Он был убежден, что вместе с Кэноном отправят отряд, Кэнон будет кем-то вроде проводника – а руководить станут более опытные ИВР. Главный инженер горячо пожал ему ладонь и попросил сейчас ничего пока не делать, лучше спать; когда будет необходимо, его вызовут. Спустя двенадцать часов он позвонил. Ориент увидел большой гравитационный мотоцикл, на котором легко уместятся три ИВР в больших защитных скафандрах. Помимо

ездок, такой мотоцикл способен дополнительно тянуть изрядный груз. Сидения идут одно за другим. На втором сидении стоят заряженные аккумуляторные батареи и ядра. Они прикреплены надежно. Под панелями мотоцикла в разных местах есть полости для предметов первой необходимости. Туда поместили тюбики с пищевой пастой, сублимированные съедобные продукты, ампулы с водой. Кэнон стоял возле первого сиденья и рассеянно барабанил по рулю. Ориент подумал:

«Это он предложил! Он любитель авантюр. Только не понимаю, как будет Кэнону выгода, если здесь появятся чужие внедорожники. Он не сможет их продать»

Главный инженер подозвал робота и велел еще раз просканировать мотоцикл на предмет наличия микротрещин. Пока шел процесс, главный инженер показывал Ориенту как пользоваться ручным бластером. Прежде Ориент никогда не стрелял – если не считать игровых видеосистем, где используют модели реального оружия, стилизованные для детей. Бластер оказался нетяжелым, но непривычным для руки. Преимуществом его является отсутствие брызг – боевая плазма не расплескивается и летит лишь в определенные точки, подобно пуле. Главный инженер отвел Ориента на небольшую площадку, откуда отрывался рыже-серый ландшафт. На дне камни казались совсем ржавыми. В руках главного инженера бластер бил по камням и по их каменным макушкам, нарисован интеграл на песке. Ориент поду-

мал, у него так не получится, и просто пострелял по камням. Руководитель реагировал одобрительно. Он передал Ориенту и Кэнону по миниатюрному блоку, размером в четверть спичечного коробка, который можно в разных местах прикреплять к панелям машин. Блок содержит программ следования и взаимной координации, которые машины должны передавать друг другу. Кэнон прежде утверждал, что внутренние системы связи работали без сбоев. Сейчас он молчит. Бластер никак не хотел крепиться на скафандре Кэнона – там был пояс с зажимами, но Ориент не привык ходить с бластером. Он решил справиться сам. Тем временем робот повторно отсканировал мотоцикл. Перед отбытием Ориент съел предельно допустимую дозу препарата от бессонницы. Почему-то все пастилки, кроме последней, имели лаймовый вкус, а последняя – апельсиновый. Возможно, просто хотелось скушать апельсин. Кэнон не сказал, принимал ли он препараты до этого; взрослые сотрудники велели съесть ему две пастилки.

- Коллеги, общий трафик указан на карте. Придерживайтесь трафика. Микрорельеф обходите по собственному усмотрению, но не отклоняйтесь сильно. Будем очень-очень ждать.

Кэнон сел на переднее сиденье, Ориент – на третье. Между ними лежал аккумулятор. Мягко поднимая пыль, мотоцикл съехал с плато, сделал один крутой вираж. По связи Кэнону что-то сообщили. Мотоцикл принял ровное положение.

ние и пошел к скалам на западе. Предстояло преодолеть много сотен километров.

Преимуществом здесь было наличие слабой атмосферы, неспособной создавать встречное сопротивление, а также нормальная сила гравитационных полей. На астероидах их нет, планеты-гиганты, напротив, создают избыточную гравитацию и затрудняют движение. Принцип действия всех гравитационных видов транспорта заключается в отражении и частичном преобразовании гравитационных волн. Зная сложные фундаментальные законы и обладая технологической базой, можно делать быстроходные аппараты, парящие над поверхностью. Размер Р-8 и его геология были пригодными для такого быстрого транспорта. Слабость атмосферы заметно сокращает расход энергии, но с другой стороны, увеличивает риск внешнего лучевого воздействия. Мотоцикл шел на запад вдоль скал и извилистых изгибов земли. Вначале тень и светлые участки чередовались, затем начались обширные участки открытой местности. Мотоцикл начал нагреваться. Ориент дважды спросил, не нужно ли менять настройки мотоцикл, Кэнон только махал рукой: дескать, и так сойдет. «Как будто приятно остаться в таком месте – без всего!». Ориент глядел по сторонам. Каменный пейзаж не казался ему унылым или пугающим. Небосвод разделялся на три части. Самая нижняя примыкала к земле и чаще всего имела желтоватый оттенок. Над ней проходила неровная кайма, похожая на дым печной трубы. В одних ме-

стах она была густой, в других – почти незаметной. Большую часть небосклона занимал величественный черный купол, весь усыпанный точками. Ориент давно привык к таким картинам, и даже в раннем детстве не боялся их. Его опасения касались действия возможных врагов. Кремниевая биота где-то научилась стрелять и даже целиться; Ориент этого еще не видел, но ему не раз уже рассказывали взрослые. К счастью биота не создает оружие сама по себя – она стреляет только из того, что украдет, а поскольку красть мало есть чего (на Р-8 никогда не было военных производств), биоте не удастся добыть арсеналов. Если бы она могла создавать стрелковое оружие сама, она бы это сделала, поскольку у нее наблюдается склонность к самоорганизации. Пейзаж постепенно менял краски: из желто-рыжего он стал серебристо-серым, затем – голубоватым. Горы казались нарисованными вдали. Кэнон остановился посреди равнины. Неисправность.

Соскочив с мотоцикла, Кэнон прошел вперед, затем резко повернулся. Он стал делать Ориенту знаки, но затем передумал. Он что-то выплюнул. Лучи обжигали, несмотря на скафандр. Кэнон спросил, есть ли вода. Ориент достал две капсулы. Кэнон хотел открыть одну, но она у него выскочила и зарылась в песке. Капсула не лопнула, однако Кэнон не стал ее трогать.

- Ориент, открой. Пожалуйста. Я забыл. То есть не забыл, просто сейчас другая для рук работа. Открой?

Ориент щелкнул капсулой, и Кэнон ее разом выпил. В ска-

фандрах были системы удаления продуктов жизненного обмена. ИВР Гардиса умеют обходиться без обычных туалетных комнат, и продукты их обмена имеют иную химическую природу и гораздо меньший объем, но тем не менее формируются. Под мотоциклом клубилась пыль. Кэнон зашел в зону с очень низким содержанием влаги и высокой дисперсностью грунта. Пыль поднималась в обе стороны, как брызги, как кайма. Иногда мелкие камешки попадали под складки и мешали, особенно на пальцах. Ориент хотел сказать Кэнону, чтобы он двигался через другой район. Там, где горы отмечены синим шрамом, должно быть меньше пыли. И там, скорей всего, найдется тень. Долго находиться под открытым звездным светом неприятно. Мотоцикл долго рассекал пыль. К концу дня он достиг холмов, где тоже было пыльно. Руль внезапно завилял и едва не съехал набок.

Ориент громко сказал:

- У нас авария?

- Нет, здесь просто... неудобно. Дальше тоже пыль.

- Тогда надо выверить маршрут! – Ориент принялся листать цифровые карты. – Мы уклонились на 200 километров севернее. Здесь развилка: по экватору идет гряда, ее можно обойти либо с севера, либо с юга. Получается, надо идти еще дальше на север. Потому что юг – это...

- Экватор! Все боятся лавовых полей. Я их тоже видел, они опасные, точно. Но они южнее. Я бы предложил обратно пройти напрямую, ближе к полям – но не через них, конечно.

Я слышал, там земля напоминает кашу. Палец воткнешь – она провалится. На десятки метров. Длинный должен быть палец. Ты как еще? Не болит голова?

- Пока нет. А, что должна.

- Здесь магнитные копи. Верней, не здесь, а дальше. Говорят, от них идут поля на много сотен километров. Они были, когда катались по каньонам, прыгали. Здесь еще не то. Поедем, что ли.

- Да. Зачем нам стоять. Биота атакует большие скопления, но, я подозревая, что и отдельные аппараты тоже. Она не успевает, когда летят. Странно, не могу говорить развернуто. Это от пастилок.

- Вероятно. Но я же немного съел. – Кэнон пожал плечами. В другое время он бы стал говорить без конца, и удивился бы, если бы у него это не получалось. Сейчас он не говорил и не удивлялся. Ночь сменила день очень скоро. Мотоцикл двигался во тьме, при свете передних фар. Силуэты камней казались размытыми, но это совсем не пугало. В течение двух дней по счету Гардиса мотоцикл двигался, делая лишь незначительные остановки. Запас энергии снизился на треть, когда возник первый каньон, затем второй. Стали видны многочисленные следы протекторов. На скалах с очень гладкой поверхностью попадались различные углубления. Ориент вдруг догадался, что они зеркально повторяют рельефы бампера. Он спросил, какой сплав использовали в бамперах. Очень крепкий, сказал Кэнон. В течении пяти

часов они искали машины. Мотоцикл медленно поднимался по склонам, останавливался; Ориент и Кэнон шли пешком и смотрели в простые бинокли, затем спускались обратно. Постепенно они обнаружили места, куда автомобили заехали сами. Их программа велела им двигаться до «зоны без динамичных границ», т.е. туда где все явно неподвижно. Ориент спросил, где машины стояли прежде.

- В разных местах. Там дальше будет обширная зона. Где можно посадить корабль. Уже по ту сторону экватора. Мы по ту сторону экватора? Мы где? Проверь, проверь. Они поехали туда... да. И корабль сел. Потом другие поехали. Я пока разбирался с системой управления, потерял очень много времени. У них был цифровой блок с экраном, где все можно прочесть – если вскрыть коды – прямо в палатке он стоял. Знаешь, у них палатки как шатры – и защищают от радиации. Это частная фирма. Я просмотрел и нашел; потом они забрали блок. Но корабль, по их словам, мог взять не всех. Тех, кто у них давно не работал – я у них давно не работал – тех, сказали, возьмут потом – или дали маршрут на север. И всего два внедорожника. Там набилось черт знает сколько ИВР. Я не стал влезать, я сказал: у меня – своя – гордость. – Кэнон чуть не подавился, и слово гордость вышло очень невнятно. – Да, они улетели, кто у них недавно – уехали. Я думал, тут есть. Но тут не было. А потом.

- Ты видел тварей?

- Тварей? Нет, не видел. Мне достался мотоцикл. Я по-

мчался на юг, но там лава. Я прошел обратно, но не прямо, а там, где уже можно прыгать – через неподвижные поля. Я думаю, внедорожник пройдет. Как-то я попрыгал. А тот блок они увезли, увезли совсем.

- Удивительно, что ты не смог с ними... договориться! – сказал Ориент.

- Я это умею! – кивнул Кэнон. – Но здесь оказались те, что сами... сами умеют договариваться, убеждать, склонять и мани... мани-пули... в общем, склонять к сотрудничеству бесплатно. Я работал, разумеется, не бесплатно, во всех базах это написано, вот смотри. – Кэнон уронил брелок. – Нужен компьютер, да, я забыл. А, у тебя такой планшет? Хорошо! Посмотри, есть там!

- Сумма и время указаны.

- Только я думал, будет больше, и вообще... можно будет предложить. Но они же сами – как оказалось – договариваются. Один ИВР – такой мужчина, сильный на вид – он прямо мне сказал, чтобы я не лез. Мне пришлось молчать. А теперь я думаю, не связаны ли они с бандитами? Откуда взялась эта чертова биота. Когда они прыгали, черные ящеры набросились на борт и сразу оторвали колеса. Не знаю, перегрызли или как-то перепилили. Это произошло скоро. Никто из ИВР не погиб. Но черные ящеры не стали бы атаковать, если бы принадлежали им. Какой смысл. Ты не видел черных ящеров?

- Я видел другого цвета. Таких окрашенных... возможно,

сажа и пепел? На них насели?

- Да, наверное – согласился Кэнон.

Много думать совсем не хотелось. Автомобили с четырьмя колесами охотно соглашались следовать в колонне – их требовалось только завести. Аккумуляторы сохранили значительный заряд, однако его может хватить не всем. Кэнон говорил, что колесные машины легко буксируются на внедорожниках-вездеходах, самых больших автомобилях. Их салоны очень просторные, запас прочности позволяет выдержать прямые столкновения с грузовиком на большой скорости. У этих машин несколько иная система кодировки и защиты внутренних настроек. В случае опасности они могут уехать далеко. Поэтому они стояли отдельно от четырехколесных автомобилей. Двери внутри у многих были заблокированы. Кэнон дергал изо всех сил – ни одна не шелохнулась. У отдельных машин был приоткрыт задний кузов – он находился в таком заблокированном состоянии и не двигался совсем. Кэнон кое-как сумел пролезть в одну из таких щелей, долго нажимал на кнопки. Внедорожник распахнул двери. Ориент заглянул внутрь и высоко оценил внутреннюю отделку. На полу и широких сиденьях остались фрагменты ярких упаковок. Одна была нераскрыта. Ориенту даже захотелось положить ее в карман. В простом скафандре не было наружных карманов. Упаковку можно было открыть. Ориент колебался. Кэнон уже вышел из кабины.

- Не удастся запустить. Ладно, потом. Пусть стоит откры-

тая. Попробуем другие.

В распахнутые двери попадали частицы пыли, но, по-видимому, это было нестрашно для внедорожника. Они обнаружили еще один с незакрытым окном. Кэнон не мог туда залезть. Ориент был изящнее, но отверстия располагалось высоко от земли. Пришлось встать на крышу и аккуратно пропихивать себя ногами вперед, не видя что внутри. Матовые стекла внедорожников стекла не позволяют рассмотреть салон снаружи. Кэнон придерживал Ориенту руку. Голова в шлеме бы не прошла. Ориент решил быстро открыть дверь и затем надеть шлем обратно. Он проскочил внутрь и тут же ощутил прохладу. Дышалось на удивление легко. Внутри были сиденья, панели, управляющая панель с большим рулем. Не увидев ярких упаковок, Ориент огорчился. Он не прочь скушать что-то сладенькое. Ориент стал открывать створки с простыми механическими запорами. Он увидел сувенирный брелок и тотчас сунул его под голову, в свободное пространство комбинезона. Брелок уперся и застыл. Наверное, в нем не было никакой практической пользы, но Ориенту хотелось взять хоть что-то. Он стал проверять систему управления.

- Ну как? – спросил Кэнон.

Ориент запустил двигатель, затем открыл двери.

- Ты будешь проверять?

- Зачем, просто установи программу. – Это оказалось гораздо труднее, чем у четырехколесных автомобилей. Внутренняя система, очевидно, заранее была настроена не под-

даваться на такие спонтанные внедрения. До этого для установки требовались одни и те же действия, не надо было задумываться. Теперь Ориент попробовал три варианта, и все три неудачно. В салон сел Кэнон. Он смотрел на панели, на руль, не отворачивал головы и молчал подолгу. Ориент пошел проверить остальные машины. Четырехколесные автомобили послушались и уже встали в цепь. Открытый шестиколесный борт дает сигналы о внутреннем беспорядке – в салон набирается пыль, и она может навредить системам. Кое-где видны желтые полосы и точки. Ориент стал смахивать их руками, затем увидел салфетку. Пыль просыпалась; частично он все же очистил салон. Ориент прошел на запад, где открывалось обширное пространство. Границы того каньона с трудом видны на горизонте. Ориент приподнялся по склону и взял бинокль. Видны борозды и следы от машин. Видны мелкие изгибы. Что-то шевелится. Он настроил резкость. Камни неподвижны. Он убрал бинокль. Мелкая рябь встает перед глазами. Может быть, это усталость? Он искал следы змей или ящеров. Как будто незаметно. Но земля подрагивает. Он повернул обратно и вспомнил, что здесь постоянно идут мелкие землетрясения, иногда они резко усиливаются. Ориент огляделся:

- Кажется, я далеко зашел. Как же это я не заметил? Никакой связи! Надо было... впрочем, я не умею управлять.

Он зашагал обратно, насколько мог быстро. Бегать в шлеме подолгу он еще не умел, к тому же он боялся упасть и

разбить бинокль. До Кэнона он добирался целых два часа. Кэнон так и не смог запустить программу. Внедорожник соглашался подчиняться прямому управлению, т.е. выполнять команду руля; следовать в общей колонне он не хочет. Кэнон сказал.

- Ладно. Так поедem. Загрузим мотоцикл на борт. Или он не влезет. Сделаем так, чтоб ехал следом. А другой. С ним еще возиться. Ты умеешь управлять.

- В целом...

- Тогда пусть его тащат авто. Эти. С четырьмя колесиками. Надо подогнать и присоединить. У него должны быть тросы. А остальные – не открываются.

Оказалось, что для установки тросов тоже требуется нажать на кнопки. Внедорожник сопротивлялся. Кэнон стал негодовать, но, по-видимому, им сильно владело действие пластинок. Кэнон не смог выговорить до конца даже одно резкое слово. Он зевнул. К вездеходу подключили свои планшеты, чтобы управлять панелью через них. Внедорожник заблокировал ту панель, под которой находились крепления. Кэнон тыкал пальцем в экраны, а потом вдруг сказал:

- Слушай, друг. Кончай шуршать.

Помолчав, он добавил:

- Ну, давай, ну все. Конец.

Он посмотрел на Ориента.

- Ты ко мне обращаешься?

- А к кому. Эта дура бестолковая.

- Но я совсем ничего не говорил.

- У меня идут сигналы от тебя. Такие мелкие частые сигнальчики. Ты мне что-то хочешь передать.

- Я вообще ничего не передавал! – Ориент показал свой прибор. Он не написал ни слова, однако планшет Кэнона показывал: идут постоянные сигналы. Они оба застыли и принялись оглядываться. В четырехколесных машинах нет возможности посылать сигналы, у них нет процессоров. Большие внедорожники посылают сигналы иначе. Они способны передать 5-10 простых слов. А сейчас идут не слова – а некий шум, воспринимаемый прибором как слова на непонятном языке. Шум не прекращался. У Ориента в планшете включена функция приема. Кэнон ее случайно включил. Ориент ее активировал – и у него сразу же возникли похожие сигналы. Они чем-то напоминают древние формы аналогового общения. Но связь Гардиса нигде не работает.

- Чертовщина. Или эти. Тут же были... я говорил? Когда испытывали, иногда висел шум. Тогда думали, это от звезд. Вот бы найти источник шума!

- Это явно не Гардис! – возразил Ориент. – Это либо извне, внешнее внедрение, либо... кто-то сидит у поверхности. Такие сигналы может давать аппаратура. Но у биоты ее нет.

- А вдруг есть? Если мы найдем источник... так, ориентировочно, это будет достижение. Нас похвалят. То есть, я хочу сказать. Это позволит решить проблему... Давай поедем

и посмотрим. Все равно надо обкатать агрегат.

Они сели во внедорожник и повели его по широким каньонам. В узкие места Ориент просил не заезжать. Ориент кивал. На западе был выход из каньона к широким равнинам, по которым можно было идти на север. Но там шум стал резко усиливаться. Они повернули на юг. Прежний путь казался почти неузнаваемым. Они проехали по нему и вдруг увидели столб из камней. Они стояли друг на друге, словно тотем. Внедорожник подъехал ближе. Столб не двигался. Кэнон решил проверить его прочность. Он резко увеличил скорость, помчался и столба как не бывало. При этом не было удара. Они проехали вперед, сделали полукруг, затем стали возвращаться. Ориенту показалось, он видит один из тех камней. Он высунулся наружу с бластером, но все двигалось перед кабиной и нельзя было определить, подвижны ли камни. Он не выстрелил. На обратном пути шум исчез, затем внезапно усилился. Ориент сделал беглый анализ грунта и определил, что повышенное содержание гадолиния (незначительное увеличение концентрации) способствует распространению шума. Кэнон предложил не возиться. Но они увидели разлом в скале, перед которым шум стал огромным. Внутри лежали только камни и пыль. Они отъехали от разлома и шум почти исчез. Они достигли ущелья с выраженной деформацией скал. Очевидно, кто-то скреб камни узким ковшом или даже лезвием. Ориент не мог вспомнить, проводил ли кто-то здесь добычу; об этом говорили старшие. Теперь

трудно вспомнить. Большие щели и трещины то скрывали шум, то напротив, усиливали его. Внедорожник прошел мимо узкой крутой воронки. Она была наполнена чернотой. Затем они увидели еще воронку, пошире. Они остановились. Кэнон сбросил туда камень. Камень покатился глубоко вниз.

- Тут эти ползали. Но если мы найдем источник шума. Если мы его увидим. Это будет полезно.

Ориент согласился (ему очень хотелось прикоснуться к загадке). Не замечая следов биоты, внедорожник пересек ущелье и добрался до большого провала. Он был одновременно похож и на разлом скалы, и на карьер. Местами можно было спускаться. Ориент заметил, что планшет отключен. Он сдал панели, однако планшет не хотел работать. С помощью прямого провода Ориент подключил его к внедорожнику. В планшете тут же выросла большая красная полоса. Мощный сигнал – или вирус? – или обман? Такое бывает, если сообщают о техногенных авариях. Но вокруг нет ничего. Скалы вовсе неподвижны, никто даже не добывает грунт. В карьере видны углубления.

- Будем спускаться... – сказал Кэнон ровным тоном. Он не сомневался и не спрашивал.

- Клопы.

- У кого?

- Клопы. – Ориент выстрелил и уронил бластер. Камни были неподвижны. Он сделал шаг вперед – один зашевелился. Выстрел пятно. Нет ящеров?

Шум вопит.

- Слушай, отсоедини свой фон. Свой телефон. У тебя есть фото? У меня совсем плохое. Сходим посмотрим. Тут их нет?

- Пусть только появятся! – сказал Ориент резким тоном и сразу же удивился. Местами в карьере были ровные выступы, почти похожие на ступени. Они шли вниз к отверстиям. Функция записи работала. Планшет сообщал о наличии каких-то информационных потоках, писал о внедрении. Они спускались. Внизу поверхность была покрыта пористым материалом. Ориент его коснулся.

- Это же пемза. Здесь выходит лава наружу. Да! Эти разломы от землетрясений, а это – застывшая лава. Только она очень мягкая.

- У меня шум в голове! Не трогай.

Ориент прикоснулся снова.

- Да ну ее.

Ориент отломил кусочек породы – она действительно была очень пористой, подобно губке. Ориенту даже сперва показалось, что она очень мягкая. Он отломил еще – и тут в планшете – в микрофонах – они услышали голос.

«Хорошо. Что нашли мое наследство. Бедная я бедная. Теперь придется постараться!»

- Бежим – прошептал Кэнон. Они замерли. Голос – обычный, понятный – и вместе с тем поразительно глубокий, пронзающий – повторил те слова. Они вихрем помчались к

машине. На ходу Кэнон выронил что-то – Ориент краем глаза это видел и не стал говорить. Он ощущал до боли сжатые кулаки. Уже у борта он заметил: в руках был его планшет и два куска породы. В них могла быть огромная ценность. Они сели и внедорожник помчался обратно. Кэнон держал руль крепко, только голова его резко вздрагивала. В карьере остался его планшет. Это выяснилось, когда уже уводили колонну из каньона. Ориент набрал функцию воспроизведения. Голос наполнил салон ужасом. Ориент тут же выключил. Он убавил громкость на 99,9% и поднес планшет к голове. Все равно слышно. Планшет не показывает никаких программ, однако он запомнил те колебания. Их даже можно визуализировать. Ориент видел пики, провалы, перемины и не мог их расшифровать. Он сохранил эти файлы в нескольких режимах. Затем он стал искать фотоаппарат.

- Это еще зачем?

- Запечатлеть вид – как дублирование.

- Вот этого еще не хватало. Это, конечно, жуть. Я не знаю, что это. Но если мы покажем, то все, то все.

- Испугаются?

- Не знаю. Это явная дрянь там сидит. Подземный блок или что-то вроде этого. Подземная станция. Так не стала бы она работать так мелко. Зачем ей наши внедорожники. Или здесь окопался кто-то временно! Не знаю, не знаю! Не хочу подробно думать. Но зато. Знаешь, друг Ориент, если это мы покажем – это может быть очень важно. Это как открытие –

для спецслужб. Нас даже наградят! Или заберут отсюда. Мы сейчас на карантине, в изоляции. Хотя никто ни в чем не виноват. Не мы это устроили!

Кэнон говорил то шепотом, то внезапно начинал кричать. Он не смотрел на Ориента совсем и не выпускал руля. Повсюду были камни высотой до колена. Вездеход шел по ним, не замечая. Один раз он слегка подпрыгнул – под куском плиты оказался спуск. Ориент схватился за руль левой рукой. Кэнон бормотал, глядя вперед: я держу, держу. Они забыли путь, который привел их к карьеру, и отыскивали другой. Когда они вернулись к колонне, солнце уже скрылось за скалами, но было еще относительно светло. Ориент открыл окно и закричал, чтобы все включили фары. Ориент ощущал сильное давление в области своего сердечного ядра. Он вдруг сообразил и быстро набрал команду через подключенный к панели планшет. Фонари машин зажглись, мотоцикл с большим трудом подняли в кузов одного из четырехколесных автомобилей. Он был мощней и устойчивей других, и на кузове у него были специальные тросы, крепления. Второй внедорожник стоял почти в середине колонны. Его закрепили таким образом, чтобы его одновременно и тянули спереди, и толкали сзади. Приближалась ночь. Колонна двинулась на восток, чтобы затем свернуть на север. Ночь дрожала. На поверхности мерещились тени, силуэты, подвижные фигуры. Внезапно раздался толчок. Огромная часть земли, расположенная к югу, стала медленно опускаться; навстречу

ей выбивались клубы пара. Магматическое озеро нашло рядом выход для своей бушующей мощи. По расчетам Ориента зона бурлящих песчаных озер должна быть расположена гораздо южнее. Он смотрел на карту в планшете, и случайно опять включил тот голос. Ориента пронзило холодом. Казалось, будто из-под неведомых сводов земли, из преисподней тянется неистовая сила, способная перевернуть все, что есть в этом мире. Навигатор показывал, что они движутся на восток. Однако по косвенным признакам получалось, что колонна уходит к югу, в зону, расположенную перед огненными озерами. Ждать было нельзя. Кэнон и Ориент принялись спорить и внезапно вспомнили о простых магнитных компасах. На Р-8 было несколько локальных магнитных полюсов; тем не менее, Ориент точно знал, как определяется север. «Север совсем в другой стороне! Ночь нас обманула». Кэнон развернул колонну. Машины бились друг о друга бортами, но двигались. Утро должно было облегчить ориентацию. Они пошли на небольшой скорости.

Горной гряды, от которой они поворачивали в прошлый раз, еще не видно. Ориент вспомнил, что там не сплошная стена, а скорее чередование средних и малых высот, между которыми есть обширные проемы, шириной до полукилометра. Утро приближалось. Внезапно автомобиль стал проседать. Колебания возрастали. Вперед возник островок. Кэнон увеличил скорость – внедорожник проскочил вязкое место и встал на твердом грунте, немного наклонившись на-

зад. Впереди тоже было все вязкое. Каким-то образом горячая лава дошла сюда. Грунт растапливался. Задние машины уже дают предупредительный сигнал: застрял второй внедорожник. Кэнон нажал две кнопки, чтобы его вытащили. Машины сзади пошли на маневр – и стали вязнуть одна за другой. Одна почти провалилась. Кэнон хотел надавить на газ, но тут увидел, что впереди все дрожит. Разворачиваться уже нет возможности. На востоке оставались целые островки грунта. Внедорожник решил двигаться к ним. Там было не так горячо, и колеса не успевали расплавиться. Ориент постоянно смотрел назад, но в боковых стеклах он не видел даже ближайших бортов. Внедорожник добрался до гладкой поверхности. Она качалась. Часть машин сообщала, что на осях висит грунт, что они не возвращаются. Они смогли подойти друг к другу вплотную. Ориент по крыше внедорожника добрался до ближайшей машины. Нужно было или бросить ей трос, или слегка ее перенастроить. Пять минут он не решился прыгать. Наконец он медленно встал на скалу, тронул ногой грунт, отпрянул, затем оттолкнулся и прыгнул, прямо на бампер следующего борта. Нужно было преодолеть меньше двух метров, но грунт пугал. Всюду были видны пары – пока еще не большие. Кэнон кричал о трех кнопках и рычагах, которые открывают патрон с буксирами. Ориент их не нашел и стал открывать буксировочный клапан вручную. Внезапно острый стержень вылетел назад - он пробил бампер третьего автомобиля, скользнул по борту и раскрылся

уже внутри бампера. Третью машину подтащили. Затем аналогичным способом старались подтащить следующие машины, объединить их всех в цепь. Кэнон прыгал широко, но его что-то ограничивало, он едва не складывался пополам. Им удалось связать тросами семь машин, остальные, наверное, утонут, подумали оба. Во время этих прыжков Ориент чувствовал огромное напряжение, обостренное чувство внимания, и страх – совсем не тот, который связан с ощущениями. Страх просто сидел в мозгу и говорил: если прыгнешь плохо – попадешь в горячий грунт. Наружная обшивка шин давно тлела. Шины имеют тройную оболочку. По словам Кэнона можно ехать, даже если пробиты две из трех. Ориент видел трещины и они казались ему жуткими. После семи машин они решили двигаться. Внезапно на горизонте возник гигантский стержень – исполинская змея упала там, где стоял второй внедорожник, упала совсем рядом. Она не боялась пара и огня, от нее стали двигаться едва заметные точки. Они могли добежать до первой части колонны, однако их привлек внедорожник. Все его системы работали; и в машинах, которые тонули вокруг, тоже оставались включенные электроприборы. «Пускай занимаются», пробормотал Кэнон. Во время прыжков он ожег себе ладони. Ориент пересел к рулю. Кэнон придерживал один из главных рычагов, остальные, он сказал, почти не нужны, если двигаться прямо. Ориент повел внедорожник вперед, по дрожащим и почти целым участкам. Он держал руль намертво и почти не вращал им. Двигаться

быстро было невозможно, иначе грунт мог рассыпаться. Колонна семенящим шагом уходила прочь на северо-запад, где было узкое, неудобное для колес ущелье.

«Пожалуй, стоило пройти сначала на восток, а затем свернуть на север. Но очень торопились, и нельзя было иначе». Ориент был почти уверен, что хозяин тайного голоса послал за ними погоню. На вязком грунте биота не может быть очень активной, она утонет. Только змеи ползут-скользят, не проваливаются. На твердом грунте могла случиться бойня. Она прежде не случилась, потому что обошли, ушли на запад. Но здесь вполне могли утонуть. Одна из машин сигналила подолгу. Как нужно было действовать, что делать, если невозможно предвидеть даже то, что случится через час. Горы оказались куда более подвижными. Ландшафт меняется сам по себе. Надо держаться. Надо продержаться до территории за грядой. Там тоже неизвестная обстановка.

Такие мысли прыгали в голове Ориента. Они мчались наперегонки, обгоняли и отталкивали друг друга, не способные задержать на себе внимание; пожалуй, это было даже хорошо. Сейчас не время задумываться о чем-то кроме поиска твердой земли. Такие участки не всегда видны; часто на них уже выплеснулся горячий грунт. Разглядеть такие участки мог только профессиональный геолог или очень опытный путешественник – и тот, кому всегда везет, кто умеет угадывать. Машины послушно тянулись за вездеходом. Обожженные колеса оставляли ленты и клочки на горячем грунте.

Шины имеют три композитных слоя большой толщины, они все еще держатся. Колонна прошла уже несколько десятков миль, а горы не приближались. Появился участок, где почти не было дрожи. Колонна остановилось ненадолго. Внутри салона скопился странный запах, который не могла разогнать вентиляция. Ориент открыл дверь, чтобы немного освежить салон, и едва не споткнулся. Колени сгибались сами по себе. Снаружи запах стал еще сильнее. Это от колес, пробормотал Кэнон. Они решили осмотреть уцелевшие машины. У половины колес были глубокие пробоины, в отдельные из них легко пролезает ладонь. Такие колеса стоило заменить. В кузове каждой машины было одно запасное колесо и две шины. Их решили не менять. Вместо домкрата использовали автоматический куб, который мог приподнимать грани и менять формы. Это не был полноценный робот, но выполнял команды довольно скоро. С пальцев стекала краска и фрагменты внешней оболочки скафандров, технические салфетки вытирали плохо, а больше ничего не было. Они смогли вдвоем заменить самые поврежденные колеса. С островка тянулась лента твердого грунта, которая как будто расширялась вдали. Вездеход двинулся по ней и спустя час достиг твердой поверхности. Точных координат и места не удалось установить. Зато были видны проходы между скалами. В течение всей ночи колонна двигалась на север и на северо-восток, объезжала странные скопления ржавчины. Казалось, из-под земли вырос чугунный гриб, валуй или шампиньон, который

вскоре заржавел и вершина его просела. Утром следующего дня стали ориентироваться снова. По магнитно-гравитационным параметрам Ориент установил их приблизительное расположение – они сейчас опять в северном полушарии, не так далеко от трассы, по которой двигались из лагеря. Ее решили не искать, но обнаружили случайно. Рыжий пик с навесом, под ним – каменные «стволы», фрагменты скал, подобные бревнам. По дороге дважды приходилось останавливаться и осматривать двигатель. Теперь уже сам внедорожник сообщал о неполадках. Они смотрели на двигатель и на его схему, которая столь любезно оказалась в бардачке. Ориент уже не удивлялся тому, что ему удастся дело, которым он не занимался прежде. У него был опыт ремонта геологических машин, но там все же он чинил другие узлы. К тому же, чаще всего чинили роботы, а он следил за ними. Сейчас все делали вручную и, пожалуй, неплохо. Колонна смогла дойти до лагеря без дополнительных потерь. Одна из машин сигналила столь резко и отчаянно, что ее оставили под скалой, и последние сотни километров прошли без нее. Наверное, ее тоже удастся отремонтировать.

Кэнон сказал, эти неполадки не устранить в простых условиях. Они еще раз проверили работу двигателя и других систем внедорожника. Ориент сказал:

- Одно дело для двоих!
- Что?
- Так назывался фильм, или даже целая серия фильмов.

Где вдвоем каждый раз приходилось вести какое-то обширное дело.

- Вдвоем не скучно! – отозвался Кэнон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.